

Научно-теоретический и методический журнал

3
2008

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ *в школе*

Периодическое издание основано в 1916 г., возобновлено в мае 1934 г.

Входит в перечень ведущих научных журналов и изданий, утвержденный ВАКом РФ

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство образования и науки Российской Федерации
Межрегиональная общественная организация
«Объединение преподавателей истории»
ООО «Преподавание истории в школе»

Отечественная история

XIX – начало XX века

- 3 Т.М. Химич**
Публичные выступления профессора И.К. Бабста в
1856 и 1860 гг.
- 7 Е.С. Кравцова**
Особенности налоговой системы России на рубеже XIX–XX вв.

- 11 Е.А. Грицутенко**
Роль французского предпринимательства в парфюмерно-
косметической промышленности Москвы второй половины
XIX – начала XX в.

- 15 В.С. Иванова**
Организация межевания и проектировка переселенческого
фонда в Забайкальской области в начале XX в.

- 19 А.Н. Курцев**
Российское беженство Первой мировой войны

После 1917 года

- 23 А.В. Македонский**
Ликвидация неграмотности в РККА в 1920-е гг.:
практика и итоги

- 27 В.В. Номогоева, М.Г. Цыренова**
Становление исторического образования и исторической
науки в Бурятии (1920 – середина 1930 гг.)

- 31 И.С. Цыремпилова**
Русская православная церковь Байкальской Сибири
1920-х гг. и региональная власть

- 35 И.Г. Иванцов**
Деятельность органов внутрипартийного контроля ВКП(б)
по преодолению продовольственных затруднений на
Северном Кавказе в начале 1930-х гг.

- 39 Н.А. Володина**
Советская система политического контроля 1945–1953 гг.

Россия и окружающий мир

- 43 М.А. Сапронова**
Институт верховной власти в Магрибе в османский период

- 47 А.А. Болтаевский**
Участие русских войск в разрешении греческого вопроса в
1916–1917 гг.

- 51 Е.В. Якубовская**
Оценка характера февральских событий 1917 г. в советской и эмигрантской (русской) историографии 20–30-х гг. XX в.
- 55 Т.А. Пархоменко**
Полоса русской истории: Советская и Зарубежная Россия в 1917–1940 гг.
- 59 Л.Б. Санжиева**
Роль телеграфных информационных агентств в осуществлении международного информационного обмена в 1930-е г.

Культурология и педагогика

- 63 А.Г. Еременко**
От цивилизационно-культурологического подхода к методологии «диалога культур»
- 67 В.В. Базарова**
Из опыта реформирования монгольской письменности в начале XX в.
- 71 М.А. Буздыгар**
Педагогика Л.Н. Толстого в контексте идейного становления С.Н. Дурьлина
- 74 Е.В. Панкратова**
Государственная политика в сфере народного образования в 30-е гг. XX в.
- 77 Д.Н. Чангалиди**
Формирование устойчивого интереса к пограничной службе у будущих военнослужащих во внеклассной работе по истории

АДРЕС РЕДАКЦИИ ДЛЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ПОСЕТИТЕЛЕЙ:

129626, Москва,
ул. Павла Корчагина, дом 7, А

Тел.: (495) 683-2541.

Тел\факс: (495) 683-8583.

E-mail: pishinfo@rambler.ru

www.pish.ru

Формат 70×100 1/16.
Тираж 3500 экз. Заказ №

Журнал зарегистрирован
Министерством по делам печати,
телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций РФ
28 декабря 2000 г.
Свидетельство ПИ № 77-7049
Отпечатано в ОАО
«Выбор-принт»

127278, Москва,
ул. Павла Корчагина, дом 7, А.
Тел. (495) 683-54-52.
Факс: (495) 683-54-52.

© ООО «Преподавание истории в школе», 2008, № 3.
Спецвыпуск

Распространяется только в розницу.

Главный редактор Э.Н. Абдулаев
Заместитель главного редактора В.Б. Перхавко
Редакторы отделов С.А. Абрамова,
А.Ю. Морозов
Зав. производственным отделом С.А. Голубков
Компьютерная верстка С.А. Голубков
Координатор номера В.Б. Перхавко

Редакционный совет:

Э.Н. Абдулаев, М.Д. Афанасьев,
В.В. Артемов, И.В. Бестужев-Лада,
О.В. Волобуев, А.А. Данилов, А.Б. Драхлер,
А.Н. Иоффе, Г.М. Карпов, А.В. Лукутин,
О.Н. Наумов, А.П. Прохоров, В.Б. Перхавко
(председатель), Е.В. Саплина, Я.В. Соловьев,
М.Г. Цыренова, А.И. Чернов, А.П. Шевырев

Охраняется Законом об авторском праве. Запрещается воспроизведение журнала или журнальной статьи без письменного разрешения издателя.

Любая попытка нарушения закона будет преследоваться в судебном порядке.

Т.М. Химич

Публичные выступления профессора И.К. Бабста в 1856 и 1860 гг.

Публичные выступления представителей науки были характерным явлением XIX в. Их появление «показывает с одной стороны доверенность и уважение ученого сословия к обществу, [а] с другой – сочувствие общества к ученому сословию»¹. Доступ на лекции был свободный, потому любой желающий, имел возможность их посетить. Одним из лекторов, особенно интересовавшим общественность, был профессор Московского университета Иван Кондратьевич Бабст.

И.К. Бабст – ученый, педагог, экономист, статистик и публицист, а также историк и предприниматель. Он родился 20 октября 1824 г. в г. Коротояк Воронежской губернии в небогатой дворянской семье. После окончания Рижской классической гимназии продолжил образование в Московском университете на историко-филологическом факультете. Через два года, в 1848 г., «выдержал экзамен на степень магистра», в 1850 г. представил свою магистерскую диссертацию на тему «Государственные мужи Греции в эпоху ее распада», которую с успехом защитил годом позже².

Еще будучи студентом Бабст, благодаря своей любознательности, обратил на себя внимание одного из университетских преподавателей – профессора Т.Н. Грановского, для которого стал любимым учеником. Учителя и ученика также сближала общность их общественно-политических воззрений: оба они разделяли взгляды западников. Благодаря рекомендации педагога, молодой ученый получил предложение занять место на кафедре политэкономии и статистики Казанского университета. В сложившихся условиях Бабст по-

шел на смелый шаг: принял это приглашение, при этом меняя путь ученого-историка на экономиста. Он с энтузиазмом приступает к изучению новых для себя дисциплин.

На работы молодого ученого в области политической экономии сказалось полученное им образование историка. Так, он переносил на политическую экономию исторический подтекст, благодаря чему явился одним из первых в России проводников идей формировавшейся в Германии исторической школы политической экономии³.

За первый год работы в Казанском университете Бабст пишет работу «Джон Ло или финансовый кризис Франции», за которую ему была присуждена степень доктора исторических наук, политэкономии и статистики. К казанскому периоду жизни относится также его первое публичное выступление, состоявшееся 6 июня 1856 г. и сделавшее его известным «в научной общественности России». В своем выступлении Бабст указал на экономические и политические проблемы в развитии народного хозяйства России, а также меры к их устранению.

Как сторонник теории рыночных отношений он выступает за широкое привлечение иностранных капиталов. «Мы богаты землей, – пишет Бабст, – богаты естественными продуктами, но бедны капиталами, необходимыми для усиления нашего производства... очевидно значит, что нам гораздо выгоднее пользоваться чужими дешевыми капиталами»⁴. Бабст также отдавал предпочтение частным предприятиям перед государственными. Кредит он называл главным рычагом народной промышленности.

Ученый не обошел стороной традиционную проблему своего времени – противобор-

Татьяна Михайловна Химич – историк, Москва.

ство свободной торговли и фритредерства. Так, по его мнению, в математическом плане теория свободной торговли абсолютно верна, но «неограниченное ее применение к практике... будет величайшим злом для всякого общества, где, благодаря искусственным мерам, вызваны были к жизни разные отрасли промышленности...»⁵.

Главные причины медленного обращения капитала, по мнению ученого, это отсутствие безопасности, привилегии, которыми пользуются отдельные сословия, постоянные вмешательства государства в частные дела промышленников. Для Бабста «каждая монополия есть зло, потому что это не более и не менее как налог на промышленность в пользу лени или воровства». Каждая монополия, каждая данная государством привилегия нарушает равенство между промышленными силами.

Отрицательное воздействие на увеличение капиталов оказывает нестабильность политического курса, отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Каждому человеку, считал Бабст, необходима уверенность в том, что результаты его труда не пропадут. Если такая уверенность есть, то умножение капиталов не заставит себя долго ждать, тогда как «в беспокойные эпохи капиталы и деньги прячутся».

Весьма актуально звучит из уст Бабста проблема политической нестабильности, которая удерживает от желания вкладывать свой капитал в какое-либо производство. В таком случае оказывается более надежным обращать капитал в ценные вещи и «хранить под спудом», что, по Бабсту, уже не является капиталом, так как он не используется производительно, а польза от мертвых капиталов отсутствует.

При таком положении дел ученому странно было слушать кивание людей на врожденную лень некоторых народов, из-за которой якобы такая ситуация и складывается, вместо того, чтобы найти объяснение подобной ситуации. И если посмотреть внимательнее, то ответ очевиден: там, где люди предпочитают «истратить последнюю копейку, чтобы она не досталась другому», нечего ждать успехов в хозяйстве страны. Поэтому лучше не говорить о всенародной лени, а создать условия для обеспечения труда и собственности.

Главной причиной накопления капитала Бабст считал предусмотрительность и заботу

об общем благе. Только неразвитые народы, стоящие на «низкой ступени нравственного развития, не знают предусмотрительности», «они все одинаково эгоисты». Только человек нравственно образованный понимает, что, увеличивая свои результаты труда, он «трудится для общего блага».

Об этой речи позже писал московский ученый, ученик Бабста, А.И. Чупров: «Речь Бабста затронула самые живые вопросы того времени, выразила мысли и чувства, таившиеся в душе у многих. Самая форма речи – страстность убеждения, одушевленная вера в открывающуюся великую будущность России... возвращающийся нередко до поэтической образности язык, который составляет особенность Грановского и его ближайших учеников, – все это придало речи, произнесенной в тиши провинциального университета широкую известность...»⁶.

Свое отношение к этой лекции высказал также крупный московский фабрикант Я. Прохоров, который 12 апреля 1857 г. писал Бабсту: «Я вашу речь с наслаждением прочитывал, и последующие ваши статьи весьма нам интересны. Конечно, кое-где в Вас видим идеи нового учения о свободе торговли, но Вы благоразумно разъясняете, и мы, неученые, понимаем. Поверьте, что это все ко времени осуществится, только подготовьте нас к этому благоразумно, быть может, через полвека сами пожелаем того»⁷.

Казанскому университету Иван Кондратьевич отдал 6 лет (с 1851 по 1857 гг.). Именно в его стенах произошло становление Бабста как ученого, получение им общественного признания, которое совпало с важнейшим временем в истории страны – Россия готовилась к «великим реформам».

12 января 1860 г., работая уже в Московском университете, куда он был приглашен на место профессора И.В. Вернадского, Бабст произнес торжественную речь. В этом выступлении он показал себя дальновзорким оратором, назвав предшествующее четырехлетие «зачатками великих реформ». К участию в подготовке предстоящих реформ ученый предлагал вовлекать все население, так как только сами промышленники, земледельцы и торговцы знают истинные нужды России в противовес чиновникам, которые вероятно не выезжали «никуда далее обводного канала».

«Главной язвой...хозяйства» Бабст считал расстройство денежной системы. Эта проблема коварна тем, что проявляется она очень медленно. Это явление особенно неблагоприятно для России, если учитывать, что в данный период промышленность только начала вставать на ноги, а также «открылось широкое поприще частной предприимчивости. Среди основателей компаний, основанных в 1857 г., преобладали, по словам ученого, «чиновники и откупщики». Подобные капиталы, «быстро и скоро нажитые, обыкновенно и имеют склонность к спекуляциям»⁸.

Вместе с тем, в обществе возрос интерес к акциям и промышленным предприятиям (в 1858 г., по словам ученого, была «акционерная горячка»). Все эти явления предвещали «что-то недоброе», учитывая, что еще недавно общество не доверяло никому, кроме опекунских советов. Плюс к этому, «в целом экономическом составе общества появились признаки, сопровождающие постоянно напряженное и ненормальное направление промышленности: страсть к спекуляциям вообще, к роскоши, к скорой наживе без труда», в частности.

Касаясь вопроса таможенной политики, Бабст полагал, что в случае когда промышленность находится в сложной ситуации и страдает, в том числе от недостатков капиталов, «не время понижать тариф» и тем самым ее тревожить.

Предоставление полной свободы каждой отдельной корпорации, по мнению Бабста, немислимо так же, как и другая крайность, в которую впадают приверженцы сторонников административного вмешательства в хозяйственные дела. Более того, Бабст называет утопией как ожидание полной гармонии там, где есть абсолютная свобода, так и стремление «другой партии» представить регламентирующее учреждение каким-то идеалом справедливости и правды, так как хозяйственного идеала быть не может и каждая форма народного хозяйства соответствует потребностям известного народа в данное определенное время.

Вместе с тем, считал он, покровительство торговли и ее защита от возникающих препятствий – «первое дело каждого правительства... потому что эта отрасль народной хозяйственной деятельности есть главное маховое колесо народной промышленности...»⁹.

Бабст отмечает, что внешняя торговля приносит несравненно больше прибыли чем внутренняя, хотя страдает от возникающих кризисов именно первая. Ярмарочную, «базарную, мелочную» торговлю он относит к первобытным формам торговли с ее неотъемлемым кочевым характером. Среди главных условий развития торговли он называет отсутствие монополий, а свобода и обмен промышленности – «это первое и главное условие преуспеяния народного хозяйства».

Традиционное противоборство свободной торговли и фритредерства отразилось и в речи Бабста. Так, по его мнению, в математическом плане теория свободной торговли абсолютно верна, но «неограниченное ее применение к практике... будет величайшим злом для всякого общества, где, благодаря искусственным мерам, вызваны были к жизни разные отрасли промышленности...»¹⁰.

Ученый затрагивает проблему противостояния сторонников старого и нового. Люди, которые привыкли жить по старинке, против промышленного направления в развитии экономики. По их мнению, все «нравственные интересы принесены в жертву интересам промышленным». Но, парируя им, ученый отвечает, что корыстолюбие и бесчеловечие видит в народах неразвитых и экономически необразованных. При этом он указывает на особенное устройство западной жизни – расчетливость (противопоставляя ее широте нашей жизни). Эта расчетливость происходит оттого, что «каждый должен и обязан жить соответственно со своими средствами, не может позволить себе излишества... да средняя-то порция каждого и больше, и лучше»¹¹.

Бабст развивает идею постоянного прогресса – необходимого условия для развития и жизни любого органического тела. Другое дело, что прогресс не статичен, он может происходить медленными или же быстрыми темпами. Все попытки резкой трансформации общества ведут, по мнению Бабста, к уничтожению всего существующего, «к революциям; а революция всегда будет злом, и тяжким недугом страдает общество после быстрого и разрушительного переворота». А победа в общественных вопросах будет на стороне постепенных реформ.

Если население видит помощь в лице частной благотворительности или государства, то

это, по представлениям Бабста, верный признак «малоразвитого сознания личного достоинства, благородной независимости и уважения к самому себе. Это поражает или еще в большей степени усиливает в народе ленность, нерадение к улучшению своего быта», а правильным путем, как считает ученый, идет именно промышленный быт народа, — каждая его сторона помогает другой, получая взаимную прибыль.

Еще один из главных насущных вопросов народного хозяйства — привлечение иностранных капиталов. Эта проблема была поднята профессором еще на его лекции в Казанском университете, однако позже он решил ее уточнить ввиду настороженного отношения общества к данному вопросу. Привлекать иностранные капиталы следует не «опасным путем займа», как пишет Бабст, а созданием для них благоприятных условий. Так, ученый предлагал дать иностранцам, готовым вкладывать средства в российскую промышленность, полное гражданство наравне с русскими, вместе с этим убрать невыгодные для них условия. «Допуская иностранцев, — пишет он, — к приобретению у нас земель и заводов, к основанию фабрик, постройке шоссежных дорог, мы, так сказать, вывозим наши богатства за границу и получаем за это из-за границы расчеты звонкою монетою или векселями...». Но, говоря о необходимости привлечения иностранных капиталов, Бабст уточняет: «мы нуждаемся в приливе иностранных капиталов и иностранного умения, но только в действительных капиталах и дельных промышленниках, а не в заезжих проходимцах, дей-

ствующих с заднего крыльца, добывающих себе, пользуясь случаем и невежеством, монополии...»¹².

Таким образом, И.К. Бабст в своих публичных лекциях поднимал вопросы, которые так актуальны сегодня. Это, в первую очередь, негативное влияние политической нестабильности на экономику страны. Не менее актуальны проблема монополий и влияние иностранного капитала на отечественную экономику, а также поиски основ экономически благополучного общества.

Примечания

¹ Северная пчела. № 1. 1858. С. 25.

² ЦИАМ Ф. 418. Оп. 20. Д. 27. Л. 3–3 об.

³ Русские экономисты (XIX – XX века) / Ред.-составители Л.А. Зубченко, Л.И. Зайцева. М., 1997. Вып. 1. С. 31.

⁴ Бабст И.К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала // Бабст И.К. Избранные труды. М., 1999. С. 119–120.

⁵ Там же. С. 104.

⁶ Чуров А.И. И.К. Бабст (некролог). М., 1881. С. 11.

⁷ Лаврычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861 – 1900. М., 1974. С. 112.

⁸ Бабст И.К. Современные нужды нашего народного хозяйства // Бабст И.К. Избранные труды. М., 1999. С. 140.

⁹ Бабст И.К. Лекция 4 // Вестник промышленности. 1860. № 4. Апрель. Т.7. С. 57.

¹⁰ Бабст И.К. О некоторых условиях... С. 104.

¹¹ Там же. С. 106

¹² Бабст И.К. Современные нужды... С. 154–155.

Е.С. Кравцова

Особенности налоговой системы России на рубеже XIX—XX вв.

Налогообложение – это искусство оципывать гуся так, чтобы получить максимум перьев с минимумом писка.

Кольбер, министр финансов при Людовике XIV

Налоговая система является важнейшим институтом государства, обеспечивающим его функционирование и опосредованно определяющим развитие всего общества. Значение налогов не подвергается никакому обсуждению, поскольку они являются одним из основных источников формирования бюджета, благодаря которому финансируются и образование, и здравоохранение, и армия, и другие сферы жизни общества. Исторический опыт налогообложения в России на грани XIX—XX вв. исключительно актуален в условиях современной трансформации общества, формирования рыночных отношений, углубления социального расслоения населения, складывания новых этических норм.

Прежде всего, отметим тот факт, что в Российской империи в конце XIX – начале XX в., особенно в период, когда Министерство финансов возглавляли А.И. Вышнеградский и С.Ю. Витте, крен был сделан в пользу увеличения косвенного налогообложения (акцизы), которыми были обложены многие товары: сахар, керосин, спички и, конечно, винно-водочная продукция¹. Как отмечалось в одном из министерских документов, «особенностью нашего податного строя до настоящего времени является преобладание в нем косвенного обложения, по сравнению с обложением прямым,

и усиленное возложение податных тягот на широкие народные слои»².

Действительно, при анализе соотношения прямых и косвенных налогов в России и других европейских странах на 1911 г. видна явная диспропорция в формировании бюджета (в %): в России прямых налогов – 15,2, косвенных – 84,8; в Германии – 33,2 и 66,8; Великобритании – 41,1 и 58,9 (соответственно). Как видим, для российского общества с его непомерно массовыми слоями беднейшего населения вышеуказанный процент прямого обложения нельзя было назвать обременяющим. Так, в 1911 г. один средний житель Российской империи всеми прямыми государственными налогами был обложен в размере 1 руб. 28 коп. Для сравнения величина прямого налогового сбора (в пересчете на рубли) в Германии составляла 5 руб. 45 коп., а Великобритании – вообще 10 руб.

Вместе с тем, даже при таких невысоких налоговых ставках имелось огромное количество недоимок (не внесенных вовремя налогов). Основной причиной этого явления была бедность значительной части населения Российской империи. «В нашей экономической литературе и в общественном мнении вкоренилось как аксиома убеждение в том, что в России население переобложено налогами. Это убеждение принято на веру и относительно его не допускается сомнений. При сравнительной бедности преобладающей массы русского народа, находится некоторое оправдание несомненным фактам, что

¹ Елена Сергеевна Кравцова – кандидат исторических наук, доцент Курского государственного медицинского университета.

для бедного всякий налог, как низок бы он ни был, является весьма обременительным», — отмечал в 1913 г. Е. Кун³.

Основной налогоплательщик в государстве — крестьянин — действительно в большинстве своем влачил довольно жалкое существование. Известный экономист И.Х. Озеров писал: «Было бы истинно поучительно составить правдивую выставку, на которой мы увидели не диковинки, а обыкновенных крестьянских коров и лошадей, зерновые семена, которыми деревня обсеивает свои поля. На такой выставке не было бы самообмана, она навела на нас скорее самые верные мысли о нужных мероприятиях, нежели выставки шустрого самохвальства. Не мешает присоединить к выставке приданое большинства крестьянских невест, и показать в картинках избы под соломенными крышами, снятыми для корма скота в конце зимы, равно изобразить кистью художника коров, поворачиваемых колямами от бессилья встать на ноги вследствие зимней бескормизы, и, наконец, заключить все это кладовой крестьянина и содержащегося в ней имущества. При этом обнаруживается, что имущество заключается единственно в старых тряпках, веревках, изношенной обуви, оборванной сбруе и обвитой берестой горшках»⁴.

Да и крестьянское малоземелье не могло не сказаться на благосостоянии этого сословия, тем более что количество земли, приходившейся на наличные души обоего пола с приростом населения неуклонно уменьшалось и не удовлетворяло потребностям крестьян. На вопрос податного инспектора: «Сколько земли у крестьян имеется?», пензенский крестьянин ответил, что когда он пашет свое поле, то боится, как бы при повороте лошадь не заехала в поле к соседу⁵.

Все это закономерно приводило к появлению огромных недоимок, особенно среди крестьянского населения. Для сбора долгов нередко применялись силовые методы воздействия. Податный инспектор Саранского уезда Пензенской губернии так описывал сложившуюся систему: «Если на сельском сходе во главе участвует один сельский староста, то при неуплате податей неисправный плательщик, несмотря на его даже основательные ссылки по поводу неплатежа, заключается на полсутки или полные сутки под

арест в холодный чулан или сборной избе. Если присутствует волостной староста, то неисправный плательщик немедленно отправляется под арест в “холодную” при волостном правлении в Саранске. Больше всего крестьяне боятся, когда на сходе уездный исправник, который, как выражаются крестьяне, “ставит банки” и “пускает кровь”, т.е. неисправных плательщиков поколачивает или заставляет производить эту расправу полицейским урядникам»⁶.

Взиманием налогов в Российском государстве занималась особая вертикальная структура административных органов во главе с Министерством финансов, в котором находились департаменты окладных (прямых) и неокладных (косвенных) сборов. В каждой губернии имелись местные учреждения Минфина: акцизное правление, казенная палата, казначейство и т. д. Однако указанные органы не могли в полной мере оценивать реальную выплату налогов в городах и селениях и нуждались в компетентных сотрудниках. Поэтому в 1884 г. Министерство финансов обратилось в Государственный Совет с предложением, «чтобы в уездах и городах были такие агенты финансового управления, которые близко бы стояли к населению и были хорошо знакомы бы с местными налогами и бытом», указав на необходимость введения в казенных палатах должности податного инспектора, что и было сделано 30 апреля 1885 г. Кроме учреждений, непосредственно подведомственных Министерству финансов, распределением, а иногда и сбором налогов занимались и органы местного самоуправления: земские, городские, волостные и сельские. Для распределения таких имущественных налогов, как сборы с городских недвижимых имуществ, государственного промыслового, квартирного, военного налогов существовали особые присутствия, куда входили избираемые члены из состава налогоплательщиков того или иного сбора.

Важнейшими налогами оставались прямые государственные сборы, но теперь исключительно имущественного характера, поскольку крестьяне перестали платить подушный налог, взимаемый с каждой ревизской души до 1880-х гг. Это нововведение было обязано министру финансов Н.Х. Бунге, который в 1885 г. предложил Госсовету повсеместную

(кроме Сибири) отмену с 1 января 1886 г. подушной подати, бывшей со времен правления Петра I основным налогом населения империи и являвшейся «историческим краеугольным камнем российского налогообложения». Принятый закон был высоко оценен обществом. Газета «Жизнь» на первой полосе в редакторской колонке писала: «Свершилось дело великой важности! Подушная подать отменена окончательно с 1 января 1887 г. и отойдет в скорбную историю человеческих ошибок, как в 1861 г. ушли туда все ужасы крепостного бесправия. Важнейший из всех государственных актов, которым ознаменовало себя последнее десятилетие»⁷.

Оставшиеся налоги состояли, во-первых, из выкупных платежей как исключительного сбора, которым облагалось только одно крестьянское сословие. Они представляли собой особый государственный налог (точнее сказать, кредитный платеж), который должен был выплачиваться в течение 49 лет на погашение денежной суммы, выданной правительством бывшим владельцам-помещикам за отчужденные от них земли, перешедшие в надел крестьян. Общая сумма платежей была значительная – 52,2 млн. руб. В 1881 г. власти приняли решение о понижении выкупной суммы на 11,1 млн. руб., и выкупной оклад снизился до 41,1 млн. руб. Однако в обложении этим видом сбора можно встретить интересную закономерность. Например, для Курской губернии величина сбора в 1887 г. была установлена в размере 2,8 млн. руб., в 1890 г. – 4,3 млн. руб., в 1894 г. – 6,2 млн. руб. и т.д. Рост выкупных платежей происходил за счет недоимок за прошлые годы. По подсчетам А.М. Анфимова, «средний оклад выкупных платежей (в коп. с 1 дес.) составил в Курской губернии – 154, в Орловской и Рязанской – 153, в Харьковской – 140. ... В целом по черноземным губерниям оклады выкупных платежей по сравнению с прежними (оброчная плюс подушная подать) уменьшились не более чем на 6%».

Во-вторых, с любого землевладения, включая крестьянские наделы, взимался поземельный налог, являвшийся основным прямым налогом для сельского населения. Впервые он был введен в 1875 г. В 1883 г. его пересмотрели, положив в основу исчисления оклада налога данные о ценности земель. Бы-

ла определена средняя по каждой губернии земельная ценность десятины, по которой исчисляли оклады государственного поземельного налога – в размере 0,18 % с ценности. Закон был утвержден 17 января 1884 г., что позволило Министерству финансов общую сумму налога на 1884 г. определить в 11,7 млн. руб. Сумма сбора для губерний устанавливалась в соответствии с плодородностью почвы, причем в середине 1880-х гг. для Курской губернии был назначен самый высокий в России оклад – 17 коп. с дес., тогда как в соседних губерниях – Воронежской – 12 коп., в Орловской – 14 коп., Харьковской – 9,5 коп. При С.Ю. Витте по Манифесту 14 мая 1896 г. налог был снижен сроком на 10 лет. Максимальная величина обложения за десятину земли стала равняться 5 коп.

В-третьих, с 1863 г. население было обязано платить сборы с городских недвижимых имуществ, находящихся в черте города. За основу обложения бралась ценность имущества, выведенного по страховым оценкам и прочим признакам. Сумма ежегодно устанавливалась Минфином для каждой губернии. Так, в начале XX в. для Курской губернии она равнялась почти 90 тыс. руб., Харьковской – 165 тыс. руб., Московской – 2558 тыс. руб., а в целом по империи – 181,2 млн. руб. Стоит отметить, что этот налог менее всего подвергался изменениям за годы своего существования. В годы Первой мировой войны взимаемая сумма была значительно поднята. К примеру, для Курской губернии до невероятных размеров – 205 тыс. руб.

В-четвертых, лица, занимавшиеся доходной неземледельческой деятельностью (промышленной, промысловой, торговой, транспортной и т.д.), облагались особым Государственным промысловым налогом, состоявшим из двух частей: обязательной, которая взималась непосредственно при покупке промыслового свидетельства, и дополнительной (для предприятий с обязательной публичной отчетностью), или раскладочной (в случае, если для предприятий такие отчеты не обязательны). Данный налог зависел от разряда предприятия, рентабельности и от класса местности. До 1906 г. территории делились Минфином на пять классов, причем к последнему (5-му) относились все сельские местности. С 1906 г. оставили 4 класса, сооб-

разно «степени развития в них торговли и промышленности», причем вне классов были обе столицы, к I классу отнесли Варшаву, Киев, Лодзь, Одессу, Ригу, Ростов-на-Дону с Нахичеванью, Тифлис и Харьков; ко II классу – 37 городов и пригороды столиц и т.д. Торговые, промышленные и личные промысловые занятия распределялись на разряды. На рубеже XIX – XX вв. сбор промыслового налога со всей территории империи постоянно повышался и максимального уровня достиг в 1900 г., составив 69,8 млн. руб. по сравнению с 48,2 млн. руб. в 1898 г. Налог просуществовал вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

В-пятых, в 1893 г. в России в качестве общегосударственного ввели квартирный налог. Новый квартирный налог обязаны были платить лица, снимающие жилье в городах и поселениях, а его сумма зависела от цены снимаемой квартиры и класса местности. В связи с этим вся территория России была разделена на V классов, в соответствии со степенью дороговизны жилых помещений. В пределах каждого класса помещения подразделялись на разряды в зависимости от их наемной цены. Для всякого разряда помещений в каждом классе были установлены особые оклады налога. К I (высшему) классу были причислены две столицы (Москва и Санкт-Петербург), ко II – 10 наиболее крупных городов (Варшава, Вильно, Казань, Киев, Кишинев, Одесса, Рига, Ростов-на-Дону, Саратов и Харьков), к III – 67 городов (главным образом губернские и наиболее значительные уездные города), к IV – 141 город, к V классу – все остальные города и поселения. Обложению подлежала наемная плата, превышающая 300 руб. в городах I класса, 225 – II, 150 – III, 120 – IV, 60 – V класса⁸. Вначале ежегодные поступления по квартирному налогу составляли около 4,6 млн. руб., причем этот налог не давал перебоев в поступлениях и постоянно возрастал. В 1912 г. он достиг 7,0 млн. руб.

В-шестых, финансовые трудности, вызванные Первой мировой войной, вынудили правительство временно ввести особый военный налог, который также являлся прямым государственным. Закон «О военном налоге» от 19 апреля 1915 г. гласил, что с 1 января с. г. военнообязанные мужчины, освобожденные по разным причинам от призыва на действительную

службу, облагались прямым налогом подоходного характера: с их личного ежегодного дохода до 1 тыс. руб. взималось 6 руб., доход от 1 до 5 тыс. руб. облагался 25 руб. и т.д., причем каждый плательщик обязан был лично подать «заявление о размере получаемого дохода», представлявшее собой фактически декларацию о доходах, которая проверялась податными инспекторами.

С началом Первой мировой войны доходная часть госбюджета уменьшилась на 524 млн. руб. по сравнению с 1913 г., что объясняется введением сухого закона. Чтобы снизить образовавшийся дефицит и уравнять прямое налогообложение в отношении всех социальных слоев плательщиков, царское правительство ввело с 1917 г. взимание подоходного налога, ибо еще 6 апреля 1916 г. был высочайше утвержден закон о Государственном подоходном налоге, по которому обложению подвергался «всякий доход, в какой бы форме он не получался от всякого источника, полученный плательщиком в течение года, предшествующему окладному». К облагаемым категориям относились владельцы земельных площадей, недвижимого имущества в городах и уездах, торгово-промышленных заведений, церкви, монастыри и т. д. Планировалось, что данный сбор даст в бюджет государства 75 млн. руб., но события 1917 г. прервали ход фискальных преобразований, а в результате Октябрьской революции налоговая система в нашей стране коренным образом изменилась.

Примечания

¹ См.: Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацлло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006. С. 202–206.

² К вопросу о преобразовании действующей налоговой системы. СПб., 1915. С. 4.

³ Кун Е. Опыт сравнительного исследования налогового бремени в России и других главнейших странах Европы. СПб., 1913. С.2.

⁴ Озеров И.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX – в начале XX века. М., 1905.

⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 573. Оп. 25. Д. 789. Л. 2.

⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 586. Оп.1. Д. 115. Л. 64.

⁷ Жизнь. 1885. 21 июля. С. 1.

⁸ Толкушкин А.В. История налогов в России. М., 2001. С. 123–124.

Е.А. Грицутенко

Роль французского предпринимательства в парфюмерно-косметической промышленности Москвы второй половины XIX — начала XX в.

Вторая половина XIX — начало XX в. — время расцвета московской парфюмерно-косметической промышленности. В допетровской Руси декоративная косметика женщинами из народа применялась очень редко. Что касается знатных дам, то они довольно много использовали белила, румяна, сурьмили брови¹. С XVIII в. расширяются связи России со странами Европы. В России получили распространение напудренные парики, нюхательные соли, косметические мады, «марсельские» и «венецианские» мыла². Таким образом, в XVIII в. наблюдается рост применения парфюмерных и косметических средств. В связи с этим в конце XVIII в. в Москве была открыта первая парфюмерно-косметическая фабрика под руководством Константина Павловича Гика. Но своего наивысшего развития парфюмерно-косметическое производство достигло во второй половине XIX в. Связано это было с открытием довольно большого числа парфюмерно-косметических фабрик, ведущая роль в которых принадлежала французским предпринимателям. О ведущей роли французов в организации парфюмерно-косметического производства говорят названия самых известных фабрик того времени: «Товарищество Г. Брокар и К^о»; «Товарищество А. Сиу и К^о»; «Товарищество А. Ралле и К^о»; Акционерное общество «Парфюмерия Модерн Париж»; Торговый дом «Э. Бодло и К^о»; «Товарищество А. Буис и К^о» и т.д. Большинство парфюмерно-косметических предприятий Москвы было создано француз-

зами-эмигрантами. Наиболее показательны в этом отношении истории нескольких фабрик. Первым французским подданным, открывшим в Москве заведение по изготовлению парфюмерии и косметики, был московский купец Альфонс Ралле. Его парфюмерно-косметическое производство было основано в 1843 г. в Теплом переулке в Хамовниках, и первоначально в нем было занято 40 рабочих³. Фабрика А. Ралле быстро завоевала популярность среди потребителей и была одной из самых известных в России. В 1911 г. ее годовая производительность составляла 4 млн. рублей⁴. Вторым не менее популярным парфюмерно-косметическим предприятием в России была фабрика Г. Брокара. Генрих Брокар родился в 1838 г. В молодости он работал на мыловаренном заводе своего отца в Париже, а затем в Америке. Будучи французским подданным, Г. Брокар приехал в Россию в 1861 г. и работал на парфюмерной фабрике К.П. Гика. В 1864 г. в Москве Г. Брокар открыл собственное производство, основным капиталом (25 тыс. франков) для которого послужили средства, вырученные от продажи французской фирме «Рур Бертран» способа изготовления концентрированных духов⁵. Первоначально предприятие было небольшим и на нем работало трое рабочих, включая самого Г. Брокара. Основной продукцией было мыло. Постепенно производство расширялось, ассортимент изготавливаемой продукции становился более разнообразным: помимо мыла стали выпускать косметические и парфюмерные товары. В 1890 г. оборот предприятия составлял 1 млн. рублей⁶, в 1911 г. — более 3 млн. рублей⁷.

Екатерина Александровна Грицутенко — историк, Москва.

Также показательна история основания парфюмерно-косметического отделения кондитерской фабрики А. Сиу. Как и в описанных выше случаях, ведущая роль в организации производства принадлежала французу Адольфу Сиу. В 1853 г. он прибыл в Россию как сотрудник одного парфюмерного предприятия, затем вступил в должность директора-распорядителя. В 1855 г. им была открыта кондитерская мастерская на Тверской улице, а в 1861 г. А. Сиу решил расширить свое производство путем изготовления изделий парфюмерии и косметики⁸. Продукция фабрики очень быстро завоевала популярность среди жителей России, так как была рассчитана на любой уровень дохода и любой вкус⁹. В 1911 г. годовая производительность фабрики составляла около 1 млн. рублей.¹⁰ Следует отметить, что на некоторых фабриках правление занимало мало денег на расширение производства. Так, правление «Товарищества А. Ралле и К^о» в 1900 г. заняло у французской гражданки Жозефины Ширис 1,5 млн. франков под 6% годовых на 30 лет и 6 месяцев для расширения своего производства¹¹. Но, тем не менее, французские предприниматели в большинстве своем не были носителями иностранных инвестиций. Как правило, они начинали с нуля и создавали накопления, необходимые для основания промышленных предприятий и их дальнейшего развития в России¹².

Следует отметить, что хозяевами большинства парфюмерно-косметических фабрик являлись французы, иностранцам принадлежали все руководящие посты¹³. В качестве примера можно привести фабрику Г. Брокера, где правление и торговля находились в руках семьи Брокер: ведущим парфюмером был Август Мишель; управляющим – Пфейфер; заведующим мыльного отделения – Келлер; сюрпризно-коробочного – Савандер; лабораторией – Брехстед¹⁴.

Хозяева фабрик привлекали на должность парфюмеров иностранных специалистов ввиду отсутствия таковых в России¹⁵. Так, на фабрику Г. Брокера в 1875 г. для разработки новых сортов мыла и парфюмерии пригласили лаборанта Шевалье, ранее работавшего во Франции, а с 1882 г. в качестве помощника лаборанта-химика там появился из Парижа Жорж Ферран¹⁶. В 1912 г. Правление «Товарищества А. Ралле и К^о» пригласило в качестве

парфюмера для своего предприятия Вальтера Вольдемара Рейнгардта Мартинсона. Все рецепты парфюмерного товара должны были быть передаваемы правлению и составляли собственность Товарищества¹⁷. Таким образом, все ведущие должности принадлежали иностранцам, которые руководили производством или работали в лабораториях, составляя рецепты парфюмерно-косметических изделий.

Работа на фабриках велась на импортном оборудовании. Так, на фабрике Г. Брокера использовались английские, французские и германские локомотивы, английские паровые машины. Германские паровые машины эксплуатировались на фабрике А. Ралле, бельгийские – на фабрике А. Буис¹⁸.

Что касается сырья для производства парфюмерно-косметической продукции, то в основном оно было импортным. Французские предприниматели использовали свои связи за рубежом: сырье ввозили из-за границы, в основном из Франции и Италии¹⁹. Так, фабрика А. Сиу закупала сырье для парфюмерии и косметики во французских городах Грассе, Ницце и Канне²⁰. Предприятие Г. Брокера имело тесные контакты с химической фабрикой Гедике в Лейпциге и с французским торговым домом «Рур Бертран»; эссенции для духов поставлялись из Гамбурга и с юга Франции²¹. Фабрика А. Ралле заказывала в Париже, Грассе, Гамбурге и Лейпциге эссенции для парфюмерного производства²². В 1913 г. импорт душистых веществ составлял более 250 т.²³

Ассортимент продукции, изготавливаемой парфюмерно-косметическими фабриками, был огромным. Следует отметить, что многие предприниматели старались производить не только дорогую парфюмерию и косметику, но и изделия хорошего качества по довольно низкой цене. Например, фабрика Г. Брокера выпускала дешевые сорта мыла: «Народное» (по цене 1 коп. за кусок), «Шаром» (по цене от 5 коп. за кусок), «Сельское», «Национальное». В 1870 г. на Всероссийской мануфактурной выставке в Санкт-Петербурге фабрика Г. Брокера получила Серебряную медаль за туалетное мыло отличного качества при умеренных ценах²⁴. В преysкуранте парфюмерно-косметического отделения фабрики А. Сиу значились изделия, отличавшиеся большим разнообразием: одеколоны различ-

ных сортов, множество духов, мыло, кремы, косметические продукты²⁵. Как и у Г. Брокера, на фабрике А. Сиу старались производить продукцию для разных слоев населения. Так, выпускались дорогие духи по цене 60 рублей за дюжину («Мое желание», «Цикламен», «Фенезон» и др.) и народные духи по цене от 1 рубля 10 коп. до 12 рублей за дюжину²⁶. В ассортиментной книге фабрики А. Ралле было: 270 наименований духов, 120 наименований одеколонов, 360 сортов мыла, 60 видов крема²⁷. Некоторые фабрики выпускали для рекламы своих изделий сюрпризные коробки. Так, в честь открытия в 1878 г. на Биржевой площади второго розничного магазина фабрики Г. Брокера были выпущены «образцовые коробки», содержавшие десять предметов: духи, мыло, одеколон, пудру, саше, помаду и др. Все предметы были миниатюрного размера. Стоимость коробки составляла 1 рубль²⁸. Такие же коробки выпускала и фабрика А. Сиу. В зависимости от содержания стоимость коробки составляла от 1 рубля 50 коп. до 15 рублей²⁹. Например, плюшевая коробка со стеклянной крышкой по цене 15 рублей содержала: два флакона духов, один кусок мыла, одну хрустальную пудреницу, одну саше³⁰.

Продукция предприятий, созданных французскими предпринимателями, пользовалась большой популярностью как в России, так и за рубежом. Так, магазины и склады фабрики А. Ралле были организованы в городах: Москве, Санкт-Петербурге, Варшаве, Вильно, Одессе, Харькове, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Иркутске, Тифлисе, Кисловодске, Ессентуках. Свою продукцию фабрика поставляла на рынки зарубежных стран: в Скандинавию, на Балканы, в Персию, Китай, во Францию, Германию, Турцию³¹. «Товарищество А. Ралле и К^о» имело звание «Поставщик Двора Его Величества Императора Всероссийского, Его Величества Шаха Персидского и Его Высочества Князя Черногорского»³². Фабрика Г. Брокера успешно экспортировала свои знаменитые духи «Персидская сирень» в следующие страны: Испанию, Бельгию, США, Персию и Китай³³. Магазины фабрики находились в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России³⁴. В 1874 г. предприятие Г. Брокера было удостоено звания «Поставщик Государыни Великой Княгини Марии Александровны, Герцогини Эдинбургской», в 1889 г. – звания «Поставщик Двора Испанского Короля»³⁵, в 1913 г. – звания «Поставщик Двора Его Императорского Величества»³⁶.

Об огромной популярности изделий московской парфюмерно-косметической промышленности свидетельствуют награды, полученные фабриками на различных выставках в России и за рубежом. Так, фабрика Г. Брокера не раз получала самые высокие награды на следующих выставках: на Выставке русских производств в Москве 1865 г., на Всероссийской мануфактурной выставке в Санкт-Петербурге 1870 г., на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве 1882 г., на Торгово-промышленной выставке в Риге 1883 г., на Всемирных выставках в Ницце 1883 г.; в Бостоне 1884 г., в Антверпене 1885 г., в Барселоне 1888 г., в Чикаго 1893 г., в Париже 1900 г. и др.³⁷ Фабрика А. Ралле также получала самые престижные награды. Например, золотую медаль на Всемирной выставке в Париже в 1889 г., Императорские гербы на Всероссийских выставках 1865 г., 1882 г. и 1896 г.³⁸, «Гран-при» на Всемирной выставке в Париже 1900 г. Всего у фабрики было 60 высших наград на различных выставках³⁹.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. ведущая роль в парфюмерно-косметической промышленности Москвы принадлежала французскому предпринимательству. Большинство фабрик данной отрасли было основано французами. Но следует отметить, что функционирование и развитие предприятий в России не было связано с хозяйственной жизнью Франции. Французские иммигранты не представляли в России интересы французского промышленного или банковского капитала⁴⁰.

Французское предпринимательство сыграло значительную роль в развитии русской парфюмерно-косметической промышленности. Так, к началу Первой мировой войны в России насчитывалось около двадцати предприятий отрасли с выпуском валовой продукции на сумму, приблизительно равную 20 млн. рублей⁴¹. Продукция фабрик не раз завоевывала призы на российских и международных выставках, многие имели звание «Поставщик Двора Его Императорского Величества». Некоторые из фабрик являлись конку-

рентами французских фирм. Во многом благодаря парфюмерно-косметическим предприятиям, организованным французами в России, большинству населения стали более доступны мыло, изделия парфюмерии и косметики. Ведь в ассортименте многих фабрик значились не только дорогостоящие товары, но и изделия высокого качества, рассчитанные на широкие слои населения. Период второй половины XIX – начала XX в. в развитии русской парфюмерно-косметической промышленности представляет большой интерес для современной промышленности данной отрасли. Именно тогда был накоплен огромный опыт, который может быть востребован сегодня в связи с ростом производства парфюмерно-косметических изделий в современной России.

Примечания

- ¹ Фридман Р.А. Парфюмерия и косметика: история, назначение, применение. М., 1975. С. 70–71.
- ² Войткевич С.А., Хейфиц Л.А. От древнейших благовоний к современной парфюмерии и косметике. М., 1997. С. 48.
- ³ Центральный исторический архив Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 1098. Оп. 1. Д. 30. Л. 3; Алавердиев И.М. Гибкая система самосертификации и обеспечение качества парфюмерно-косметических товаров. М., 1996. С. 5.
- ⁴ Дела химические в России. Настольная справочная книга. Одесса, 1911. С. 193.
- ⁵ Гладков А. Парфюмерия Г.А. Брокера // Московский журнал. 1995. №12. С. 18.
- ⁶ История Москвы. М., 1954. Т. 4. С. 121–122.
- ⁷ Дела химические в России... С. 191.
- ⁸ От служащих хозяевам в честь пятидесятилетия торгового дома А. Сиу и К°, 1855 – 24 ноября 1905: фотоочерк. М., 1905. С. 6–11.
- ⁹ Кустова М. Ароматы московской старины // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. М., 1996. Вып. I. С. 526–529.
- ¹⁰ Дела химические в России... С. 193.
- ¹¹ ЦИАМ. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 4. Л. 69.
- ¹² Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М., 1997. С. 154.

¹³ Пищевая промышленность СССР. М., 1967. С. 497.

¹⁴ Балан И.З. Сто лет парфюмерной фабрике «Новая заря». М., 1965. С. 10.

¹⁵ Козлов А.И. Химическая промышленность дореволюционной России. Л., 1940. С. 31.

¹⁶ Золотой юбилей парфюмерного производства товарищества Брокер и К° в Москве. М., 1915. С. 34, 40.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 4. Л. 117.

¹⁸ Дела химические в России. Настольная справочная книга. Одесса, 1911. С. 8–9.

¹⁹ Там же. С. 76.

²⁰ От служащих хозяевам в честь пятидесятилетия торгового дома А. Сиу и К°, 1855 – 24 ноября 1905. С. 82.

²¹ ЦИАМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 9; Золотой юбилей парфюмерного производства товарищества Брокер и К° в Москве. С. 31, 65.

²² ЦИАМ. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–27, 29, 53.

²³ Фридман Р.А. Покупателю о парфюмерии и косметике. М., 1961. С. 12.

²⁴ Золотой юбилей парфюмерного производства товарищества Брокер и К° в Москве. С. 14–15, 27–18.

²⁵ ЦИАМ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 123.

²⁶ Там же. Л. 31 об. – 42.

²⁷ Парфюмерия в подробностях. М., 2001. С. 16.

²⁸ Мартынов С.Д. Парфюмерный король // Санкт-Петербургская панорама. 1993. №8. С. 22.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 123. Л. 66–70 об.

³⁰ Там же. Л. 69.

³¹ ЦИАМ. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 30. Л. 5 об.; Д. 10. Л. 21, 23, 26 об.; Алавердиев И.М. Указ. соч. С. 5.

³² ЦИАМ. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 30. Л. 5 об.

³³ Золотая книга московского предпринимательства. Ч. 1. М., 1997. С. 38.

³⁴ Мартынов С.Д. Указ. соч. С. 22.

³⁵ Золотой юбилей парфюмерного производства товарищества Брокер и К° в Москве. С. 33, 49.

³⁶ Мартынов С.Д. Указ. соч. С. 23.

³⁷ Золотой юбилей парфюмерного производства товарищества Брокер и К° в Москве. С. 16, 27, 40, 42, 44, 47, 53, 54.

³⁸ ЦИАМ. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 30. Л. 5 об.

³⁹ Алавердиев И.М. Указ. соч. С. 5.

⁴⁰ Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М., 1997. С. 155.

⁴¹ Фридман Р.А. Парфюмерия и косметика. С. 72.

В.С. Иванова

Организация межевания и проектировка переселенческого фонда в Забайкальской области в начале XX в.

Восточная Сибирь исторически служила своеобразными воротами на восток. Регион географически, экономически и политически связывал европейскую и азиатскую часть страны в единое целое. В конце XIX – начале XX в. Восточная Сибирь становится основной ареной массовых добровольных переселений крестьян из Европейской части России. Принятые государством меры оказали значительное влияние на рост численности населения края, его дальнейшее социально-экономическое развитие, способствовали укреплению позиций России на восточных рубежах.

При разделении Сибири на переселенческие участки, производящиеся управляющим Главным управлением землеустройства и земледелия Н. Кутлером, образование специального Забайкало-Маньчжурского переселенческого района не предусматривалось. Только в 1899 г. Читинским отделением Русского географического общества впервые был выдвинут вопрос о заселении Забайкальской области.

Практическая организация переселений в Забайкальскую область началась только в 1905 г., т.е. позднее по сравнению с другими губерниями: в Енисейской губернии работы переселенческих партий велись еще с 1893 г., а в Иркутской губернии – с 1896 г.²

Однако освоение огромной территории Забайкальской области, обследование колониального фонда и состояния сельского хозяйства края требовали проведения специальных исследований. В 1897 г. в Забайкальской области начинает работу комиссия под председательством управляющего делами

В.С. Иванова – кафедра истории Бурятии ИФ БГУ, г. Улан-Удэ.

Комитета сибирской железной дороги, статсекретаря А.Н. Куломзина. Она провела статистико-экономическое исследование региона. Условия работ экспедиционных служб Комиссии были очень тяжелыми: оторванность от населенных пунктов, приходилось вести походный образ жизни, при этом состояние дорог и транспортных средств находилось в плачевном состоянии. В результате экспедиционного исследования были достаточно достоверно исследованы многие важные хозяйственно-статистические вопросы: проведено сплошное подворное обследование сельского населения области, устройство их экономического быта, основных видов занятий; изучено состояние земельного фонда; дан анализ землепользования, землеустройства и межевых отношений в крае. Была выявлена картина распределения и соотношения земельных наделов, что являлось очень важным для предстоящих землеустроительных и переселенческих работ. По данным подворного обследования 1887–1889 гг. по 8 уездам области, во владении населения находилось 5 119 990 десятин земли, в том числе удобной – 3 206 324 десятины³. Подобные экспедиции сыграли большую роль в изучении сибирского края, дела, способствовали хозяйственному освоению огромной территории, дали ценную информацию исторического, природно-климатического, социально-экономического характера.

По результатам комиссии был выработан проект по осуществлению землеустроительной реформы в области, который преследовал две основные цели: 1) увеличение территории и определение точных границ размещения казачьего войска; 2) образование колониального фонда путем конфискации

земли у местного крестьянского населения при проведении их поземельного устройства. Безотлагательное применение землеустройства в Забайкальской области обосновывалась еще и тем, что «свободные казенные земли, предназначенные на окраинах империи для водворения переселенцев», постепенно иссякли, следовательно, переселение в скором времени должно было затронуть и Забайкальскую область. К тому же, как отмечалось в постановлении Государственного совета, «область приобрела с проведением сибирского пути выдающееся экономическое значение», и в тоже время, находясь на границе с Монголией, «занимает и в политическом отношении совершенно исключительное значение»⁴.

Для проведения поземельного устройства крестьян и коренных народов был образован в 1902 г. специальный Забайкальский поземельно-устроительный отряд, который до 1910 г. работал в составе 4 партий: Верхнеудинская, Читинская, Нерчинская и Амурская землеотводные временные партии⁵. С 1911–1915 гг. созданы Нерчинско-заводская и 2-ая Амурская землеотводные партии. Землеустроительные работы было намечено проводить вначале в тех районах, где оно не встретит больших затруднений, затем перейти к многоземельным местам. Так, в 1902 г. Верхнеудинской поземельно-устроительной партией началась съемка земель Селенгинского, Кударинского, Баргузинского ведомства, Армакской и Закаменской инородческой управы⁶. В Восточном Забайкалье в 1903 г. начала работу Читинская землеустроительная партия в Читинском уезде⁷.

В 1902–1908 гг. работы землеустроительных отрядов велись очень медленно, причина заключалась в нехватке землемеров, опыта, инструментов, в основном их деятельность сводилась только к подготовительным мероприятиям к землеустройству. Результаты работ землеустроителей были незначительными, землеустройство охватило всего лишь 1/3 территории. Фактически в широких масштабах землеустроительные работы начались только с 1908 г., то есть началом переселений в Забайкальскую область.

21 января 1908 г. Главное управление землеустройства и земледелия направило в Сибирь циркуляр, который обязывал землеуст-

роительные партии ускорить изъятие земельных излишков для образования переселенческих участков на новых принципах работы. Соблюдение 15-ти десятинной нормы душевого надела объявлялось необязательным. В обоснование такой установки Переселенческое управление утверждало, что старожилы все равно не обрабатывают всей удобной земли, а сокращение наделов заставит их перейти к более интенсивному хозяйству, в результате произойдет подъем культуры земледелия во всей Сибири.

Столыпинское землеустройство в области началось со стратегически важных для переселенческого движения районов, близких к Забайкальской железной дороге. Так производились обследования Харганатской, Хоацатской и Кубдутской волостей Верхнеудинского уезда, а также Троицкой, Батуриной, Иволгинской волостей Селенгинского уезда. Переселенческое управление планировало отрезать 450 000 десятин земель⁸.

Переселенческий бум 1906–1907 гг. быстро истощил запасы свободных переселенческих участков. Переселенческим организациям приходилось изыскивать дополнительный колонизационный фонд. Для выяснения хода землеустройства и предстоящего переселения в Забайкальскую область Переселенческим управлением был командирован ревизор Г.Ф. Чиркин, им проводились исследования земель области с целью их колонизации. Чиркин определил колонизационную емкость забайкальского переселенческого района в 240 тысяч душевых долей и заметил, что «этот фонд возможно будет использовать лишь в течение ряда лет, необорудованность путей сообщения, невыясненность рынков сбыта для колонизируемых районов, сравнительно суровый климат Забайкалья и отсутствие пока здесь колонизационного опыта создают известный предел размеру ежегодного вселения в область»⁹.

Первые переселенческие мероприятия в Забайкальской области начинаются по инициативе и под руководством Переселенческого управления. Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. организованных переселений в область практически не осуществлялось, не считая небольшого количества самовольных. В силу каких же причин переселенческая волна не достигла Забайка-

ля ранее? Широко утвердилось мнение, что «Забайкальский край мало пригоден для земледельческой культуры, почти все пригодные для оседлости земли заняты и использованы старожильческим населением, и переселенцы встретят здесь суровый климат и непригодные ни к чему земли». Имели место и другие немало значимые причины, например, запутанность земельных отношений (она требовала прежде всего проведения землеустройства), отдаленность края от центральных районов России, нецелесообразность земельных запасов колонизационного фонда Западной Сибири. Данные причины затрудняли и тормозили организацию массовых переселений в область по сравнению с другими районами Восточной Сибири.

В 1905 г. начинают работу землеотводные межевые партии. В планах работ партий были строго обозначены их принципы: для образования переселенческих участков предложено использовать главным образом свободные пространства, расположенные среди населенных уже местностей, или же в районах, ближайших к этим местностям, или же смежных¹⁰. Предполагалось провести дополнительно изыскания в местностях, по возможности прилегающих к Забайкальской железной дороге. Считалось, что такой порядок использования свободного колонизационного фонда гарантирует успешность заселения вновь образованных участков и способствует большей планомерности постановки межевых работ.

Работы Забайкальского поземельно-устройственного отряда по образованию переселенческих участков летом 1909 г. осуществлялись 6-ю производителями, 42-мя землемерами и 4-мя заведующими технической частью под руководством заведующего партией¹¹.

В начале проведения подготовительных колонизационных работ Забайкальскую область было решено разделить на два подрайона: Витимский и Нерчинский. В Витимский подрайон входили участки, расположенные по р. Витиму, находившиеся в 260 верстах от Читы. Остановочным пунктом при переселении в подрайон являлась станция Чита¹².

Для подготовки переселения началось обследование северо-западной части данного подрайона, получившей название Баргузин-

ской тайги. Огромная территория Баргузинской тайги на площади более 10 млн. десятин подверглась подробному исследованию в 1905–1906 гг. По решению петербургских переселенческих чинов в 1907 г. были начаты работы по образованию переселенческих участков в тайге. Для этой цели Переселенческое управление ассигновало специальный кредит в размере 4000 рублей¹³. Для выявления сельскохозяйственной пригодности тайги в 1905 г. переселенческое управление командировало производителя работ агронома Крюкова. Организовывались другие мероприятия: была построена первая метеорологическая станция, заложены опытные поля.

В 1907 г. землеотводные работы производились уже 10-ю землемерами по рекам Ингуре, Большому Амалату и Ендагине¹⁴. Переселенческие участки образовывались за счет излишков землепользования бурят. Весь фонд Витимского подрайона в 1909 г. должен был состоять из 6400 долей¹⁵. Основным остановочным пунктом по Забайкальской железной дороге для переселенцев и ходоков, следующих на эти переселенческие участки, стала станция Чита.

Между тем, у Переселенческого управления существовали серьезные опасения по поводу выполнения намеченных планов. Отдаленность района Баргузинской тайги от населенных мест и железной дороги, наряду с достаточно суровыми климатическими условиями таежной местности, являлась серьезным препятствием к практическому осуществлению переселения.

Поэтому нужно было дополнительно образовать переселенческие участки в других районах Забайкальской области, где имелись пригодные свободные земельные пространства. Таким районом был выбран Нерчинский округ области. Еще одной немаловажной причиной освоения и заселения земель Нерчинского округа послужила постройка Амурской железной дороги. Земельные территории Нерчинского округа и земли по западному участку Амурской железной дороги вошли в Нерчинский переселенческий подрайон. Остановочным пунктом была назначена станция Сретенск, переселенческие участки находились в 15–18 верстах от нее¹⁶.

Осенью 1908 г. под руководством заведующего землеустройством и переселением

Д.М. Головачева начались землеотводные работы вдоль линии Амурской железной дороги. В этом же году при колонизации округа были выработаны специальные правила, механизмы организации работ чиновников переселенческой организации и чинов Главного управления Нерчинского округа. Это была необходимая мера, поскольку земли Нерчинского округа в Забайкальской области принадлежали Кабинету Е.И.В.

Но, несмотря на выработанные специальные правила работ, разгорались многочисленные споры по поводу передачи земель под колонизационный фонд. Чиновники Кабинета Е.И.В. неоднократно опротестовывали решения Переселенческого управления. Таким образом, Кабинет защищал свои ведомственные интересы и тем самым значительно препятствовал проведению переселенческих работ.

Тем не менее, запроектированный на 1909 г. земельный фонд в Нерчинском подрайоне составил образование переселенческих участков на 1500 долей общей площадью в 80 тысяч десятин по долине реки Улдурги. В районе Амурской железной дороги по р. Унгурге были образованы переселенческие участки на 2 тысяч долей и по р. Куенге и ее притокам – на 2,5 тысяч долей на площади 85 тыс. десятин земли¹⁷.

Сверх того под переселенческие участки предполагалось обратить освободившиеся при поземельном устройстве излишки землепользования старожильского населения, всего около 1,5 тыс. долей¹⁸. Таким образом, к весне 1909–1910 гг. всего в Забайкальской области переселенческая организация должна была располагать 20 000 долями, готовыми для принятия переселенцев. Основную

массу переселенцев намечалось разместить в Нерчинском и Витимском подрайонах.

В результате столыпинской аграрной реформы и новой переселенческой политики в Сибири переселилось около 1 млн. человек, было освоено много новых земель. Переселение в годы столыпинской реформы открыло новую страницу в истории освоения и заселения Сибири.

Примечания

¹ Сибирские вопросы. 1908. № 2. С.10.

² ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 2204. Л. 103.

³ *Серебренников И.И.* Буряты. Их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск, 1925. Т.1. С. 272.

⁴ *Асалханов И.А.* Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 4.

⁵ ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 2437. Л. 11.

⁶ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. М., 1898. Вып.10. С. 11.

⁷ ГАЧО. Ф.5. Оп. Д. 2314. Л. 141.

⁸ *Андреев Ч.Г.* Особенности поземельного устройства русского крестьянства в начале XX в. // Бурятия XVII – начала XX в.: Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С.118

⁹ *Чиркин Г.Ф.* Переселение и землеустройство в Забайкалье. СПб. 1909. С. 67.

¹⁰ ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 2314. Л. 134.

¹¹ ГАЧО. Ф. 52. Оп.3. Д. 2314. Л. 106.

¹² ГАЧО. Ф. 52. Оп.3. Д. 2253. Л. 37.

¹³ НАРБ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

¹⁴ Сибирские вопросы. 1911. № 39. С. 44.

¹⁵ ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 2314. Л. 163.

¹⁶ ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 2253. Л. 37.

¹⁷ ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 2314. Л. 134.

¹⁸ ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 2314. Л. 149.

Опечатка

В названии статьи Н.А. Булахтина (спецвыпуск ПИШ. 2008 № 2) по техническим причинам допущена опечатка (с. 2, 70).

Напечатано: Семья, воспитание и политика: из педагогического опыта польского консерватора В.Л. Яновского.

Следует читать: Семья, воспитание и политика: из педагогического опыта польского консерватора В.Л. Яворского.

А.Н. Курцев

Российское беженство Первой мировой войны

Специальное изучение российских беженцев 1914–1917 гг. отечественными и зарубежными учеными начато совсем недавно¹, общие труды в лучшем случае содержат лишь попутные упоминания об их количестве, которые повторяют измышления советского времени².

Школьные учебники проблему беженцев обычно обходят, отмечая лишь, что в 1915 г. «русские войска были вытеснены из Галиции, Польши, ряда областей Прибалтики, Белоруссии, Украины»³, иногда дополняя тем, что железные дороги не справлялись с перевозками, в том числе по «эвакуации населения»⁴.

Рассмотрим «беженство» как военную миграцию мирного населения, имевшую вынужденный или принудительный характер. Данный термин, отразив новое явление, как и обозначение его участников – «беженцы», вошел в лексику русского языка именно в период Первой мировой войны: с 1914 г. – на бытовом уровне, с 1915 г. – в качестве правовой нормы⁵.

Начальный этап беженства – с августа 1914 по декабрь 1915 г. – преимущественно представлял собой непосредственно эвакуацию людей. Первые месяцы боевых действий на западной границе вынуждали небольшую часть местных жителей «отходить впереди отступающих войск, останавливаясь в возможной близости от покидаемых жилищ и укрываясь в лесах, либо размещаясь в селениях, расположенных вне неприятельского обстрела». После окончания боев за населенные пункты они «большой частью возвращались на родные места».

Александр Николаевич Курцев – кандидат исторических наук, профессор Курского государственного университета.

«Беженцы-помещики», некоторые крестьяне и городские обыватели «предпочитали бросать насиженные хозяйства, чем оставаться на занятой неприятелем территории», стихийно перебираясь на временное жительство в города прифронтовой полосы. Им приходилось дополнительно принимать организованно эвакуируемое чиновничество, отдельные учебные заведения и т.д.; а также принудительно высланных лиц еврейской национальности, немецких колонистов и галицийских уроженцев, обвиненных в «шпионстве». С осени 1914 г. этим людям начали оказывать посильную помощь Татьянанский комитет⁶, этнические общества обеспечения беженцев и другие организации. Отдельные партии российских немцев депортировали из приграничья в дальние губернии, в том числе в Пермскую губернию – 350 семейств. Ограниченный круг эвакуированных (члены семей офицеров, служащих и т.п.) предпочли выехать в тыловые местности, обычно к родным или знакомым. Так, в Рязанской губернии на начало 1915 г. поступили всего 164 «беженца» (0,2 % относительно 80 тыс. эвакуировавшихся на территории Рязанщины к 1918 г.), «наиболее бедствующим» выдавали по прибытию «единовременное пособие» (по 10–20 руб. на человека).

Масштабное отступление наших войск с весны по осень 1915 г., усугубленное приказанием, что оставляемая территория «должна быть превращена в пустыню, т.е. очищена как от населения, так и от всего того, что могло составить для врага известную ценность» (включая сжигание посевов, увод скота, реквизицию продовольствия и пр.), придало беженству массовый характер.

Летом растущие потоки беженцев были направлены на проживание вглубь страны,

для того чтобы разгрузить от иждивенцев фронт и обеспечить тыл всем необходимым к зиме. В августе Ставка признала, что отступающие войска, «в особенности казаки, заставляют население сдвигаться с места и при нежелании зажигают города и местечки, вследствие чего население вынуждено бросать все и бежать вглубь страны».

Основное движение в тыл шло конными обозами: «Дети и старики ехали на фурах, а остальные члены семьи большую часть пути брели пешком рядом, гоня скот...». В крупных населенных пунктах особые центры обеспечивали таких транзитников бесплатным питанием, медицинской помощью и ночлегом в непогоду. Однако в дороге «беженцы, будучи в озлоблении за необходимость выселения и находясь в панике по случаю отступления, все на пути разрушали... фактически грабя встречные деревни и увлекая за собою их жителей, увеличивая ими бездомную толпу».

С наступлением осенней распутицы эвакуационные колонны пересадили на особые поезда со специальными проводящими, выдачей питания и прямой доставкой в пункты назначения. В итоге 200 таких эшелонов, вместимостью свыше тысячи людей каждый, сделали несколько рейсов, осуществив максимум перевозок в сентябре–октябре. После доставки людей в отдаленные регионы в ноябре–декабре 1915 г. перевозки были завершены.

Наблюдатели отмечали и множество недостатков: «Двигутся поезда беженцев чрезвычайно медленно», т.к. «битком набиты», зачастую в вагонах вперемешку со здоровыми «лежат в бреду тифозные и корчатся в судорогах холерные больные», укрываясь от медосмотров, чтобы не сняли с маршрута на лечение.

Большинство приезжих с испугом реагировали на квартирное подселение к местным жителям, даже украинцы Вольнской губернии, что прибыли в Курскую губернию: «Беженцы-малороссы ужасно сожалеют, что их направили к великороссам; они боятся их, видя не совсем доброжелательное отношение к себе последних. Они прямо плакали и просили [маршрутного проводящего поезда с Вольни. – А.К.] не оставлять их среди чужих им по языку и нравам людей».

Дополним картину вселения рапортом Фатежского уездного исправника Курской губернии о прибытии 10 сентября 1915 г. на станцию Поньры эшелона с 1200 беженцами, которые «по выгрузке из вагонов и по освидетельствованию медицинским персоналом были расквартированы полицией по селениям в пределах Поньровской волости, причем население этой волости к приходу поезда добровольно выставило надлежащее количество подвод под своз беженцев в назначенные селения. Крестьяне селений, в коих расквартированы беженцы, бесплатно предоставили помещения с отоплением, а также и бесплатное содержание в смысле стола» (т.е. питания). В целях будущего трудоустройства часть беженцев «устроена в таких квартирах, где они будут помогать хозяевам в сельскохозяйственных работах», а других было решено привлечь к ремонтным работам на железной дороге.

Вольнский сопровождающий, наблюдая прием эвакуированных на станции Поньры и размещенных в крестьянских домах выселенцев, отметил следующее: «Великороссы приняли беженцев-малороссов добровольно, радушно и весьма сочувственно».

Первая перепись беженцев России выявила на 20 декабря 1915 г. 2,7 млн. чел. При этом отдельные местности остались без подсчета. В их числе Закавказье, принявшее 300 тыс. армянских выходцев из Турции и часть ассирийцев из Персии, из которых на оседание за пределы региона (к примеру, в Воронеж) отправили только небольшие партии.

На 1916–1917 гг. пришелся важнейший этап тылового проживания беженцев. Число прибывших было незначительно: люди приезжали вначале из Румынии, позднее из Галиции, в основном после сдачи осенью Рижского участка.

Последнее исчисление беженского населения по всей российской территории, считая с жившими в тылах наших войск в Турции и Персии, Галиции и Румынии, дало 3 846 917 чел., в том числе в Европейской части – 3,4 млн., или 87,3 %; в Закавказье – 374 тыс., или 9,7 %; в Зауралье – 115 тыс., или 3,0 %.

В первой группе особо отметим такие губернии, как Московская – 212 тыс. беженцев (в том числе 171 тыс. в столице), Самарская –

173 тыс., Саратовская 144 тыс., Тамбовская – 127 тыс., Петроградская – 102 тыс. (в т.ч. 73 тыс. в столице), Донская (обл.) – 92 тыс., Орловская – 84 тыс., Оренбургская – 83 тыс., Курская – 78 тыс. и Рязанская – 71 тыс., Уфимская – 69 тыс., Смоленская – 67 тыс., Пермская – 61 тыс., Тульская – 43 тыс., Симбирская – 42 тыс., Ярославская – 42 тыс., Астраханская – 39 тыс., Тверская – 35 тыс., Псковская – 29 тыс., Владимирская – 26 тыс., Костромская – 13 тыс., Вологодская – 5 тыс. и т.д. Из зауральских губерний и областей выделялись Томская – 30 тыс., Тобольская – 16 тыс., Енисейская – 12 тыс., Иркутская – 6 тыс., Приморская – 2 тыс., Забайкальская – менее 2 тыс. беженцев.

Общее число участников российского беженства к 1918 г. с максимальными допусками не превышало 5 млн. чел., и включало наряду с известными 3,9 млн. неучтенных (в большинстве своем из состоятельных семей, отказывавшихся регистрироваться, прибывших с последними эвакуациями и т.д.).

К 1916 г. 65 % беженцев расселили в сельской местности, отправив туда почти всех крестьян. Остальных приняли в различных городах, и в первую очередь – персонал 3 тыс. эвакуированных объектов (государственные учреждения, промышленные предприятия, множество учебных заведений, монастыри и пр.), а также интеллигентных и состоятельных людей, коренных горожан, больных стариков и потерявших детей, размещенных в специальные приюты.

В частности, уездный Липецк Тамбовской губернии принял персонал окружного суда и 17 уездных казначейств из Виленской губернии, почтово-телеграфной конторы, мужских гимназий из г. Гродно и г. Шавли Ковенской губернии и т.д. Рабочие и служащие нескольких машиностроительных и химических заводов из Прибалтики были направлены в города Тулу, Орел, Воронеж, Курск, Брянск и др. В г. Елец Орловской губернии переведен «монастырь Литовской епархии». В г. Туле разместили Ковенское среднее сельскохозяйственное училище, Минское ремесленное училище, мужскую гимназию из Варшавы и т.д. Воронеж одних учащихся-литовцев принял до 800 человек.

Основную массу беженцев составляли матери с детьми, девушки и старухи, пожилые

мужчины и инвалиды, поскольку лица мужского пола с 18 до 43 лет были мобилизованы в вооруженные силы.

В тыловых районах до 80 % эвакуированных были нерусскими: поляками, латышами и литовцами, украинцами и белорусами, евреями и немцами, эстонцами и пр., что затрудняло их адаптацию к новым условиям жизни.

У многих отчужденное поведение обострялось тяготами принудительного выселения, однако объем такового (даже в отношении еврейства) уступал добровольно-вынужденным мотивам: «больше × беженцев (51,1 %) оставили родину добровольно, остальные же были к этому принуждены».

Поэтому не случайно законом «Об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г. юридически было определено, что «беженцами признаются лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий», включая выходцев из смежных государств.

На основе данного закона с 1916 г. началось проведение политики государственного-общественного попечения беженского населения с созданием в Петрограде Особого совещания по устройству беженцев при МВД и его региональных подразделений, возглавляемых губернаторами (впоследствии комиссарами Временного правительства), с широким участием беженских организаций: польских, еврейских, латышских, армянских и др., которые организовали выдачу нуждающимся семьям ежемесячных пособий, медобслуживание и трудоустройство, учебу детей, удовлетворение культурных и религиозных потребностей. Татьянанский комитет перешел на оказание помощи преимущественно молодежи, в том числе поиску родных, воссоединив в результате «более 20 тыс., детей, из коих 4 000 знали только свое имя».

С середины 1916 г. половине эвакуантов, способных трудиться, прекратили выплату казенных средств; у остальных инфляция обесценила денежное содержание; коренное же население в отношении мигрантов начало проявлять открытую вражду, в том числе в Самарской и Тамбовской губерниях.

По свидетельству современника, «в наиболее тяжком и беспомощном положении находятся семьи, состоящие из матери и малолетних детей. Иметь постоянный заработок они совершенно не в состоянии, т.к. не с кем оставить детей». В качестве типичного примера указано литовское семейство, состоявшее «из матери 30 лет, сыновей 9 и 7 лет и дочери 3 лет. Проживают в Туле с сентября 1915 г., получают в общежитии помещение с освещением, баню и мыло» при 24 руб. ежемесячного довольствия. От обычного «хронического недоедания» беженцев их уберегало следующее обстоятельство: «муж на войне и жена получает за него 15 руб. в месяц на семью».

В уездном городке Воронежской губернии, где нищенствовали еврейские выселенцы, одержимые «страстным до болезненности желанием поскорее вернуться на родину», «парализующим» их «деятельность», единственным «светлым пятном» была «местная школа», с горячими завтраками, активной атмосферой и «полной радостей жизнью», в которой обучалась еврейская детвора.

С лета 1917 г. из-за недостаточности эвакуационных пособий и «возрастающей дороговизны продовольствия» повсеместно наблюдалось «острое недовольство и брожение среди беженцев», вплоть до «беспорядков», в том числе в Московской, Курской, Воронежской, Томской губерниях.

С другой стороны, чтобы заставить мигрантов вернуться домой, местные жители опускались до актов избиения детей беженцев, изгнания взрослых с жилья и работ.

Заключительный этап характеризуется послевоенной реэвакуацией с 1918 по 1925 г., долго тянувшийся из-за Гражданской войны. Начало отъезда на родину совпало с прекращением государственного призрения участников беженства, включая отмену особых пособий.

В августе 1918 г. в Центральном Черноземье беженцы жаловались в Совнарком на свое «трехлетнее проживание на чужой стороне, почти всегда по несколько семейств в одной хате... Ныне полная безработица

грозит невероятным бедствием при существующей дороговизне. Коренные жители начали особенно враждебно относиться к беженцу и желают, чтобы последний скорее уехал на родину».

В 1925 г. реэвакуация официально завершилась, оставив в районах водворения значительное число обрусевших невозвращенцев. Таким образом, история людей, потерявших родину на долгое десятилетие, предстает предельно трагичным явлением, порожденным страшным военным катаклизмом.

Примечания

¹ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113; Гатрелл П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 46–71.

² См., например: Население России в XX веке: Ист. очерки. Т.1: 1900–1939. М., 2000. С. 75–76 (данные о якобы от 7,5 до 10 млн. беженцев на конец 1917 г.); аналогичные подсчеты и у английского историка: Гатрелл П. Указ. соч. С. 46 (более 6 млн. чел. к началу 1917 г.).

³ История России, XX – начало XXI века: Учебник для IX класса общеобразовательных учреждений / А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, М.Ю. Брандт. М., 2007. С. 67.

⁴ История России, XX – начало XXI века: Учебник для XI класса общеобразовательных учреждений / А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинин. М., 2007. С. 57–58.

⁵ Здесь и далее источниками выступает служебная документация фонда 1322 (Особое совещание по устройству беженцев) Российского государственного исторического архива и фонда Р–3333 (Центрозвук) Государственного архива Российской Федерации, другие архивные данные и печатные издания военного времени.

⁶ Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий, именуемый современниками Татьянинским комитетом. Был образован 14 сентября 1914 г. под шефством царской дочери Татьяны как благотворительная организация с региональными отделениями под руководством губернаторов. Оказывал помощь первым беженцам России на государственные средства и частные пожертвования.

А.В. Македонский

Ликвидация неграмотности в РККА в 1920-е годы: практика и итоги

Одной из главных задач культурно-просветительной работы в 1920-е гг. была ликвидация неграмотности и малограмотности среди военнослужащих. Без выполнения этой задачи нельзя было эффективно решать такие проблемы, как политическое развитие красноармейцев и младших командиров, изучение военного дела. В наши дни эта область деятельности приобретает новое звучание. По данным Минобороны РФ, до 25 % призывников из сельской местности оказываются фактически неграмотными¹. Поэтому опыт 20-х гг. XX в. по ликвидации неграмотности может быть использован и в современных условиях.

В 1920-е гг. предпринимались попытки найти такие формы и направления школьной работы в войсках, которые бы наиболее полно удовлетворяли потребностям и задачам развития общества и учитывали изменения в военной политике государства. В этот период в развитии общеобразовательной подготовки в РККА четко просматриваются 2 этапа.

Первый этап: 1921–1924 гг. В его рамках 11 июля 1921 г. приказом РВС Республики была создана военная секция Главполитпросвета, в которую входило школьное отделение, осуществлявшее функции, связанные с организацией работы по ликвидации неграмотности в Красной армии.

Важным документом, содействовавшим ликвидации неграмотности и малограмотности в РККА, стал приказ РВСР № 2915 от 28 декабря 1921 г. «Правила организации борьбы с неграмотностью в частях войск», которым

Андрей Викторович Македонский – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социологии Московского института коммунального хозяйства и строительства.

вводилось и «Положение об общеобразовательных школах в Красной Армии и Флоте РСФСР». Исходя из того, что успешное обучение красноармейцев тормозилось распыленностью неграмотных и малограмотных по ротам, батареям, эскадронам и т.п., приказ предлагал всех неграмотных в полках выделять в особые школьные роты и эскадроны, в прочих отдельных частях – в особые школьные команды. При этом в указанные особые роты, эскадроны и команды должно было выделяться и до 10% малограмотных. Срок обучения в школьной команде определялся: для неграмотных – 3-месячный, для малограмотных – 6-недельный. В школьные подразделения, согласно данному приказу, на должности командиров взводов и отделений назначались наиболее грамотные командиры и красноармейцы, которые выступали как помощники учителей. Красноармейцы, состоящие в командах неграмотных и малограмотных, освобождались от всех нарядов, за исключением внутренних нарядов по команде. Для проверки знаний перед окончанием учебы предлагалось назначать приказом по части особые комиссии из лиц командного, комиссарского состава и школьных работников; окончившим курс обучения и прошедшим комиссии выдавать аттестаты грамотности².

Одновременно с выходом приказа РВСР принял «Положение об общеобразовательных школах в Красной Армии и Флоте РСФСР», в котором указывалось, что общеобразовательные школы имеют целью поднять культурный уровень красноармейцев и краснофлотцев. Обучение в общеобразовательных школах объявлялось обязательным. На школьные занятия отводилось не менее 2-х часов. В Положении определялось, что обще-

образовательные школы в Красной армии должны быть двух видов: а) школы грамоты (для неграмотных и малограмотных) и б) школы повышенного типа (для грамотных). Причем по характеру сообщаемых знаний и обуславливаемых ими занятий красноармейские школы повышенного типа подразделялись на школы с сельскохозяйственным уклоном и школы с индустриально-производственным уклоном. Предлагалось все существующие в Красной армии школы привести в соответствие с этими указаниями. В Положении также указывалось, что общеобразовательные школы обслуживаются штатными учителями, а при их недостатке – грамотными командирами, красноармейцами и лицами, приглашенными со стороны. Во главе каждой школы ставился заведующий и создавался школьный совет, в который должны были входить все учителя, преподаватели от каждой группы учащихся, коммунистической ячейки и командования части. Руководство школами возлагалось на политорганы³.

Приказом ПУРа № 104 от 10 марта 1922 г. были объявлены учебный план и программы для школ грамоты Красной армии и флота. Для неграмотных они включали: русский или родной язык – 72 часа, математическая грамота – 24 часа, политграмота – 12 часов. Для малограмотных: курс русского или родного языка включал 36 часов, математической грамоты – 24 часа, географии и страноведения – 18 часов, политграмоты – 18 часов, сельскохозяйственной грамоты – 12 часов⁴.

На основе всех названных документов развернулась энергичная практическая работа на местах. Комплектовались школы, созывались конференции школьных работников и самих неграмотных и малограмотных; много внимания обучению красноармейцев уделяла армейская печать. Принимались специальные приказы по частям, организовывались клубные праздники, а иногда проводились парады. Практиковались различные поощрения успешно окончивших курс обучения – благодарности, награды и др.

Ударная работа принесла успехи. При подведении итогов 1924 г. РККА отметило существенный подъем общеобразовательного уровня всех красноармейцев кадровых частей. Согласно приводимым цифрам было обучено совершенно неграмотных – 33 тыс. 421 чел.,

малограмотных – 38 тыс. 717 чел⁵. В территориальных частях в среднем за месяц обучалось грамоте 8 тысяч человек⁶.

На наш взгляд, результаты работы государственных органов и общественных организаций по ликвидации неграмотности и малограмотности среди красноармейцев в 1921–1924 гг. можно рассматривать как достаточно высокие, что подтверждают приведенные выше цифры и факты.

Второй этап: 1925–1928 гг. В этот период общеобразовательная работа в Красной армии осуществлялась в основном в рамках политической подготовки. В июле 1925 г. Политуправлением РККА была разработана и объявлена в приказе № 145 двухлетняя программа политических занятий по комплексному принципу. Помимо политической подготовки в ней одновременно и в тесной связи предусматривалась общеобразовательная подготовка красноармейцев по географии, русскому языку, математике⁷. Ежедневно один работник проводил занятия как по политической, так и по общеобразовательной подготовке продолжительностью 3 часа с неграмотными и 2,5 часа с остальными⁸.

В помощь руководителям политзанятий политуправления военных округов проводили инструктажи, сборы, семинары, выпускали различного рода методическую литературу. Например, Политическое управление СКВО издавало журналы «Грамотей» и «Известия ПУСКВО», в которых помещались методические статьи и указания, как повышать общеобразовательный уровень красноармейцев⁹. Уже первые месяцы работы по этой программе показали, что политические и общеобразовательные занятия стали проводиться по плану, на основе четкой системы политического воспитания и общеобразовательного обучения, по учебным группам с учетом основных категорий красноармейцев (возрастные, национальные, по степени грамотности, по роду войск).

Весной 1926 г. ПУ РККА обобщило первый опыт проведения политических занятий комплексным методом. Несмотря на то, что в ряде округов считали, что «комплексная система не дает положительных результатов в деле привития красноармейцам общеобразовательных навыков и приводит к ослаблению качества политической учебы, в резуль-

тате чего до 30 процентов неграмотных свою неграмотность не ликвидировали», в Политуправлении сделали вывод: «Комплекс привился и его влияние на усвояемость красноармейцами политзанятий бесспорно»¹⁰. Как видно, ведомственность взяла верх, а общеобразовательные моменты подчинялись политическим.

На наш взгляд, данный подход представляется малопродуктивным. То, что общеобразовательная работа проводилась совместно с занятиями по политической грамоте, не давало возможности руководителям политзанятий сосредоточиться на ликвидации неграмотности среди красноармейцев. Это подтверждают многие архивные документы. Так, в обзоре Политуправления «Ликвидация неграмотности» от 9 декабря 1926 г. отмечалось, что части не выполняют в поставленный срок (декабрь–июнь) работы по ликвидации неграмотности¹¹. В приказах РВС СССР № 78 «О мерах к ликвидации неграмотности и малограмотности среди призывников, переменников и вневоисковиков» и ПУ РККА № 20 «О работе по ликвидации неграмотности среди допризывников, переменников и вневоисковиков» от 7 марта 1928 г. констатировались неудовлетворительные итоги работы по ликвидации неграмотности. Особо подчеркивалось следующее: «Из рядов армии отпускаются неграмотные и малограмотные красноармейцы»¹².

С учетом негативного опыта работы по ликвидации неграмотности за прошедшие годы Политическое управление Красной армии в приказе № 42 от 15 сентября 1928 г. отметило: «Опыт предыдущих лет показал нецелесообразность объединения политических занятий с ликвидацией неграмотности»¹³. В связи с этим Политическое управление приняло решение о централизованном проведении занятий по ликвидации неграмотности по новым, специально разработанным учебным планам и программам. В приказе № 42 наряду с учебными планами и программами по политзанятиям были объявлены программы общеобразовательных занятий с неграмотными на 1928/1929 учебный год. Занятия предусматривали решение следующих задач: во-первых, дать возможность учащимся овладеть техническими навыками чтения, письма и счета в пределах настоящей программы; во-вторых, побудить их к дальнейшему закреплению грамот-

ности и использованию ее в военной и в военно-политической учебе и общественно-политической работе. Программа была рассчитана на 90 часов (53 занятия). Общеобразовательные занятия с красноармейцами проводились отдельно от политзанятий, но не были совершенно оторваны от них. Букварь «Красноармеец» был составлен так, чтобы материал, изучаемый на общеобразовательных занятиях с неграмотными, можно было бы увязать с программой политзанятий первого года службы. Особо подчеркивалось, что «комплексность преподавания не нарушается раздельным ведением политических и общеобразовательных занятий, т.к. в конечном счете те и другие преследуют цель повышения боевых качеств молодого красноармейца, повышение политической сознательности его, выработку у него общественно-политических навыков»¹⁴.

Введенная система ликвидации неграмотности среди военнослужащих позволяла охватить учебной всех неграмотных и давала хорошие результаты. Уже к 1929 г. прослойка неграмотных в Красной армии снизилась до 5,9 % против 8 % в 1928 г.¹⁵ В «Материалах к докладу в правительство об обороне» за 1928 г. говорилось: «За время нахождения молодых красноармейцев в Красной армии неграмотность, как правило, ликвидируется на все 100 %»¹⁶.

На наш взгляд, общеобразовательную работу, проводимую в РККА в соответствии с приказами ПУ РККА № 42 и № 56, можно оценить достаточно высоко. В большой степени успешному ходу работы способствовало то обстоятельство, что общеобразовательные занятия стали проводиться отдельно от политических.

Успехи в ликвидации неграмотности по стране в целом, усиление работы по обучению грамоте допризывников, естественно, привели к тому, что в кадры Красной армии приходило все меньше неграмотных. Вместе с тем, по мере осуществления индустриализации страны происходил постепенный и нарастающий процесс технического оснащения РККА: усложнялась техника, тактика, организация войск, их боевая учеба. Учитывая это, центр тяжести общеобразовательной работы в Вооруженных Силах с конца 1928 г. был перенесен на ликвидацию малограмотности. 8 декабря 1928 г. РВС СССР издал приказ № 402, в котором указывалось, что дальнейшее улучшение военного и военно-по-

литического обучения и воспитания красноармейцев и краснофлотцев рядового и младшего начсостава РККА требует особого внимания к повышению общего культурного уровня указанных категорий военнослужащих и, в первую очередь, к ликвидации среди них малограмотности¹⁷. Реввоенсовет приказал: «1. Развернуть во всех войсковых частях РККА вечерние общеобразовательные школы для ликвидации малограмотности среди красноармейцев и краснофлотцев рядового и младшего начальствующего состава»¹⁸. Этим же приказом было утверждено «Положение о вечерних общеобразовательных школах в РККА». В нем отмечалось, что целью их учреждения является улучшение военного и военно-политического обучения и воспитания личного состава. Школы, создававшиеся при клубах частей, комплектовались на добровольных началах. Они имели 2-годовалный курс обучения. Так как занятия проводились в вечернее время, обучавшиеся в школе военнослужащие на время уроков освобождались от нарядов. В процессе обучения военнослужащие получали знания в объеме начальной общеобразовательной школы и ликвидировали не только неграмотность, но и малограмотность.

Такая работа в некоторой степени повысила уровень грамотности личного состава, их мотивацию к повышению своего общеобразовательного и культурного уровня. Однако вечерние общеобразовательные школы посещала лишь наиболее активная часть малограмотных: большая часть из них все-таки оставалась неохваченной учебой. Это не замедлило сказаться на результатах: на 1 января 1930 г. в кадровых и территориальных частях РККА насчитывалось соответственно 134 142 и 231 569 малограмотных красноармейцев и младших командиров, что являлось негативным результатом¹⁹.

Подводя итоги, можно сказать, что в Красной армии в 1920-е гг. проводилась напряженная работа по ликвидации неграмотности среди бойцов и младших командиров. На основе анализа практики и результатов деятельности можно с уверенностью говорить о том, что она была эффективна в 1921–1925 гг., т.к. предусматривала обязательное посещение занятий военнослужащими, грамотное учебно-методическое обеспечение (привлечение высококвалифицированных кадров, регулярные созывы конференций школьных работников и т.п.), мо-

рально и материальное стимулирование обучающихся. Проведенная в 1925 г. попытка объединить общеобразовательную подготовку с политической привела к снижению качества и результатов обучения, что было признано руководством РККА и заставило его в конце 1920-х гг. вернуться к прежней раздельной системе организации деятельности. Отмеченная в 20-е гг. «смена курсов», непоследовательность в проведении политики в вопросе ликвидации неграмотности существенно снижала позитивный эффект данной работы. При всей неоднозначности проводившейся в то время работы некоторые элементы опыта ликвидации неграмотности 1920-х гг. можно использовать и сегодня: к примеру, в рамках культурно-досуговой работы целесообразно проводить занятия с солдатами Российской армии в комнатах досуга и клубах воинских частей.

Примечания

¹ См.: Ханжин Б.М. Горе без ума // Советская Россия. 2006. 14 сентября.

² См.: Беджанян Р.М. Коммунистическая партия – организатор активного участия Красной армии в социалистическом строительстве (1918–1932 гг.). Дисс... д. и. н. М., 1968. С. 672.

³ Там же. С. 673–674.

⁴ Там же. С. 674.

⁵ См.: Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1934. С. 438.

⁶ Красная звезда. 1925. 21 января.

⁷ Путилов В.Ф. Деятельность Коммунистической партии по повышению общеобразовательного уровня личного состава Красной армии (1926–1941 гг.). Дисс... к. и. н. М., 1978. С. 109.

⁸ Там же. С. 110.

⁹ Краснознаменный Северо-Кавказский. Очерк истории Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа. Ростов-на-Дону, 1971. С. 125.

¹⁰ Цит. по: Климович А.Т. Роль Красной армии в трудовой, общественно-политической и культурной жизни страны, 1921–1941 гг. Дисс... д. и. н. М., 1995. С. 323–324.

¹¹ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4. Оп. 2. Д. 218. Л. 2 об.

¹² Там же. Оп. 3. Д. 3071. Л. 195.

¹³ Цит. по: Путилов В.Ф. Указ. соч. С. 116.

¹⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 358. Л. 361 об.

¹⁵ Путилов В.Ф. Указ. соч. С. 118.

¹⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 848. Л. 7.

¹⁷ Беджанян Р.М. Указ. соч. С. 687.

¹⁸ Цит. по: Путилов В.Ф. Указ. соч. С. 118.

¹⁹ Там же. С. 120.

В.В. Номогоева, М. Г. Цыренова

Становление исторического образования и исторической науки в Бурятии (1920 — середина 1930-х гг.)

В 1920–30-е гг. в Бурятии в связи с началом социалистических преобразований произошли кардинальные перемены в системе образования и науки, сформировалась государственная система народного образования, включавшая начальную, семилетнюю и среднюю школы, школы профессионально-технического обучения, учреждения дошкольного воспитания детей, высшие учебные заведения. В рамках социально-культурной кампании проводился процесс ликвидации неграмотности в Бурятии, основным итогом которого явилось создание общей светской культуры населения Бурятии.

Основными документами, определившими новую систему руководства и управления народным образованием в центре и на местах, явились «Положение о единой трудовой школе РСФСР», утвержденное ВЦИК 30 сентября 1918 г., и «Основные принципы единой трудовой школы», принятые Государственной комиссией по просвещению 16 октября 1918 г.

С образованием в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР был создан руководящий орган народного образования – Народный комиссариат просвещения, на который возложили руководство всей научной, художественной и учебной деятельностью как общего, так и профессионально-технического характера¹. Последний в 1923 г. разработал устав единой трудовой школы применительно к условиям республики.

Виктория Владимировна Номогоева – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии ИФ Бурятский госуниверситет (БГУ), г. Улан-Удэ.

Марина Геннадьевна Цыренова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории Отечества ИФ Бурятский госуниверситет (БГУ), г. Улан-Удэ.

В 1923/24 учебном году на территории Бурятской республики работало 279 школ, в которых обучалось 16,5 тыс. человек². С 1923/24 учебного года в школах I ступени и в младших классах семилетней школы России стало вводиться преподавание по новым программам, разработанным научно-педагогической секцией Государственного ученого совета (ГУС) для первого и второго годов обучения, а затем и для других годов обучения³.

По этим программам учителя освобождались от обязанности излагать учащимся преподаваемый учебный предмет в определенной логической последовательности, с обязательным закреплением в памяти учащихся строго очерченного круга систематизированных знаний. Предметная система обучения упразднилась и заменялась комплексной системой⁴.

К этому времени были отменены школьные курсы истории. То есть фактически с 1921 г. в РСФСР историческое образование почти целиком заменилось курсом обществоведения.

Анализ программ по обществоведению для школ I и II ступени, опубликованных в 1923 г. в «Бюллетене Наркомпроса», позволяет констатировать, что история играла иллюстративную роль по отношению к обществоведению. Фактически такое положение сохранилось до конца 1920-х гг., когда преподавание истории в школах было полностью вытеснено обществоведением.

Фактически исчезли исторические факультеты университетов, которые заменили факультетами общественных наук. Исследования в области исторической науки претерпели существенные изменения в сторону революционной тематики. Подготовка про-

фессиональных историков-исследователей в 1920-е гг. проводилась в рамках Института красной профессуры (ИКП). А в исторической науке сложилось своеобразное троецентрие: с одной стороны, Комакадемия и другие марксистские центры, пользующиеся всяческой поддержкой Советской власти, с другой стороны – исторические учреждения Академии наук в Москве и ГАИМК в Ленинграде. Такое положение дел неизбежно требовало реформ, которые и последовали в 1930-е гг.

Изменения в системе исторического образования, произошедшие после Октябрьской революции, были тесно связаны с реорганизацией самой исторической науки. От дореволюционной России большевикам в наследство досталось много архивов, музеев, книгохранилищ, специалистов-историков, журналов. Однако использовать все это без радикальных изменений они не могли, так как перед советской властью вставали новые задачи.

Систематические исторические исследования Бурятии начинаются с первых лет советской власти, в частности, с создания в 1922 г. Бурятского ученого комитета. Новая власть нуждалась в научных кадрах, стоящих на марксистских методологических позициях и новых марксистских научных центрах.

В протоколе заседания объединенной конференции по культурным делам представителей Бурят-Монгольских автономных областей РСФСР и ДВР от 1 июля 1922 г. говорилось: «Создать небольшой исследовательский аппарат, назвав его комитетом изучения и разработки вопросов национальной культуры, который в дальнейшем, быть может, разовьется в Бурятскую академию наук»⁵.

Одной из основных задач созданного комитета являлось всестороннее изучение Бурятии и родственного с ней по культуре монголо-тибетского Востока, значение которого в политическом и культурно-географическом отношении чрезвычайно важно не только для Бурятии, но и для всего Союза ССР⁶.

В апреле 1924 г. было организовано Бурят-Монгольское научное общество им. Д. Банзарова⁷, которое проводило активную издательскую деятельность. В частности, с 1925 г. издавался бюллетень «Бурятиеведение» в целях содействия организации краеведческой работы в аймаках Бурятии, накоп-

ления краеведческих материалов и поддержания связи с краеведческими организациями страны и краеведческими ячейками научного общества в аймаках⁸. Общество опубликовало ряд работ по истории и этнографии, о природных богатствах в журналах «Жизнь Бурятии», «Просвещение Бурятии»⁹.

Историко-этнологическая секция общества изучала археологические памятники республики: неолитическая стоянка на реке Нижней Березовке, Мухоршибирские писаницы и др. Одновременно собирался этнографический материал, в частности, песни и мелодии бурят и русских, бурятские национальные танцы. Был издан сборник «Декабристы в Бурятии» (Верхнеудинск, 1927), опубликован ряд работ по археологии, истории народного хозяйства, социальным отношениям, просвещению и культуре, революционному движению в Бурятии, по антропологии, этнографии, устному народному творчеству, изобразительному искусству бурят, этнографический очерк о «семейских», а также несколько программ-инструкций по собиранию историко-этнографических и фольклорных материалов¹⁰. В 1930 г. общество имени Д. Банзарова было закрыто в связи с реорганизацией системы краеведческих обществ в СССР.

В первое послеоктябрьское десятилетие формирование «национальных историй» происходило в обстановке сотрудничества центра с «туземными» элитами, «коренизации», квазилиберальной языковой политики, что стимулировало процессы образования наций среди крупных этносов. Национальные истории обретают новую, советскую идентичность, и зачастую разрабатываются под флагом краеведения. Официальная историография в целом ориентируется на классовоцентристские и интернационалистские подходы к проблемам истории. Последняя интересна ей скорее как история революционных движений масс, как «объяснительная глава» к революционным битвам начала XX в., грядущего социального переустройства в рамках мирового развития. В конце 1920-х гг. обнаруживается глубинное противоречие между русским (русскоязычным) научным сообществом центра, олицетворяющим официальную историографию, с одной стороны, и национальными историками

(как марксистами, так и «идеалистами»), с другой¹¹.

Оценивая достижения первого десятилетия исторической науки в Бурятии, можно констатировать ее неоспоримые успехи, самым главным из которых следует признать само сложение исторической дисциплины. Однако уровень ее развития еще был невысоким. Большинство вопросов излагалось в достаточно общем виде, детализация их анализа лишь начиналась. В трудах, увидевших свет в 1920 – начале 1930-х гг. были поставлены и с разной степенью полноты решены проблемы определения исходного уровня социалистического строительства, особенности этого процесса в условиях Бурятии. Параллельно выделялись тематические предпочтения в изучении конкретно-исторических сюжетов: размещение промышленности, сущность аграрных преобразований, основные направления ликвидации культурной отсталости и т.д.¹²

В 1929 г. Бурят-Монгольский ученый комитет был реорганизован в Государственный институт культуры¹³. На институт была возложена задача проведения научных исследований по истории, экономике, филологии и искусству, а также разработка проблем антирелигиозной пропаганды, осуществление перевода политической литературы на бурятский язык.

В ходе изучения бурятского языка и искусства, сбора фольклорных материалов была проведена большая работа по реформированию бурятской письменности, однако ни одна из актуальных проблем изучения истории не нашла отражения в его работе. По итогам проверки в 1931 г. обком партии принял постановление, в котором предложил институту в кратчайший срок ликвидировать отставание научно-теоретической работы от практических задач социалистического строительства, для чего перестроить свою деятельность таким образом, чтобы обеспечить разработку актуальных задач социалистического строительства в условиях Бурятии и помочь тем самым партийным, советским и хозяйственным организациям в деле разрешения важнейших практических задач¹⁴.

В результате были проведены мероприятия по укреплению института кадрами, на-

лаживанию издательской деятельности, научно-исследовательская деятельность стала проводиться на основе плана.

ГИК совместно с Госархивом БМАССР начал проводить значительную работу по выявлению и изучению документов и других материалов по истории Бурятии. В 1930–1934 гг. были изданы: «Бурят-Монголия в борьбе за Советы», «От царской колонии до Советской республики», «Бурят-Монгольская АССР за десять лет», «Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет», «Бурятия в цифрах», содержавшие большой фактический материал по истории исследуемого периода Бурятии. Однако многие важные вопросы местной истории оставались еще совершенно не изученными: у историков не было ясного представления и об основных этапах исторического процесса в Бурятии.

В июне 1934 г. в Улан-Удэ на базе научно-исследовательского института культуры проходила дискуссия по спорным вопросам истории Бурят-Монголии. С докладом «Спорные вопросы исторического процесса Бурят-Монголии» выступил П. Т. Хаптаев. В центре внимания участников дискуссии были проблемы феодализма: о степени развития капиталистических отношений, о пережитках патриархально-родовых и полуфеодалных отношений и т. д. Совещание историков Бурятии 1934 г. определило направления и задачи дальнейших исследований истории социально-экономического развития Бурятии, хотя в целом оно имело негативные последствия, так как на нем подверглись шельмованию и получили ярлык «буржуазных националистов» видные ученые Бурятии.

В 1935 г. в Москве при Комакадемии состоялось еще одно совещание историков, посвященное итогам дискуссии по спорным вопросам истории Бурят-Монголии. С докладом выступил профессор А. В. Шестаков. Он дал обстоятельный анализ материалов дискуссии 1934 г., высказал серьезные критические замечания по выступлениям некоторых ее участников. В ходе обсуждения рассматриваемых проблем докладчик подверг резкой критике исторические взгляды отрицания феодализма на Востоке, позицию о господстве докапиталистических отношений в Бурятии и о «недоразвитости бурятского кулака». Материалы дискуссии опубли-

ликованы в книге под грифом Комакадемии, Института истории, Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры¹⁵.

В этот период формируется политика истребительного удара по национальным элитам и культурам, их последовательного и систематического подавления и сдерживания в обстановке утверждения национал-большевистских приоритетов идеологии, которые, однако, не отменяли колебания идеологического маятника между «национальным» и «интернациональным», «классовым» и «державным». Режим был озабочен поддержанием напряжения в среде творческой интеллигенции. Перевод историографии на позиции великорусской державности сопровождался развалом ленинистской историографии, сформировавшейся в основном в 1920-х гг. Идея «своей истории» в этот период сохраняется скорее в виде сокрытых культурных ориентаций и предпочтений, удерживается в «закоулках» и «щелях» национального исторического сознания. Функции национальной историографии, связанные с решением крупных проблем истории, переходят к официальной советской историографии.

В 1930-е гг. при сохранении некоторых базовых черт литературы прежнего этапа начинается почти полностью исчезать оценочная характеристика процесса развития республики, если она хотя бы немного отличается от ставшей официальной концепции истории социалистического строительства. В постановке проблем и тематике исследований наблюдается жесточайшая унификация, и абсолютное большинство публикаций написано по одной и той же схеме, на базе упрощенного классового подхода. Мнения, не вписывающиеся в рамки политического заказа, подвергаются резкой критике. Все это в конечном счете вело к мифологизации реальной истории¹⁶.

В целом исторические исследования рас-

сматриваемого периода представляют собой разрозненные, вне систематизации и динамики, данные, в особенности за время до начала 1930-х гг. Их содержание, как и в стране в целом, формировалось не под влиянием научной методологии изучения исторических процессов, а под воздействием политических и хозяйственных потребностей. Тем не менее, введение в оборот фактического материала является большой заслугой историков того периода, хотя многие из них не избежали догматических ошибок, присущих тому времени.

Примечания

¹ Национальный архив Республики Бурятия (далее – НАРБ). Ф.р-60. Оп.1. Д.4. Л.35–36.

² НАРБ. Ф.р-60. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

³ Новые программы для единой трудовой школы. М. 1923.

⁴ Буцик Л.П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961. С.191.

⁵ НАРБ. Ф. р-60. Оп. 3. Д. 1. Л. 96.

⁶ НАРБ. Ф. р-60. Оп. 1. Д. 76. Л. 7.

⁷ История Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1959. Т.2. С. 370.

⁸ Там же.

⁹ Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1974. Т. 2. С. 128.

¹⁰ История Бурятской АССР. Т. 2. С. 372–373.

¹¹ Бордюгов Г. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова М., 1999. С. 62.

¹² Чимитова Д.К. Отечественная историография становления и развития национальных автономий в Сибири в 1920-1930-х гг. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. С. 25.

¹³ НАРБ. Ф. р-475. Оп. 9. Д. 8. Л. 7.

¹⁴ Митупов Б. М. Руководство Бурятской партийной организации культурной революцией в республике. 1929–1937 гг. Улан-Удэ, 1962. С. 162.

¹⁵ К истории Бурят-Монголии / Под ред. А.В. Шестакова и А.И. Ломакина. М., 1935. С. 5–8.

¹⁶ Чимитова Д.К. Указ. соч. С. 26.

И.С. Цыремпилова

Русская православная церковь Байкальской Сибири 1920-х гг. и региональная власть

Государственно-церковные взаимоотношения являются неотъемлемой составной частью сложного социального организма любой общественной системы. Формы и приоритеты взаимоотношений между государством и религиозными институтами определяются государством исходя из существующих правовых, идеологических, социально-политических и экономических реалий. Бесспорно, что от существующего политического режима зависит степень религиозной свободы.

В настоящей статье рассматриваются особенности взаимоотношений власти и Русской православной церкви на территории Байкальской Сибири в 1920-е гг. Под Байкальской Сибирью понимается регион, включающий в себя Иркутскую область, Забайкальский край, Республику Бурятия в современных административных границах.

В рассматриваемый период Байкальская Сибирь представляла собой многонациональный и поликонфессиональный регион, где на протяжении нескольких веков происходило взаимодействие и взаимовлияние православия (как официального, так и старообрядчества и различных сект), шаманизма, буддизма, иудаизма, католицизма, ислама. При этом доминирующее положение по количеству верующих принадлежало Русской православной церкви. Так, по данным 1900–1901 гг. по Забайкальской области православное население составляло 453 821 чел. (76 % от всего населения)¹, по Иркутской губернии – 402 260 чел.

Ирина Семеновна Цыремпилова – кандидат исторических наук, доцент кафедры охраны памятников, факультет Музейного дела и туризма, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств (ВСГАКИ), г. Улан-Удэ.

(76 % от всего населения)². В последующие годы ситуация кардинально не изменилась.

Революционные потрясения и приход к власти большевиков привели к резкому изменению положения религиозных институтов. Законодательный массив, среди которого основополагающим являлся Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, был направлен в первую очередь на ограничение прав церкви. Советское государство лишило церковь юридического лица, прекращало всякие государственные ассигнования на ее нужды; храмы и имущество стали собственностью государства, земли национализировались. Объявленный принцип отделения церкви от государства перерос в формулу уничтожения религии.

В Байкальской Сибири реализация Декрета стала возможной только после окончания Гражданской войны. Так, в отчете заведующего губернским отделом юстиции Иркутского губернского революционного комитета сообщалось, что «к работе по отделению церкви от государства приступили с 1 мая 1920 г.»³. Осуществление этой работы на территории Байкальской Сибири затрудняло отсутствие механизмов, которые местные органы власти могли бы использовать для претворения Декрета в жизнь, несовершенство системы административных органов, а также необходимость решения целого комплекса других острых проблем.

Продолжение курса советской власти на борьбу с религией отразилось в кампании по изъятию церковных ценностей для борьбы с голодом 1921–1922 гг., охватившего районы Поволжья, Украины, Казахстана, Урала и Сибири. Число умерших от голода составило 5 млн. человек⁴. Летом 1921 г. советское пра-

вительство создало при ВЦИК штаб борьбы с голодом – Центральную комиссию помощи голодающим (Помгол), которая наряду с другими организациями осуществляла эвакуацию населения из голодающих районов, организовывала сборы пожертвований. Однако предпринимаемые меры оказались недостаточными, и ВЦИК РСФСР под видом помощи голодающим 16 (23) февраля 1922 г. принимает Декрет «Об изъятии церковных ценностей», который стал основным документом и инструментом широкой антирелигиозной кампании. При этом изъятие церковных ценностей рассматривалось как последняя возможность спасения тысяч жизней. На деле же главным становилось не спасение голодающих, а ускоренная ликвидация церкви как таковой⁵.

Декрет предписывал местным советам в месячный срок «изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра, камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы НКФина со специальным назначением в фонд ЦК Помгол». Была создана Центральная комиссия по изъятию церковных ценностей и ее губернские отделы, ведущую роль в которых играли представители партийных и силовых структур. Иркутская губернская комиссия по изъятию ценностей была образована и приступила к работе с 16 марта 1922 г. В своей деятельности комиссия руководствовалась инструкциями и указаниями центра.

На выполнение поставленной задачи был нацелен весь механизм силовых структур во главе с ГПУ. Кампания потребовала применения воинских частей, были подключены штабы армий, начальники гарнизонов, организованы судебные процессы над духовенством и верующими, осуществлявшиеся Ревтрибуналом РСФСР и местными трибуналами.

На территории Байкальской Сибири изъятие церковных ценностей проходило в два этапа. Анализ архивных материалов свидетельствует, что первоначально изъятие проводилось в крупных городах. Так, в секретной телеграмме под литерой «А» за подписью секретаря Иркутского губкома РКП(б) М. Левитина секретарям уездных комитетов предписыва-

лось немедленно приступить к изъятию на местах. При этом отмечалось, что «изъятие необходимо начать в городских богатых приходах, благоприятно настроенных, затем переходить в деревни, руководствуясь политическими соображениями»⁶. Вопрос о реализации Декрета на территории Бурятии специально рассматривался на заседании Бурят-Монгольского обкома РКП(б) от 3 марта 1922 г., на котором было принято решение: «Впредь до утверждения Сиббюро ЦК РКП(б) от проведения в жизнь декрета воздержаться»⁷.

Предварительно проводились собрания верующих, беспартийные конференции, сельские сходы по уездам Байкальской Сибири, которые должны были принять соответствующие решения в пользу изъятия. Довольно часто принимались прямо противоположные решения. Так, православные верующие г. Кабанска (300 человек) выступили против изъятия, при этом были зафиксированы разного рода высказывания: «Пусть берут в другом месте, а не у нас!», «Хватит нам петь!», «С богатых мужиков сняли зубы, а теперь добрались до иконных риз!»⁸. В информационной сводке Иркутского губчека за период с 15 апреля по 10 мая 1922 г. был зафиксирован следующий случай. Зажиточные крестьяне с. Листвянка Иркутского уезда, «собравшись ночью, устроили беседу», на которой постановили объединиться с соседними селами и не допускать изъятия ценностей вплоть до вооруженного сопротивления. Один из кулаков даже высказался за убийство двух докладчиков «как морочащих голову православному люду». Также имелись сообщения о фактах избивания лиц, производящих изъятие. В одной из городских церквей Иркутска «возбужденной толпой в 300 человек был избит инструктор укома Саркисов»⁹.

Таким образом, мероприятия кампании вызвали отрицательное отношение среди крестьянской массы к самой власти. Население края рассматривало эти события как поругание православной церкви, надругательство над святынями, оскорбление чувств верующих. Местные органы власти и общины оказались «по разные стороны баррикад». Власти констатировали наличие инцидентов между комиссиями и верующими, свидетельствующих о пассивном сопротивлении населения изъятию. Представители религиозных общин

отказывались участвовать в работе комиссий или тормозили их работу.

Одной из мер по устранению влияния религии и духовенства на верующих было привлечение священнослужителей к уголовной ответственности за организацию сопротивления изъятию церковных ценностей. В Байкальской Сибири наиболее известным актом стал арест 29 апреля 1922 г. архиепископа Иркутского и Верхотурского Анатолия и вместе с ним наиболее активной части духовенства и приходских комитетов, причем вопрос был заранее согласован с губкомом РКП. Содержание обвинения выглядело следующим образом: «... архиепископ Анатолий, обвиняющийся в настраивании масс духовенства против изъятия ценностей... в соучастии в сокрытии и расхищении соборных ценностей...»¹⁰. Позднее закрытое заседание Иркутского губкома РКП от 20 мая 1924 г. рассмотрело вопрос об амнистии бывшего архиепископа Анатолия и постановило: «Не возражать против амнистии и ... предложить бывшему архиепископу Анатолию выехать из Иркутской губернии после амнистии»¹¹.

Наиболее эффективным для государства средством контроля над религиозной жизнью православного населения на протяжении 1920-х гг. являлась поддержка обновленческого раскола, в организации и проведении которого существенную роль сыграли органы ГПУ (ОГПУ). Именно на эту новую антицерковную кампанию как следующему этапу борьбы государства с религией была направлена часть изъятий церковных ценностей.

Перспективный план действий в отношении обновленческого движения был сформулирован Л.Д. Троцким в письме Политбюро от 30 марта 1922 г.: с помощью обновленцев изъять церковные ценности, расколоть церковь и разгромить «контрреволюционное течение духовенства»¹².

29 мая 1922 г. в Москве на учредительном собрании «Живой церкви» обновленцами было создано Высшее Церковное Управление (ВЦУ) под руководством епископа Антонина, которое направило все усилия на то, чтобы заручиться поддержкой духовенства и верующих на местах. Решениями ВЦУ духовенству строго предписывалось не только создать «живоцерковные» приходы, благочиния, епархии, но и срочно провести в их руководя-

щие органы на экстренно созванных съездах и собраниях «преданных революционному делу» и советской власти клириков.

Ввиду особых географических условий Сибири 2 июня 1922 г. было образовано самостоятельное Сибирское церковное управление (СибЦУ) с центром в г. Томске. СибЦУ под председательством Петра, Епископа Томского и всей Сибири, объявлялось до проведения Собора «единственным каноническим законным высшим церковно-административным центром». В Иркутске было организовано Иркутское церковное управление, которое официально было открыто 20 сентября 1922 г., а 14 октября в город прибыл первый обновленческий архиепископ Иркутский и Верхотурский Николай¹³.

В Чите все храмы «насильственным образом были заняты обновленцами», духовенство «где прещениями, где добровольно» в большинстве своем перешло на сторону Забайкальского Губернского Церковного Управления под председательством назначенного Сибирским Церковным Управлением архиепископа Михаила Орлова¹⁴. Однако так называемый «триумф» обновленчества в Байкальской Сибири шел гораздо медленнее, чем в Центральной России.

Местные власти заявили о поддержке обновленческого движения в РПЦ, свидетельством чему служит ряд документов секретного характера. 16 июня 1922 г. на места была разослана директива под грифом «Секретно» за подписью заместителя секретаря Иркутского губкома РКП (б) Бермана и заведующего агитпропотделом Ольхового, в которой подчеркивалось, что раскол в православной церкви и отречение патриарха Тихона имеет большое значение «далеко за пределами церкви». Особо отмечалось, что советская власть сумеет защитить священнослужителей, сторонников реформы, «боящихся репрессий со стороны князей церкви»¹⁵.

Со стороны местных властей имели место и своеобразные формы «поддержки» обновленцев. В августе 1923 г. в Киренск прибыл архиерей обновленческой церкви, который имел на руках мандат от церковного управления, зарегистрированный в губисполкоме. На этом основании, посещая приходы, он заходил в волисполкомы, где регистрировали его мандат. Иркутский губком указал на недо-

пустимость визирования мандатов церковнослужителей и предписал принять меры к ликвидации данного инцидента. На местах были зафиксированы факты отстранения священнослужителей тихоновского направления от занимаемых должностей. Так, секретным отношением Управления Иркутской губернской рабоче-крестьянской милиции за № 142 от 30 октября 1922 г. было предписано «принять самые серьезные меры к устранению священнослужителей от должности»: протоиерея К. Попова (пос. Иннокентьевск), протоиерея А. Логинова (с. Усолье), священника И. Шабалина (с. Куды) и других. Основанием для этого стало постановление обновленческого Иркутского ЕЦС от 12 октября 1922 г. № 57, который уволил этих священников «за деятельность против обновленческого движения, поминование на богослужениях имени патриарха Тихона, непризнание Собора 1923 г.»¹⁶. В ответ на эти действия общины верующих стали обращаться с жалобами в различные инстанции, состоялись разбирательства, в последующем эти решения были отменены. Но указанные факты свидетельствуют, с одной стороны, о поддержке и использовании обновленческого раскола органами власти, с другой стороны – о неподготовленности местных кадров, занимающихся религиозной политикой и принимающих подобные решения.

С начала раскола в Байкальской Сибири соотношение между обновленцами и тихоновцами было неравномерным. Так, согласно информационный сводке VI отделения Секретного отдела ОГПУ «О состоянии православных церковников», на 1 января 1924 г. в г. Иркутске и его уездах «обновленческое движение ухудшается, идет на убыль», но в уездах Иркутской губернии «за обновленческим движением зарегистрировано 98 церквей, а за тихоновцами ни одной». По Прибайкальской губернии сложилась следующая картина: «Тихоновцы, как количественно, так и качественно и материально, имеют значительный перевес над обновленцами», а по Забайкальской губернии противоположная ситуация: «Обновленческое движение крепнет. Обновленцев в Чите насчитывается 75

процентов, остальные тихоновцы»¹⁷. Таким образом, большевистская атака на церковь в виде раскола имела лишь ограниченный успех: властям удалось посеять в церкви раздор и смуту, но добиться полного торжества обновленчества не удалось. Становилось очевидным, что оно не способно привлечь к себе верующих.

К концу 1920-х гг. популярность обновленчества среди верующих стала падать, количество приходов постоянно сокращалось, обычным явлением стал отход обновленческого духовенства от церкви. Однако в целом обновленческое движение носило характер конформизма по отношению к советской власти и не получило широкой поддержки у верующих. Но в деле «отмирания религии» обновленчество сыграло определенную роль.

Примечания

¹ Косых В.И. Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции. Чита, 1999. С. 24.

² Михайлова В.Т. Православная церковь и социум в Байкальской Сибири в пореформенный период (1861–1916 гг.). Улан-Удэ, 2003. С.109.

³ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее – ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.

⁴ Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 2003. С. 511.

⁵ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. В 2 кн. / Издание подготовили Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.; Новосибирск, 1997. Кн. 1. С. 11–12.

⁶ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1023. Л. 25.

⁷ Национальный архив Республики Бурятия (далее – НАРБ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 41.

⁸ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 103 об., 104.

⁹ Там же. Л. 110, 118, 167.

¹⁰ Там же. Л. 127.

¹¹ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1786. Л. 5.

¹² Архивы Кремля. Кн. 1. С. 163.

¹³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 485. Оп. 2. Д. 25 Л. 1.

¹⁴ Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. р-422. Оп. 1. Д. 12. Л. 5; Д. 106. Л. 31.

¹⁵ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1336. Л. 8.

¹⁶ Там же. Д. 1484. Л. 4–5.

¹⁷ Архивы Кремля. Кн. 2. С. 394.

И.Г. Иванцов

Деятельность органов внутрипартийного контроля ВКП(б) по преодолению продовольственных затруднений на Северном Кавказе в начале 1930-х гг.

На Кубани уже с 1930 г. появились серьезные трудности с продовольственным снабжением рабочих и служащих в городах и станицах. Эти социальные группы прикреплялись к закрытым распределителям, обеспечивалась питание в столовых (бедой которых стали очереди, антисанитария, плохое качество пищи)¹. За хлебом выстраивались большие очереди. Президиум Каневской районной контрольной комиссии (КК) ВКП(б) в феврале 1931 г. рассмотрел вопрос о трудностях в снабжении рабочих и служащих станицы выпечным хлебом. Было предложено передать следственным органам материалы на правление Каневского РПО (районного потребительского общества), которое допустило перерасход за 42 первых дня 1931 г., составивший 104 центнера. Правлению же было предложено подготовить переучет всех приобретающих выпечной хлеб (в недельный срок) по установленным нормам Крайснаба, установить точный контроль отпуска муки и печеного хлеба. Для ликвидации очередей КК обязала РПО организовать распределитель-лавку с указанием могущих получать хлеб по закрытому распределению. Через два месяца благодаря принятым мерам был произведен переучет хлебных карточек, в процессе которого было «снято со снабжения по получению печеного хлеба до 10 % от общего числа получающих». Но очереди не исчезли, как и махинации с хлебными карточками². Подобные решения принимались во

множестве районов, поскольку именно КК-РКИ (рабоче-крестьянской инспекции) занимались этими вопросами³.

Возникшие трудности приводили к злоупотреблениям. Председатель Усть-Лабинского райторгсоюза Атрас часто направлял записки, по которым нужным людям отпускали дефицитные товары (мед, масло, мануфактура и т.д.). Президиум Усть-Лабинской КК-РКИ постановил: от работы Атраса отстранить, из партии исключить и дело передать в прокуратуру. Правлению райсоюза было категорически запрещено производить выдачу товара по запискам⁴. Снабженческие злоупотребления широко распространились и стали для этой эпохи очень характерными. Да и как было им не быть, если частной торговли уже не было, а сеть государственно-кооперативной торговли с 1926/1927 г. по 1933 г. сократилась почти вдвое⁵. Власть пыталась реагировать. Так, президиум краевой КК в январе 1932 г. отметил совершенно недопустимое отношение к выполнению директив октябрьского пленума ЦК и решений крайкома ВКП(б) от 26 ноября 1931 г. о развертывании советской торговой сети в колхозах и совхозах. За два месяца не было открыто ни одной торговой точки. Крайснаб и Крайколхозсоюз обязали в декадный срок открыть не менее 25 магазинов в райцентрах и не менее 1000 лавок и ларьков розничной торговли в колхозах и совхозах. Крайснабу предписали развернуть советскую базарную торговлю колхозной продукцией в основных промышленных городах и районах в определенном объеме, установленном решениями крайкома ВКП(б)⁶. Впрочем, эти решения в большинстве так

Игорь Григорьевич Иванцов – доцент кафедры общественных дисциплин Краснодарского краевого института дополнительного профессионального педагогического образования, г. Краснодар.

и остались не выполненными. Президиум Кропоткинской районной КК–РКИ на своем заседании отметил, что несмотря на открытие в районе 14 колхозных ларьков, 4 колхозных базаров, 8 палаток и одного магазина, это не имело эффекта в связи с плохим снабжением их товарами⁷.

Продовольственные затруднения стали привычным как для населения, так и для властей. Так, Новороссийская городская КК–РКИ констатировала (на 10 декабря 1931 г.) полный срыв рабочего плана осенне-зимнего снабжения плодоовощами 85-тысячного Новороссийска. Выполнение плана составило 7 792 т, или 24 % годового плана. По картофелю – 23,6 % (3480 т), капусте – 12,2 % (622 т), по помидорам – 10,2 % (409 т), буряку – 7 % (176 т) и прочее – 37,3 % (3136 т)⁸.

Председатель коммуны «Красный Батрак» (станция Нововладимирская Кропоткинского района) И.С. Фефелов возглавил ее в 1931 г., в тяжелое время. Коммуна имела большую долг по краткосрочным платежам. Фефелов для покрытия долга разрешил продажу муки на частный рынок (на сумму 5523 рубля), на вырученные деньги погашались долги коммуны и вносились авансы под заказанные товары кооперации. Для общественного питания он разрешил забить обобщественный скот (всего 8 свиней и 3 быков). Такая инициативность была жестко пресечена. Президиум Кропоткинской районной КК–РКИ ВКП(б) постановил: за спекуляцию мукой, уничтожение скота Фефелова из партии исключить, с должности снять, дело передать в прокуратуру и рассмотреть на показательном судебном процессе в станице Нововладимирской⁹.

Руководящие (высшая партийная номенклатура района) партийные работники районного звена, прикрепленные к спецраспределителю, входили в особый снабженческий список и продовольственных затруднений не испытывали. Они и члены их семей снабжались по высшему разряду. По состоянию на 20 ноября 1931 г. в списке Темрюкского района, например, числилось 46 человек от следующих организаций: банк – 1 чел., горпо – 1 чел., горсовет – 2 чел., КЕНАФ – 1 чел., ОГПУ – 5 чел., отделение связи – 1 чел., прокуратура – 1 чел., райком ВКП(б) – 8 человек, районная КК–РКИ ВКП(б) – 3 чел., райком ВЛКСМ – 1 чел., редакция районной газеты – 1 чел., рай-

исполком (РИК) – 11 чел., РСП – 1 чел., райсоюз – 1 чел., рыбкооп – 1 чел., рыбколхоз – 1 чел., прокуратура – 1 чел., районное управление милиции – 1 чел. РКС – 1 чел., райсберкасса – 1 чел. Таманская МТС – 1 чел., Темрюкская МТС – 1 чел.¹⁰

Снабженческими льготами пользовались и другие категории, в том числе 25-тысячники, прибывшие в край по оргнабору для решения хозяйственно-политических задач. Районные райснабы и райсоюзы обязывались давать четкие указания местным сельпо о бесперебойном снабжении товарами этой категории лиц¹¹.

В Каневском районе, в июне 1931 г., во время уборочно-обмолоточной компании начали организовываться временные контрольные посты по всему району. Их организация была поручена районной КК–РКИ ВКП(б), для повседневного наблюдения за ходом полевых работ и предотвращения хищений урожая (многие уносили его домой в карманах, узелках и т.д. – для дневного пропитания). На посты расставлялись члены комсодов и комсомольцы. О своей работе они были обязаны подекадно докладывать в президиум районной КК. Под особое наблюдение в районе велено было взять все виды работ и кампаний в станице Челбасской, селах Новом и Белоусовобейсугском. Но особого эффекта эти мероприятия не давали, и уже к осени в станице Челбасской стали изымать зерно в счет хлебозаготовок, прямо с обмолота. Тем не менее, к октябрю план в непокорной станице был выполнен всего на 31 %¹². Инициативы по установке постоянных постов на полях в колхозах, совхозах и коммунах немедленно были подхвачены и другими зерновыми районами края¹³.

Президиум краевой КК и Коллегия краевой РКИ на совместном заседании 6 августа 1931 г. констатировали «явные перегибы местных парторганизаций и судебно-прокурорских учреждений в сторону привлечения к уголовной ответственности и осуждения низового колхозного актива». Проверка Крайсуда выяснила, что за 1930 г. по 998 делам было осуждено 1647 человек, из них: председателей колхозов 351, членов правлений 436, бригадиров и т.д. 860 человек (фактически дел и осужденных по ним было больше), и оправдан 341 человек. Из осужденных 850 человек получили принудительные работы сроком от 1 неде-

ли до 3 месяцев, часть колхозного актива без какой-либо вины привлекалась к суду вместо общественно-дисциплинарных мер¹⁴.

Продовольственные затруднения привели к драматическому положению не только в деле заготовки зерна, но и вообще – многих видов сельскохозяйственной продукции. В том же 1930 г., осенью, при проведении мясозаготовительной компании в Туапсинском районе средняцким и бедняцким хозяйствам (не говоря уж о кулацких) давались твердые задания по сдаче государству мяса. В случае невыполнения таковых мясо изымалось насильственно¹⁵. В Майкопском сельсовете Кропоткинского района по всем секторам – колхозному, единоличному и обобществленному – числилось 344 головы свиней. Сверху было спущено задание: заготовить 570 голов свинины. Реально заготовили 80 голов. Недостачу выбивали из единоличников¹⁶. Такого рода «левацкие загибы» и проявления «левого оппортунизма на деле», несмотря на осуждение некоторых из них, уже начиная с хлебозаготовительной компании 1928 г., становились все более частыми и даже вполне обычными. Они же способствовали обострению проблемы продовольственного снабжения крупных городов Северо-Кавказского края. О том, насколько она обострилась, свидетельствуют следующие архивные данные. На конец ноября 1930 г. индустриальные города края были обеспечены картофелем: Шахты – на 83,9 %, Сулин – 47,8 %, Грозный – 88,6 %, Белая Калитва – 72,9 %, Ростов – 41,9 %, Таганрог – 36,9 %, Туапсе – 39 %, Новороссийск – 44,7 %. Причем в ряде районов в преддверии зимы картофель вообще не был выкопан. В Армавире – на площади 60 га, в Отрадной – 4 га, в Эссентуках – 42 га, в Майкопе – 60 га¹⁷.

Нельзя сказать, что краевую власть не заботила складывающаяся обстановка. Согласовывая ее с высшим партийным руководством, край отстаивал свою позицию по уменьшению процента плана продзаготовок. Тому свидетельством является секретное постановление бюро Северо-Кавказского крайкома от 1 июня 1932 г., которым на основе решений СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 мая 1932 г. предусматривалось уменьшение плана мясозаготовок в крае по колхозно-крестьянскому сектору во II–IV кварталах 1932 г.: по свиноводческим фермам на 10 305 т, по МТФ – на

13 000 т, по СТФ – на 3585 т, по сельпо (выращивание) – на 2574 т. План заготовок колхозов, колхозников и единоличников снижался на 17 475 т. Причем план выполнения заготовок мяса разрешили выполнять за счет любых видов скота, обеспечивая только выполнение контрактационных договоров в живом весе. Было запрещено доводить план или самообязательство по заготовкам за счет последней оставшейся коровы у колхозника (в соответствии с постановлением крайкома от 10 августа 1932 г.).

Причем особо оговаривалось проведение ското-мясозаготовок в горных районах нацобластей края, где оно должно было вестись согласно решению бюро крайкома от 8 мая 1932 г., только путем покупки через фактории государственных заготовителей, добровольно и без принуждения. Всего план скотозаготовок по 87 районам и нацобластям Северо-Кавказского края был снижен почти в половину, а именно на 46,7 %¹⁸.

Несмотря на все это продовольственная политика только ужесточалась. В зерновых районах Северного Кавказа, особенно на Кубани, районные КК отмечали «преступный, правооппортунистический срыв» подготовки к весеннему севу 1932 г.¹⁹ Для его предотвращения райисполкомы создавали специальные «посевтройки», усиливая контроль посевных компаний²⁰.

В Анапском районе в соответствии с законом от 7 августа 1932 г. («закон о пяти колосках») за период с 7 августа по 1 декабря 1932 г. было возбуждено 51 дело о хищениях и 5 дел по спекуляции, по которым всего проходило 99 человек. За саботаж хлебозаготовок возбудили 37 дел, по которым проходили 48 человек. Президиум Анапской районной КК–РКИ по докладу о работе прокуратуры и суда по привлечению к судебной ответственности за невыполнение хлебозаготовок предложил прокурору: 1) не оставлять ни одного случая нерасследованным; 2) не допускать уменьшения сроков расследования; 3) шире поставить массово-разъяснительную работу по пропаганде хлебозаготовок, особенно в прессе²¹.

Такого рода активность карательных органов приводила к интенсификации их работы. Каневская районная КК–РКИ проверила деятельность прокуратуры района за период с 1 июля по 18 ноября 1932 г. Были получены

следующие результаты ее работы: всего за означенный период поступило 278 дел. Было привлечено к ответственности 467 человек: как колхозников (зажиточных – 6, середняков – 10, бедняков – 94), так и единоличников (зажиточных – 37, середняков – 117, бедняков – 116, кулаков – 26), в том числе рабочих – 22, служащих – 17.

За хищение хлеба было возбуждено 124 дела (по ним проходило 277 чел.), за спекуляцию хлебом – 3 дела (проходило 44 чел.), за невыполнение твердых заданий по хлебозаготовкам – 46 дел (привлекалось 47 чел.), за халатное отношение – 15 дел, за сокрытие хлеба колхозами – 6 дел, за растраты и злоупотребления властью – 16 дел. Сроки прохождения дел варьировались: от 1 до 2 дней – 161 дело, от 2 до 5 дней – 43 дела, от 5 до 7 дней – 27 дел, от 7 до 9 дней – 10 дел, от 9 до 12 дней – 13 дел, свыше 12 дней – 24 дела²².

К ноябрю 1932 г. планы хлебозаготовок на Кубани закончились полным провалом. Противодействие им выразилось в различных формах. Чаще всего колхозники, наученные горьким опытом, в стоворе со своим руководством, утаивали и прятали зерно всеми доступными способами.

Вопросы продовольственного снабжения обострились до такой степени, что КК начали урезать снабжение даже районной партноменклатуры. Так, президиум Куцевской районной КК 7 июля 1932 г. организовал проверку закрытого ларька для ответственных работников района в станице Куцевской. Было запрещено снабжать продовольствием работников районного ОГПУ, которые одновременно получали довольствие при закрытом ларьке райвоенкомата. Ввиду ограниченности пайков было решено исключить из ларька «сродственников» ответственных работников района: братьев, сестер, родителей, оставив на снабжении только прямых иждивенцев²³.

Весь 1932 г. в работе районных КК–РКИ характерен обилием дел сельских функционеров, обвиняемых в срывах и саботаже хлебозаготовок, оппортунизме (чаще всего под этим подразумевались выступления против

нереальных планов хлебозаготовок), переходе на сторону классового врага, укрывити хлеба и т.д. Причем по ним проходили как крупные сельские функционеры (председатели колхозов и сельсоветов, секретари партийных организаций), так и рядовые колхозники. Зачастую привлекались к ответственности и народные судьи, позволявшие себе недостаточно быстро разбирать судебные дела, связанные с хищениями зерна на полях и продовольственными махинациями²⁴.

Примечания

¹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1180. Оп. 1. Д. 5. Л. 143.; Ф. 8277. Оп. 1. Д. 16. Л. 91, 91 об.; Ф. 9777. Оп. 1. Д. 40. Л. 126; Ф. 20. Оп. 1. Д. 10. Л. 15–16, 32–33, 53, 86.

² ЦДНИКК. Ф. 10581. Оп. 1. Д. 3. Л. 8, 10. Ф. 8047. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.

³ ЦДНИКК. Ф. 11381. Оп. 1. Д. 2. Л. 63–64.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 9777. Оп. 1. Д. 26. Л. 172–180., Д. 40. Л. 13.

⁵ Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 41.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 10703. Оп. 1. Д. 35. Л. 38.

⁷ ЦДНИКК. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 185. Л. 6–8.

⁸ ЦДНИКК. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 7. Л. 151.

⁹ ЦДНИКК. Ф. 1725. Оп. доп. Д. 2. Л. 263.

¹⁰ ЦДНИКК. Ф. 4387. Оп. 1. Д. 31. Л. 93.

¹¹ ЦДНИКК. Ф. 9777. Оп. 1. Д. 25. Л. 156.

¹² ЦДНИКК. Ф. 10581. Оп. 1. Д. 3. Л. 33, 60.

¹³ ЦДНИКК. Ф. 10577. Оп. 2. Д. 27. Л. 107; Ф. 9777. Оп. 1. Д. 41. Л. 16.

¹⁴ ЦДНИКК. Ф. 797. Оп. доп. Д. 28. Л. 56.

¹⁵ ЦДНИКК. Ф. 3669. Оп. 1. Д. 10. Л. 6–7.

¹⁶ ЦДНИКК. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 138. Л. 6.

¹⁷ ЦДНИКК. Ф. 8003. Оп. 1. Д. 4. Л. 183.

¹⁸ ЦДНИКК. Ф. 10587. Оп. 1. Д. 21. Л. 129–12 об.

¹⁹ ЦДНИКК. Ф. 10703. Оп. 1. Д. 43. Л. 34–40, 60–63.

²⁰ ЦДНИКК. Ф. 12175. Оп. 1. Д. 36. Л. 13.

²¹ ЦДНИКК. Ф. 12173. Оп. 1. Д. 18. Л. 255.

²² ЦДНИКК. Ф. 10581. Оп. 1. Д. 5. Л. 117–118 об.

²³ ЦДНИКК. Ф. 431. Оп. 1. Д. 23. Л. 92в.

²⁴ ЦДНИКК. Ф. 12172. Оп. 1. Д. 15. Л. 89. Д. 16. Л. 134–135. Д. 17. Л. 10. Д. 18. Л. 12, 21–25., Д. 19. Л. 1–5. Ф. 12173. Оп. 1. Д. 18. Л. 261–262. Ф. 12175. Оп. 1. Д. 36. Л. 31. Д. 37. Л. 8. Д. 38. Л. 16.

Н.А. Володина

Советская система политического контроля 1945—1953 гг.

Победоносное завершение войны и начало мирного строительства внесли значительные изменения в содержание советской системы политического контроля. Структура системы политического контроля практически не изменилась: по-прежнему ее основными элементами были цензура, СМИ, институты образования и культуры, искусство. Как и в предыдущие годы, власти огромное внимание уделяли воздействию на массовое сознание. Эволюция содержания советской системы политического контроля заключалась в формировании новых идеологем и изменениях, произошедших в содержании существовавших ранее установок.

Безусловно, главным фактором, обусловившим изменения в содержании советской системы политического контроля, стала победа СССР в Великой Отечественной войне. Выступая на приеме в Кремле 24 мая 1945 г. И.В. Сталин провозгласил тост «за здоровье русского народа», охарактеризовав его как руководящую силу Советского Союза среди всех народов страны¹. В этом утверждении крылась опасная тенденция уничтожения других наций. Это стало основой будущей кампании против космополитизма и подавляемого национального протеста ряда народов. Проводимая кампания против космополитизма была как бы уравновешена другой репрессивной кампанией: по обвинению в русском национализме. В 1945–1950 гг. были репрессированы минимум 2000 партийных и государственных деятелей страны².

¹ Наталья Анатольевна Володина – докторант кафедры истории Московского педагогического государственного университета.

Борьба против космополитизма была частью системы политического контроля послевоенного периода, особенно в 1947–1949 гг., когда началась волна публикаций и выступлений против деятелей культуры с еврейскими фамилиями, а дело Еврейского антифашистского комитета стало разрастаться. 3 февраля 1948 г. правительство приняло постановление «О роспуске объединений еврейских писателей и закрытии альманахов на еврейском языке», что было ответом на создание израильского государства и на идею образования еврейской автономии в Крыму, муссировавшуюся среди евреев и западных политиков³. Антиеврейская кампания не была чем-то особенным – преследованиям подвергались и те, кто побывал в немецком плену, на оккупированной территории, вернулся из эмиграции, имел родственников за границей и т.д. Общая направленность, на наш взгляд, была такова – против всех тех, кто имел или мог иметь контакты с Западом. То, что масштабная антиеврейская кампания была проведена в эти годы – общеизвестно, но могли, например, в течение месяца весьма целенаправленно ругать украинских писателей (Корнейчука, Василевскую, Сосюру и др.). По-прежнему большевистская пропаганда широко использовала такой ярлык, как «буржуазный националист».

После того, как обозначилось стремление И.Б. Тито создать на Балканах неподконтрольную Сталину федерацию славянских государств, весной 1949 г. власти стали решительно пресекать прямолинейное толкование идеи российского патриотизма (например, создать Российскую коммунистическую партию), исчезли упоминания о Славянском комитете СССР⁴.

В процессе осуществления идеологического контроля необходимо было сгладить

суровую послевоенную действительность, что обеспечивала футурунаправленность. Феномен футурунаправленности ярче всего проявлялся в литературе и искусстве. Литературное творчество стало как бы местом встречи двух взаимосвязанных потоков – потока желаний власти и потока аффектов массы, поэтому литература как язык власти и массы принадлежала им обеим. В литературных же произведениях ярче всего видно, как в футурунаправленном обществе, подчиненном интересам будущих поколений, конкретный облик вождельного будущего постепенно затухивался.

В то же время мы считаем, что идеологема «светлого будущего» сама по себе должна быть структурным элементом любой идеологической системы – иначе это будет или общество потребления, или общество без будущего.

Следующей идеологемой, оставшейся еще с предвоенных времен, был коллективизм. Абсолютизация коллективистского начала, причем абсолютизация насильственная, во многом является одной из главных причин краха тоталитаризма. Обесценивание человека – характерная черта исследуемого периода, хотя генетические корни этого явления лежат глубоко в российской истории и в событиях первой четверти XX в. Усилившийся после 1917 г. приоритет классовых ценностей по сути зачеркивал человека как личность.

Даже совершая преступления, власть стремится как бы «освятить» их именем общества, коллектива: создается миф, согласно которому не власть и ее орудие – НКВД (МГБ), а сам народ расправляется со своими врагами. Политика власти, включая и самые жесткие акции, поскольку она осуществлялась руками выдвинутцев, создавала иллюзию народовластия, что повышало устойчивость политической системы. Коллектив признается сверхценным еще и потому, что поскольку все граждане государства являются лишь частями одного общего великого начала, то интересы управляемых и управляющих якобы полностью совпадают, и какой-либо контроль общества над госаппаратом совершенно излишен.

Социоцентрический миф тесно связан с мифом о мессианстве (партии, советского

государства), имеющем глубокие исторические корни. Так, советский патриотизм считался патриотизмом высшего типа, поскольку он включал в себя «понимание исторического превосходства советского строя»⁵.

Миф о непогрешимом вожде нуждался в подкреплении, так как входил в противоречие с реалиями жизни. Требовалось какое-то объяснение этим противоречиям, ведь миф о вожде должен был входить в общую мифологию всеобщего благоденствия. Роль вспомогательного мифа играл миф о враге.

Негативизм – общее устойчивое свойство тоталитарных идеологий, рассматривающих политическую реальность исключительно через призму бинарных оппозиций. Для успешного осуществления политического контроля необходим образ врага, который является характерным проявлением негативизма. Он является стереотипом, который позволяет человеку определять свое поведение в условиях дефицита правдивой информации о политическом оппоненте и о среде в целом. Внутренним врагом стали считаться расхитители социалистической собственности. Причем иногда несоответствие тяжести вины и тяжести наказания буквально бросалось в глаза⁶. В 1948 г. Председатель Президиума Верховного Совета Н.М. Шверник даже обратился с официальным письмом к Сталину, где говорил о тысячах писем от родственников осужденных и от самих осужденных, о случаях, когда кража пустого мешка наказывалась семью годами исправительно-трудовых лагерей. Шверник предлагал переквалифицировать мелкие преступления по Указу от 10 августа 1940 г. Это позволило бы снизить меру наказания в несколько раз⁷. Сталин прислушался к мнению Шверника, чему, вероятно, способствовал тот факт, что жесткие меры не давали ожидаемого эффекта: число хищений различного имущества по стране увеличилось в 1947 г. по сравнению с 1946 г. на 43,7 %⁸.

В принятых в 1946 г. постановлениях ЦК ВКП(б) в области литературы и искусства партийные идеологи подвергли уничтожающей критике творчество ряда писателей и композиторов. К врагам были отнесены многие представители интеллигенции. В трудном положении оказались прежде все-

го преподаватели гуманитарных и общественных дисциплин. «Беспартийность и либерализм» вменялись в вину преподавателям литературы Пензенского учительского института В.В. Покровской, А.А. Баранову, Д.Д. Береговой, которые были вынуждены уволиться. К началу 1950 г. из 103 штатных преподавателей более 20 считались по тем или иным причинам неблагонадежными.

Особенностью идеологемы врага является то, что она используется не только как инструмент уничтожения или запугивания врагов или «неудобных» для режима лиц, но и как обыденный инструмент реализации политического контроля, управления массами.

Несмотря на огромное внимание, которое в процессе реализации политического контроля власти уделяли массовому сознанию, мощнейший карательный аппарат продолжал активно участвовать в поддержании официальной идеологии, в борьбе против «опасных мыслей» путем репрессий. Репрессии обрушивались и на людей, вполне лояльных режиму, что создавало устойчивую атмосферу всеобщей подозрительности.

Жизнеспособность мифа о враге усиливают объективные обстоятельства. Так, рождение и развитие советского общества тесно связано с войной. Оно родилось в пароксизмах Первой мировой войны, прошло эпоху войны гражданской, и даже когда вступило в полосу мира, этот мир всегда осознавался как преддверие войны. Во время войн первой четверти XX в. человек превратился в разменную монету – произошло обесценивание личности. Объективной причиной укорененности мифа о враге стала и Вторая мировая война.

Любое общество предполагает подчинение большинства населения воле правящей элиты, которое основано не только на массовой поддержке провозглашенных целей, но и на целом ряде мотивов: убеждении, страхе, послушании, привычке.

Интерпретация итогов войны как доводов в пользу величия существующей власти и Сталина нашла понимание в массовом сознании. Все свои беды люди, как правило, связывали с местным начальством, считая, что Сталин находится в неведении⁹. Основ-

ными факторами послевоенного периода, влиявшими на любовь к Сталину, были Победа в войне и постепенное реальное улучшение жизни. В своих воспоминаниях С. Кара-Мурза пишет: «В начале 50-х годов жизнь как-то резко успокоилась, и стал нарастать достаток. Этого тоже ждали и не удивлялись – люди очень много работали и мало потребляли. Поэтому хозяйство быстро восстановилось. Цены регулярно снижали, и очень ощутимо. На уровне нашего детского сознания мы были уверены, что Сталин нас любит»¹⁰.

По словам А. Авторханова, «Сталин был самым ненавистным и самым любимым, глубоко уважаемым и люто презираемым государственным деятелем во всей истории. В государстве не было людей, равнодушных к нему, – были только энтузиасты и враги. ... У него нет беспристрастных современников – даже после его смерти. Чтобы понять его психологию и правильно оценить его деяния, ... нужны хотя бы сто–двести исторической дистанции»¹¹.

Смерть Сталина в 1953 г. переживалась тяжело: было ясно, что начинается какая-то новая жизнь. По воспоминаниям, «все были потрясены. Учителя приходили на урок заплаканными»¹². Подобное отношение было характерно для подавляющего большинства.

Нужно подчеркнуть, что реалии послевоенного времени, холодная война заставляли власти особое внимание обращать на идеологемы, связанные с внешней политикой, международной обстановкой и борьбой за мир. Ушли в прошлое лозунги мировой революции, происходил сложный процесс превращения вчерашних союзников во врагов.

Например, война в Корее 1950–1953 гг., как показал анализ публикаций того времени, заняла в советской пропаганде гораздо меньшее место, чем, например, война в Испании. Ее уже не обязательно было считать «своей», мальчишки не рвались туда ехать, молодежь не воспитывали на ее примере. Война в Корее свою «Гренаду» не породила. В то же время СССР оказывал в этом конфликте помощь Северной Корее, но от прямого военного вмешательства воздержался, в отличие от США. Тем не менее, советских граждан постоянно информировали о ходе

войны в Корею. В этих публикациях явно видны и интерес, и роль Советского Союза. Создавалась уверенность в том, что ни одно из значимых событий не остается без участия или внимания нашей страны.

В 1949 г. «холодная» война перешла из газетных статей и международных договоров в реальную, повседневную жизнь. Раскол Германии принял государственные формы. Считается, что «холодная» война не предполагает открытых военных столкновений, речь идет о гонке вооружений и идеологической борьбе. На самом деле послевоенный период полон событий, которые могли реально стать началом третьей мировой войны: 4 сентября 1950 г. одиннадцатью американскими самолетами был атакован советский двухмоторный бомбардировщик А-20. Самолет упал в Японское море. Экипаж из трех человек погиб¹³. Никаких сообщений об этом и подобных инцидентах в советских СМИ не было.

Вместе с тем нельзя отрицать, что после войны власти уверовали, что можно и нужно создать «лагерь социализма», который будет теснить «лагерь капитализма». И это не было только личным убеждением Сталина. Даже А. Солженицын в своем письме, отправленном с границ Восточной Пруссии, с явным удовлетворением говорил о том, что армия находится на границе «войны отечественной и войны революционной», т.е. войны, призванной распространить социализм на Запад¹⁴. С середины 1947 г. на смену «народным демократиям» пришло установление таких режимов, при которых советская модель развития признавалась единственно приемлемой. Отклонение от нее расценивалось как сепаратизм. Для системы политического контроля эти события стали фактором, определявшим ее динамику.

Таким образом, под влиянием целого ряда объективных и субъективных факторов в послевоенное время содержание политического контроля несколько изменилось. Так, новое звучание приобрели идеологемы фу-

туринаправленности и социоцентризма. Бывшие союзники во Второй мировой войне стали играть роль внешних врагов в условиях «холодной» войны. Внутренний враг приобрел явные национальные черты (речь идет о борьбе с космополитизмом). К пантеону героев прибавились герои фронта и тыла. Интерпретация итогов войны как доводов в пользу величия существующей власти нашла понимание: если народ во главе с коммунистической партией воевал и одолел могучего врага, значит все, что делают представители власти – необходимо. Реалии послевоенного времени, холодная война заставляли власти особое внимание обращать на идеологемы, связанные с внешней политикой, международной обстановкой.

Примечания

¹ Сталин И.В. Избранное. М., 2001. С. 201.

² Кожин В.В. Россия. Век XX (1939–1964). М., 2002. С. 194.

³ Беда А. М. Советская политическая культура через призму МВД. От «московского патриотизма» к идее «Большого Отечества» 1946–1958. М., 2002; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000.

⁴ Беда А. М. Советская политическая культура... С. 37, 41.

⁵ Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 148. Оп. 1. Д. 1645. Л. 127.

⁶ Малько А. В., Жильцов С. В. Смертная казнь в России. История. Политика. Право. М., 2003.

⁷ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 384. Л. 3.

⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 20.

⁹ «Вырабатываем хлеб и сидим без хлеба». Письма колхозников И.В. Сталину // Источник. 1997. № 1.

¹⁰ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От великой Победы до наших дней. М., 2002. С. 30.

¹¹ Авторханов А. Загадка смерти Сталина (Заговор Берии). М., 1992. С. 104.

¹² Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация... С. 36.

¹³ Коронатов А.М. Холодная война на Дальнем Востоке. Владивосток, 1998. С. 184–189.

¹⁴ Солженицын А. Публицистика. М., 1999. С. 323.

М.А. Сапронова

Институт верховной власти в Магрибе в османский период

1. Эволюция османского управления в Алжире. Государство деев

Османское завоевание Магриба проходило в особых условиях, определявшихся столкновением интересов западных (испанских) завоевателей и восточных (турецких), которые вели борьбу как между собой, так и против магрибинских властителей. Присоединение Алжира к владениям османского султана явилось результатом этой длительной борьбы, а также борьбы, которую алжирское крестьянство при поддержке турок вело против феодального порабощения. Как считает Н.А. Иванов, включение арабских стран в состав Османской империи вообще не было завоеванием в классическом смысле этого слова, а скорее представляло собой смену власти, «связанную со стремлением к социальному обновлению»¹.

В условиях внутренней раздробленности османские порядки становились идеалом развития общества, а к самим османам стали испытывать чувство глубокой симпатии. Такими настроениями смогли воспользоваться корсары братья Барбаросса, которые в 1510 г. установили доверительные отношения с мусульманским духовенством Магриба, а в 1512 г., заручившись поддержкой Стамбула, подняли восстание против испанского владычества на этой территории. Братья Барбаросса стали хрестоматийными персонажами в магрибинской исторической литературе как защитники всех угнетенных, обездоленных и униженных². В отвоеванных у испанцев территориях братьев Барбаросса (которые проявляли подчеркнутое

внимание к нуждам бедняков, оказывали им материальную помощь и отменяли поборы) встречали как избавителей страны от власти испанцев и местных «узурпаторов».

Взятие последней испанской крепости Пенньон д'Архель в 1529 г.³ знаменовало собой объединение всей территории Алжира под властью Хайрадина Барбаросса, а строительство в 1532 г. целого комплекса оборонительных сооружений превратило его в неприступную морскую цитадель, которая стала символом могущества империи на западе мусульманского мира. Подавив также сопротивление и сепаратизм многочисленных светских и духовных феодалов различного ранга, Барбаросса выступил в роли «подлинного объединителя центрального Магриба»⁴. Образовалась, таким образом, новая и довольно устойчивая общность земель, которые составили обширный османский эйалет, в целом соответствующий территории современного Алжира.

Селим I, в свою очередь, назначил Хайрадина Барбароссу первым бейлербеем (беем среди беев), прислал ему все знаки достоинства и оружие, а также фирман, разрешающий ему набор добровольцев для службы в Алжире. В качестве особой милости этим добровольцам даровались права и привилегии янычарского войска. Вскоре в Алжир прибыли первые 4 тыс. муджахидов, положившие начало алжирскому оджаку янычар и отличившиеся «буйным нравом и жестокостью»⁵. Преобладали среди янычар, по выражению французского историка Ш.-А.Жюльена, «турки по профессии», ибо они обычно набирались из воспитанных в духе ислама и верности Османской империи греков, итальянцев, славян и прочих христиан, отбравшихся у родителей в раннем возрасте. Таким

Марина Анатольевна Сапронова – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения МГИМО (Университет).

образом, Алжир превратился в вассальное владение Порты, сохранив, однако, значительную долю внутренней автономии. Хайрадин Барбаросса опирался на диван, правительство и очаг янычаров. Многие важнейшие должности и посты, особенно в ближайшем окружении бейлербея, были заняты испанскими мусульманами. В особо важных случаях созывались расширенные заседания «большого дивана», на которые приглашались все видные представители мусульманского духовенства, знатные люди города, дервишские шейхи, имамы и другие служители религиозного культа, а также главные командиры янычарского оджака. При этом Хайрадин проводил политику массового устрашения, всякое неповиновение решительно пресекалось. Страна была разделена на провинции и округа во главе с беями и каидами.

Перестройка алжирского управления на османский лад по примеру военно-административной организации османского Египта началась после 1535 г., когда Хайрадин окончательно переехал в Стамбул, а управлять страной стал его заместитель Хасан-ага (халиф), который был возведен в ранг паши и назначен бейлербеем Алжира в 1541 г. после разгрома испанской гвардии Карла V. В этот период в Алжире появились турецкие чиновники, армия и бюрократический аппарат стали получать жалованье из казны. В сельской местности поддержание порядка возлагалось на ополченцев из местного населения, большей частью кабилев, которые впоследствии образовали основной костяк махзенских племен. Была принята такая же система земельной и налоговой организации, какая существовала в других провинциях Османской империи. Эпизодические отчисления от десятины и подарки султану, посылавшиеся до 1535 г., заменила регулярная дань, значительная часть которой поступала непосредственно в ведение капудан-паши и предназначалась на содержание османского флота. По мере необходимости Алжир должен был посылать войска в распоряжение центрального правительства, а главное, свои боевые корабли.

В дальнейшем, организация корсарско-янычарского государства в Алжире не была постоянной, ее можно разделить на четыре периода:

– до 1587 г. новый османский эйалет имел статус санджака, и им правили бейлербеи, назначаемые султаном;

– до 1659 г. – Алжиром управляли присылавшиеся султаном паши (которые на практике считались с янычарами и «раисами», т.е. капитанами пиратских судов);

– в 1659–1671 гг. власть осуществляли ага – военные предводители янычар, переизбиравшиеся каждые два месяца;

– с 1671 г. стабилизируется власть двуединой олигархии: она сосредотачивается в руках «дивана» (совета) оджака из пяти сановников, во главе которого встает *дей* («дайы» – тур. «дядя» по материнской линии) – правитель, избираемый пожизненно, обычно из наиболее старых и богатых раисов. Присылавшиеся султаном паши потеряли всякое значение, их функции окончательно перешли к дею, назначение которого диваном лишь формально нуждалось в одобрении султана. С 1689 г. дей, однако, избирался уже не диваном, а всеми янычарами оджака. Объяснялось это ослаблением к концу XVII в. влияния раисов вследствие начавшегося упадка пиратства и усиления вольницы янычар, которых раисы прозвали за их буйный нрав и неотесанность «анатолийскими быками»⁶.

Несмотря на существование довольно устойчивого государственного объединения, турки и их администрация находились как бы за пределами социальной и хозяйственной деятельности местного населения, иными словами, господствующий класс был полностью денационализирован. Даже после упадка пиратства, когда турки стали больше внимания уделять делам управления страной, они практически оставались инородным телом в алжирском обществе.

Органы корсарского самоуправления в сочетании с институтом янычарской вольницы послужили в Алжире ядром формирования государственной надстройки, центральным звеном которой были турки.

Период турецкого государственного управления Алжиром по-разному оценивается в отечественной и зарубежной историографии. Верхушечный характер турецкого правления и почти полное отстранение коренного населения от руководства делами страны дали повод Роже Ле Турно высказать мнение о том, что «не следует говорить об алжирском

государстве при турках, поскольку они установили в Алжире правление колониального типа, не стремившееся породить чувство единства у местного населения»⁷. Ш.-А. Жюльен характеризовал сложившийся в стране режим как «трехсотлетнее правление оккупационной армии» или как режим колониальной эксплуатации, осуществлявшейся национальным меньшинством с помощью местных нотаблей⁸. Р.Г. Ланда определяет Алжир до 1830 г. как «военно-феодалную деспотию, опиравшуюся на крайне неоднородный базис с преобладанием или значительным удельным весом нефеодалных отношений: патриархальных, рабовладельческих и множества переходных форм». Он считает, что государство деев явилось первой в истории политической системой, охватившей всю территорию современного Алжира (за исключением Сахары), «исходившей из возможностей только Алжира и положившей начало единству общественно-политической жизни в рамках всей страны, а не какой-либо ее части или более широкого объединения (например, всего Магриба)»⁹. Другой отечественный исследователь Н.Г. Хмелева полагает, что во внутренних районах Алжира реальную силу продолжали сохранять племенные вожди, создававшие своего рода «государства в государстве». По некоторым данным, область, непосредственно управлявшаяся из центра («билад ат-турки»), составляла не более 1/6 общей территории¹⁰. Остальное пространство принадлежало либо независимым племенам, либо военно-политическим объединениям (например, религиозным братствам марабутов), полувисимым от турок или находившимся в союзе с ними.

Несмотря на столь разные оценки турецкого правления в Алжире, можно констатировать, что в целом турецкая система управления была вполне удачной попыткой найти политическое соответствие реальному положению дел в стране.

2. Эволюция властных отношений в османском Тунисе. Государство беев

Тунисский, так же как и алжирский, эйалет пользовался полной финансовой автономией. Дань Порте имела скорее символический смысл и высылалась от случая к случаю.

Об отсутствии прямого административного подчинения Алжира и Туниса османскому правительству свидетельствует и тот факт, что вопросы внешней политики решались путем дипломатических переговоров с Портой и обмена посольствами. Алжирские и тунисские власти самостоятельно заключали соглашения с Англией, Францией, Голландией и другими европейскими державами. В Стамбуле постоянно находился представитель тунисского правительства (капы кетхуда); он передавал официальные послания министрам султана, принимал на себя заботу о посещавших столицу империи тунисских должностных лицах. Вместе с тем аппарат управления в обеих провинциях был построен по османскому образцу. Эволюция властных отношений в османском Тунисе прошла три этапа.

I этап (1574–1591 гг.) – прямое управление турецкого паши. Как и в других османских провинциях, вся полнота власти в этот период была сосредоточена в руках верховного кадия и бейлербея (паши) – наместника султана. Они управляли страной совместно с диваном – коллегиальным военно-политическим органом, в котором заседали наиболее почтенные улемы и высшие военачальники. Непосредственной опорой паши и дивана были янычары и матросы османского флота, размещенные в Тунисе, а также марабуты и мусульманское духовенство. На местах власть осуществляли санджак-бей и каиды, которым подчинялись шейхи бедуинских племен.

II этап (1591–1640 гг.) – правление деев – пожизненных, но выборных правителей, избиравшихся верхушкой янычар. В этот период была достигнута политическая автономия Туниса, формально выразившаяся в полном отстранении от дел присылавшегося из Стамбула паши, который рассматривался скорее как некий «дипломатический представитель», а реальную власть захватили дей¹¹. В 1594 г. вся полнота власти сосредоточилась в руках одного дея, установившего в стране режим единоличного пожизненного правления. Роль пашей – официальных наместников султана – свелась при этом к чисто протокольным представительским функциям. Арабизация янычар увеличила роль и значение тунисского элемента в государственной и об-

пественной жизни, а также привела к возвышению беев, непосредственно связанных с местной знатью.

III этап (с 1640 г.) – возвышение беев над деями. Стержнем политической жизни в Тунисе XVII в. было соперничество между деями и беями, т.е. между представителями различных группировок новой военно-административной верхушки. С этим соперничеством было связано немало драматических эпизодов, дворцовых переворотов, мятежей и казней. В борьбе с деями беи опирались на корсарских капитанов – раисов – и местную знать. В 1650 г. беи окончательно освободились от опеки дивана и стали управлять страной как настоящие самодержцы. Возвышение беев, «их триумф, достигнутый благодаря поддержке местного населения, – пишет М. Крайем, один из исследователей истории доколониального Туниса, – означал, в сущности, победу автохтонного элемента», поскольку новая власть была вынуждена волей обстоятельств «ассимилироваться» и учитывать в своей политике интересы тунисских верхушечных слоев¹². В 1708 г. Порты была вынуждена назначить Хусейна Бен Али пашой и бейлербеем Туниса. В 1710 г. новое собрание тунисской знати провозгласило его право передавать свои полномочия по наследству и таким образом официально санкционировало учреждение новой тунисской монархии. С тех пор дальние вассалы, воцарившиеся в Тунисе, согласовывали с Османской империей только собственную внешнюю политику. Они самостоятельно заключали договоры с иностранцами об условиях торговли, но участвовали в турецких военноморских походах и получали от султана благословение на власть. Соответствующий указ (фирман) поступал задним числом. При этом звание «бей» (в полном варианте – «паша-бей») стало монаршим титулом, и с 1705 г. им пользовался дом Хусейнидов, царствовавший до 1957 г.

Хусейнидский Тунис проводил самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, имел свой флаг, герб и другие атрибуты государственного суверенитета; в стране не было османских войск и турецкой администрации. Бей сам вершил суд и производил назначения на все государственные должности. Отношения с Портой строились, по существу, лишь

на признании духовного сюзеренитета султана как религиозного главы (халифа) тунисских мусульман.

В хронике Сегира Бен Юсефа из Беджи содержится весьма подробная характеристика тунисского государственного устройства эпохи Хусейнидов. Проводя сравнение с соседним «регентством», автор подчеркивает, что в Тунисе система управления в большей мере сохранила первоначальные черты, что повлияло на весь дальнейший ход его политического развития¹³.

Примечания

¹ Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран (1516–1574). М., 2001. С. 4.

² См.: Guiga Tahar., *Dorgouth Rais. Le Magnifique Seigneur de la mer.* Tunis, 1974.

³ Некоторые историки эту дату считают датой турецкого завоевания Алжира. См., напр.: *Bachrouch Taoufik. Formation social barbaresque et pouvoir a Tunis au XVII siecle.* Tunis, 1977. P. 7.

⁴ *Lacoste Yves, Nouschi Andre, Prenant Andre. L'Algerie. Passe et present: Le Cadre et les etapes de la constitution de l'Algerie actuelle.* Preface de Jean Dresch. Paris, 1960. P. 140.

⁵ *Gaid Mouloud. L'Algerie sous les Turcs.* Alger, 1974. P. 46.

⁶ *Martin C. Histoire de l'Algerie francaise.* Paris, 1962. P. 40.

⁷ *Le Tourneau R. Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane 1920–1961.* Paris, 1962. P. 302.

⁸ *Julien Ch.-Andre. L'Afrique du Nord en marche. Nationalismes musulmans et souverainite francais.* Paris, 1952. P. 22.

⁹ *Ланда П.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830–1918).* М., 1976. С. 42, 55.

¹⁰ *Хмелева Н.Г. К вопросу о значении алжирского государства, возглавленного эмиром Абд аль-Кадиром (1832–1847) // Арабские страны. История.* М., 1963. С. 193.

¹¹ Этот титул (в буквальном переводе «дядя») в Тунисе конца XVI в. имел командующий янычарским войском, которое здесь насчитывало около 4 тыс. человек. Избранный младшими офицерами дей Осман (1590–1610), опираясь на *оджак* и *тауфу* корсаров г. Тунис, отодвинул в тень пашу и, взяв в свои руки внешнюю политику, самостоятельно заключал договоры с иностранцами.

¹² *Kraiem Mustapha. La Tunisie precolonial.* Tunis, 1973. T.1–2. P.79.

¹³ *Seghir Ben Youssef Mohammed. Mechra El Melki. Chronique tunisienne 1705–1771 / Trad. par V. Serres et M. Lesram.* Tunis, 1900. P. 63–66.

А.А. Болтаевский

Участие русских войск в разрешении греческого вопроса в 1916—1917 гг.

С началом Первой мировой войны Греция оказалась расколотой на два противоборствующих лагеря. Сторонники короля Константина выступали за нейтралитет, при этом среди них были сильны германофильские настроения. Вокруг премьер-министра Э. Венизелоса сплотились представители военной партии, надеявшиеся с помощью Антанты на увеличение греческой территории. Особенно обострилась ситуация после решения Антанты об образовании Салоникского фронта. Новый театр военных действий должен был не только уменьшить давление центральных держав на Западноевропейском фронте, но и ослабить влияние России на Балканах¹.

Большую роль в балканской политике играли разногласия между ведущими мировыми державами. При этом значительные противоречия были и внутри Антанты. Англия и Франция, высадив свои войска в Салониках, рассчитывали использовать их в качестве гаранта своих интересов в этом регионе. Сербия, Англия и Франция выступили также инициаторами отправки русских войск в Салоники. Правда, прибывшие части (две Osborne пехотные бригады) должны были находиться под верховным французским командованием, что ставило их в неравное положение по сравнению с остальными контингентами. Антанта выражала опасения за тыл Салоникского фронта, опасаясь вступления Греции в войну на стороне Германии. Положение особенно осложнилось после создания при поддержке союзников в Салониках временного греческого правительства Э. Венизелоса, после чего Греция стала расколотой на две части. Фактически на территории

Греции оказались сразу два правительства и две армии. Это привело даже к изоляции Македонии от остальной части Греции буферной зоной шириной в несколько километров от Катерины до Корицы. Греческие острова в Эгейском море были захвачены флотом Антанты. В ноябре 1916 г. салоникское временное правительство обратилось к союзникам с просьбой об официальном признании, а 23 ноября (все даты даны по новому стилю) объявило войну Германии и Болгарии.

В декабре Антанта обвинила Константина в нарушении «благожелательного нейтралитета». Сложным было положение союзников в тылу их действующих армий – в Фессалии и в Аттике. 23 декабря французский посол в России М. Палеолог просил русское правительство передать командующим русскими бригадами инструкции о совместных действиях против Греции. Французскому правительству удалось заключить с Константином соглашение, по которому греческие войска должны были быть отозваны из Фессалии². Король также под давлением союзников обещал уступить Антанте греческий флот и материальную часть своей армии. Однако затем начались многочисленные задержки этого плана.

Россия разделяла план союзников по греческому вопросу на две части: если в военной области она соглашалась с необходимостью принятия мер для обеспечения безопасности Салоникского фронта, то в политической сфере выступала за невмешательство во внутренние дела Греции³. Такая позиция не устраивала Францию, которая намеревалась заменить Константина на более удобного для себя Э. Венизелоса. Ситуация осложнялась

Андрей Андреевич Болтаевский – историк, Москва.

итальянскими претензиями на ряд греческих островов. Эти разногласия по-прежнему мешали союзникам осуществить единый план действий на Балканах. Командование союзников потребовало от греческого правительства выдачу 10 батарей. После отказа англо-французские отряды, численностью около 4 тыс. человек, высадились в ночь на 1 декабря в Афинах⁴. Высадившимся войскам запрещалось открытие огня. Однако в течение следующих двух дней в Афинах происходила оружейная стрельба, там сосредоточилась греческая армия. С французского корабля были вынуждены открыть огонь, что привело к многочисленным жертвам. Союзники потеряли 194 человека убитыми и ранеными, греки – 82 человека, в том числе мирных жителей. Только дипломатическими усилиями удалось замять этот инцидент. Король Константин согласился передать 6 батарей, но союзники предъявили новые требования. Только 10 января 1917 г. греческое правительство приняло ультиматум о военном контроле союзников⁵. 1 февраля 1917 г. в Афинах на площади Зепейон состоялась церемония салютования знаменам союзных держав. Россию представлял отряд из 30 солдат и 2 офицеров из состава бригад на Салоникском фронте⁶.

В истории русских бригад на Салоникском фронте важную, но до сих пор малоизвестную роль, составляет занятие Афона, являющегося восточным выступом Халкидонского полуострова. В 1914 г. на Афоне проживало 15 тыс. монахов, половина из которых были русские⁷.

Находившиеся на Афоне русские монастыри арендовали землю и воду у греков за очень большую плату. Греческие монахи часто предъявляли необоснованные претензии к русским, в некоторых случаях стараясь даже привлечь их к уголовному суду. Это вызывало обеспокоенность царского правительства. Еще в январе 1915 г. коллежский асессор Б.В. Серафимов предоставил в МИД России справку, в которой предложил занять Афон русским отрядом, удалив при этом греческие власти. В противовес афинскому правительству он предложил укрепить власть вселенского патриарха. В течение всего 1915 г. обсуждался вопрос о высадке русских моряков с корабля «Аскольд», но он не

был решен. Посетивший в сентябре 1915 г. Афон Б.В. Серафимов обнаружил русские обители в упадке. Наблюдались не только недостаток в людях из-за поступления в русскую армию, но и нехватка продовольствия, в особенности хлеба. Особую опасность представляла угроза начала боевых действий в этом районе, грозившая большими разрушениями религиозным и культурным памятникам⁸.

20 января 1916 г. русский генеральный консул в Салониках В.Ф. Каль получил известие о занятии Халкидонского полуострова англо-французскими войсками. По плану Антанты, на Афоне должна была быть провозглашена полная церковная автономия под протекторатом союзных держав. Однако С.Д. Сазонов заявил о недопустимости этого проекта, подчеркнув, что достаточно только общего режима занятых союзниками территорий с сохранением местных порядков и обычаев.

Во многом на этом решении сказались разногласия между странами Антанты. Например, 31 января французское командование предложило послать для наблюдения за афонским берегом крейсер «Аскольд», но англичане отменили это решение, объяснив угрозой немецких подводных лодок (хотя сами послали свои корабли)⁹. Здесь вновь проявились двойные стандарты союзников, опасавшихся усиления влияния России в этом регионе.

Особенно обострилась ситуация на Афоне зимой 1917 г., когда там начали хозяйничать многочисленные греческие банды, а между монахами, сторонниками короля Константина и Э. Венизелоса, развернулась настоящая борьба. Вследствие этого 10 января 1917 г. командующий союзными войсками на Востоке французский генерал М. Саррайль запретил ввоз продовольствия на Афон, не сделав исключения и для русских монахов.

11 января командование одобрило проект занятия Афона русским отрядом, причем во избежание осложнений он должен был действовать совместно с союзниками. На следующий день М. Саррайль принял окончательное решение о посылке на Афон отряда из 50 французских и 100 русских солдат под верховным (но только номинальным) командованием французского офицера. Русский от-

ряд под командованием поручика Дипша был выделен из состава русских бригад на Салоникском фронте. Часть нашего отряда должна была охранять монастырские скиты и кельи, а перед остальными ставилась задача очистить греческие и болгарские монастыри от агентов Четверного союза¹⁰. По мнению русского корреспондента, афонская высадка была важна не как событие боевого значения, а как свидетельство большого внимания тылу союзных войск¹¹.

17 января на Афоне высадился союзный отряд под командованием французского капитана Жиделя, причем его главная часть расположилась на западной стороне, а маленький отряд во главе с подпоручиком Касаткиным занял восточный берег. Отряд был встречен колокольным звоном из Ильинского, Пантелеймоновского монастырей и сербского Хилиндара. К ним примкнули греческие монахи – сторонники Э. Венизелоса¹². Русский солдат В.И. Иванов лично обезвредил прятавшегося в подвале одного из монастырей немецкого шпиона с радиостанцией¹³. В Ватопедском монастыре были обнаружены электрическая подстанция и базы для снабжения немецких подводных лодок.

Вследствие этих фактов товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов сообщил о необходимости передачи отряду контроля над почтой, телеграфом и таможней, что было одобрено Николаем II¹⁴.

Греческое правительство 26 февраля выразило недоумение по поводу высадки русско-французского отряда на Афоне. Русский посол в Афинах Е.П. Демидов заявил в ответ, что оккупация вызвана военными соображениями, а также необходимостью охранять наши монастыри от врагов. При этом определение положения Афона было отложено до окончания войны. Правда, уже 31 января 1917 г. С.Д. Сазонов заявил, что Святая гора занимает особое положение и не может рассматриваться как часть греческой территории. Только через две недели греческое правительство сообщило, что удовлетворено объяснением о военных соображениях занятия Афона¹⁵.

На 3 февраля союзным отрядом было обнаружено на Афоне 477 ружей, 130 тыс. патронов, револьверы, пулеметные ленты¹⁶. Русские солдаты заняли почту, телеграф, теле-

фон, а французы таможню. Операция прошла успешно, прибытие отряда успокоило и подняло дух наших монахов. 5 февраля М. Саррайль представил поручика Дипша к французскому Военному кресту с пальмами¹⁷. При этом на Афоне продолжались поиски тайников с оружием и патронами. 1 марта Дипшу через русского военного агента В.Л. Артамонова было передано 20 тыс. драхм для подкупа лиц, которые могут показать их местонахождение¹⁸.

А.А. Нератов считал, что и после окончания разоружения монастырей русский отряд должен находиться на Афоне, причем в случае необходимости его численность может быть даже увеличена. Последнее решение было выполнено, и, по просьбе В.Ф. Каля, М. Саррайль увеличил число русских солдат до 150 человек.

Однако довольно быстро между союзниками появились разногласия по данному вопросу. Начались интриги греческих монахов при поддержке французов, для которых нахождение русского отряда на Афоне было нежелательным. Это происходило несмотря на то, что официально французское правительство разделяло мнение об оставлении русских солдат на Афоне¹⁹. Обострению отношений способствовало взяточничество французских инспекторов, которые старались возложить всю ответственность на русских. Так, Дипш был не только ложно обвинен в растрате денег, но и во вмешательстве в дела молдавского монастыря Лак²⁰.

В результате этих событий русский отряд по приказу М. Саррайля оставил Афон и прибыл в Салоники 14 июля 1917 г. С момента его ухода на Афоне вновь начались притеснения русских монахов. Первоначально генерал М. Саррайль объяснил вывод отряда давлением на французское правительство со стороны Италии в качестве ответа на протесты России против объявления итальянским протекторатом Албании. 25 июля Е.П. Демидов уточнил, что Италия действительно потребовала для эвакуации своих войск из Эпира очищения Греции французскими частями и отводе франко-русского отряда с Афона²¹. Можно, однако, предположить, что по последнему пункту интересы Франции и Италии совпадали: они не желали усиления влияния России на Балканах.

В течение второй половины 1917 г. Временное правительство обращалось с просьбами к союзникам о возвращении русского отряда на Афон, но они не принесли результата.

Союзники вели себя в Греции как оккупанты. В апреле 1917 г. временное греческое правительство Э. Венизелоса выразило просьбу о посылке небольшого русского отряда на остров Корфу, хотя бы даже инвалидов с офицерами. Это должно было повлиять на вызывающие действия итальянцев в этом районе. Русское командование в принципе дало согласие, но ввиду подчиненности русских частей на Салоникском фронте французскому командованию оставило решение вопроса за ним²². Союзники решили не посылать отряд, видимо опасаясь усиления влияния России в регионе. Следует отметить, что хотя греки и просили помощи русских, но при этом всячески старались использовать это в своих целях.

Англия и Франция решили окончательно поставить Грецию под свой контроль, высадив в Афинах десантный отряд и включив в него также и русские части. Е.П. Демидов выразил протест против этой командировки и потребовал его возвращения в Македонию, но это было проигнорировано союзниками. Вероятно, таким образом, французы хотели возложить часть ответственности за эту операцию на русских. 14 июня войска союзников, в том числе русские части, высадились в Пирее. В Афинах русские части были достаточно хорошо размещены, им, например, был предоставлен госпиталь, размещавшийся в монастыре. Только в начале июня 1917 г. русские части были перевезены по железной дороге обратно в Македонию. Необходимость присутствия союзных войск в Греции объяснялась в английских и французских кругах опасениями за тыл Салоникского фронта. Однако дальнейшее прямое вмешательство во внутренние дела Греции говорит о том, что союзники хотели поставить эту страну под свой контроль. Русские войска защищали в Греции интересы нашей страны на

Афоне, где было большое количество русских монахов, постоянно притеснявшихся греками. В других районах русских солдат союзники использовали для достижения своих целей, несмотря на протесты со стороны русских чиновников.

Участие союзных войск в разрешении греческого вопроса отвечало интересам Франции, Англии и Италии, которые расширили там свои сферы влияния. Это происходило в ущерб боевым действиям на Салоникском фронте и позволяло Четверному союзу использовать свои войска на других театрах военных действий, что ставило в особенно тяжелое положение Россию, которая в условиях нехватки оружия и боеприпасов боролась с противником на тысячекilометровом фронте.

Примечания

¹ Ллойд – Джордж Д. Военные мемуары. В 2 т. М., 1934. Т. 1. С. 286.

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 151. Оп. 482. Д. 3823. Л. 9, 137.

³ Там же. Л. 96.

⁴ Там же. Д. 3862. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 49.

⁶ Русское слово. 1917. 21 января.

⁷ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3875. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 3872. Л. 2, 3, 5 – 6.

⁹ Там же. Л. 10, 17.

¹⁰ Там же. Д. 3875. Л. 2, 4.

¹¹ День. 1917. 11 января.

¹² Биржевые ведомости. 1917. 20 января.

¹³ Иванов В.И. В песках Алжира // Смена. 1958. № 13. С. 19.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3875. Л. 14.

¹⁵ Там же. Л. 16, 28.

¹⁶ М. Сарраиль утверждал, что в тайниках на Афоне было обнаружено 473 ружья и 103 тыс. патронов. См.: *General Sarrail. Mon commandement en Orient. 1916 – 1918.* Paris, 1920. P. 224.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3875. Л. 22.

¹⁸ Там же. Д. 3878. Л. 5.

¹⁹ Там же. Д. 3875. Л. 29, 33, 50, 34.

²⁰ Там же. Д. 3873. Л. 14, 14 об, 22.

²¹ Там же. Д. 3875. Л. 50, 51, 57.

²² Там же. Ф. 323. Оп. 617. Д. 63. Л. 5–59.

Е.В. Якубовская

Оценка характера февральских событий 1917 г. в советской и эмигрантской (русской) историографии 20—30-х гг. XX в.

В эпоху политических трансформаций для правильной оценки современных событий необходим анализ и осмысление того исторического опыта, который привнесли очевидцы событий Февраля 1917 г. – советские и эмигрантские историки 1920–1930-х гг.

Советские историки проанализировали февральские события спустя десятилетие, используя архивные публикации 1920–1930-х гг. Тогда же появились и первые труды историков Русского Зарубежья, которые опирались на мемуары и участников революции, и свои собственные. В эмигрантской историографии мы выделяем либеральное, радикальное и консервативно-охранительное направления. Либералы в эмиграции во многом изменили свои политические взгляды. Радикальное направление отражали эсеры и меньшевики. Консервативно-охранительное представлено умеренными и правыми (ортодоксальными) монархистами.

Цель данной статьи – исследование основных концепций в мемуарах и исторических публикациях советских и эмигрантских историков «первой волны». Автор ставит своей задачей проанализировать эволюцию оценок движущих политических сил, принимавших участие в февральских событиях 1917 г. Важно, что историки по-разному идентифицировали ее – как «революцию» и как «переворот». В то время революцией называли «всякий крупный общественный переворот, хотя бы свершившийся без внезапного взрыва, без кровавой борьбы, без быстрой смены власти»¹.

Елена Владимировна Якубовская – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Московской финансово-юридической академии.

С точки зрения советских историков (И.М. Василевского, Р. Арского, Б. Бреслава, К.П. Новицкого, М.Н. Покровского, К. Шелавина, Е. Фокина, Н. Рожкова, И. Безработного, А. Шляпникова), 23 февраля – 2 марта 1917 г. произошло вооруженное восстание рабочих и солдат, переросшее в национальную революцию, в которой приняли участие все политические силы, в том числе и буржуазия. Ведущая сила – пролетариат – как самый социально незащищенный слой общества, был изначально враждебен не только дворянскому сословию, но и царскому правительству².

Это стихийное движение привело к созданию Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов (ИСРиСД). Наряду с ним возник и другой орган политической власти – Временный комитет Государственной Думы (ВКГД), который стремился сохранить монархию, преобразовав ее в конституционную. Изучив борьбу между этими центрами, историки пришли к выводу, что пытаясь возглавить антиправительственное движение, Государственная Дума и ИСРиСД руководствовались разными целями. Самое большое, на что могли решиться лидеры «Прогрессивного Блока» (ПБ), это совершить «дворцовый переворот», скорректировав структуру управления государством. ИСРиСД основной политической задачей считал свержение самодержавия в России. Однако антисамодержавный характер Февраля придали другие политические силы (в частности, выступление Петроградского гарнизона). Именно стихийный характер революции обнаружил тот факт, что ни верховная власть, ни представители ПБ не могли ей ничего противоп-

ставить. Движение рабочих и крестьян при поддержке армии не только грозило перерасти в вооруженное восстание, но и перекинуться на фронт.

Как утверждали советские историки, революция вскрыла острые социальные противоречия. Выдвинутый Петроградским Советом 14 марта 1917 г. лозунг «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов» не только выявил политический антагонизм между буржуазией и пролетариатом, но и обличил стремление буржуазии к продолжению войны. Таким образом, с первых дней Февральской революции буржуазия выступает как антинациональная сила.

Б. Бреслав считал, что Февральская революция не была стихийным явлением: «она способствовала формированию нового типа организации масс и органов государственной власти, а также организации нового государства в лице Республики Советов»³. Не менее важный фактор революции – это ее внезапность и стихийность даже для большевиков. По мнению Эрдэ, «ни одна партия не представляла себе в февральские дни ясно настоящих размеров развернувшихся событий. Большевики не составляли исключения»⁴.

Другая группа советских историков идентифицировала Февральскую революцию как «политический переворот». Но при этом А. Кин, З.И. Гайдерова, А. Колосов, С. Пионтковский, Е.И. Мартынов, С. Любош подчеркивали, что либеральная буржуазия с первых дней революции осознала, что стихийное движение пролетариата и солдат помешало осуществить переворот.

Определяя цели буржуазии, Кин утверждал, что лидеры ПБ (в частности, Милюков и Гучков) предполагали сохранить монархию в парламентской форме, а конечной целью видели подчинение «аппарата управления государством и армией»⁵. Как подчеркивал А. Колосов, буржуазия подготовилась к захвату власти: за годы войны она укрепила свои позиции в экономике и властных структурах, а пролетариат понес огромные потери. К тому же революция всколыхнула миллионные массы мелкой буржуазии. Хотя именно пролетариат сверг самодержавие 3 марта 1917 г., плодами этой

победы воспользовалась буржуазия, создав свой аппарат политической власти⁶.

Буржуазии, не имевшей идеологического влияния на массы, пришлось пойти на уступки Совету. Стремясь к компромиссу и с царем, и с ИСРиСД, буржуазия содействует насильственному отторжению от верховной власти ее носителя (создание ВКГД). Именно вокруг ВКГД объединились восставшие полки Петрограда. Пионтковский подчеркивает: «вопрос о войске был вопросом о судьбе революции и буржуазии. Она начала решительное наступление в борьбе за овладение войском»⁷.

Однако Февраль не был «дворцовым переворотом»: он устранил и монарха, и самодержавие. Это не входило в планы ПБ; лишь политика ИСРиСД заставила буржуазия отступить. По мнению Безработного и Мануильского, «буржуазия способствовала свержению дворянской диктатуры», но попыталась заменить ее диктатурой, где «руководящую роль играла буржуазия, а не социально-гибнущее дворянство»⁸.

Историки Русского Зарубежья, в частности представители либерального направления, также идентифицировали февральские события как «политический переворот». Движущими политическими силами революции, по мнению П.Н. Милюкова, были лидеры ПБ, взявшие в свои руки руководство переворотом. Но «стихийное движение в первые дни революции было неорганизованным и неуправляемым. Чтобы придать ему политическую направленность, его пытались ввести в определенное русло социалистические партии, и в то же время члены Государственной Думы решились стать во главе движения»⁹. Правда, лидеры ПБ были не уверены в «позиции войск не только вне Петрограда и на фронте, но даже и внутри Петрограда и в ближайших его окрестностях»¹⁰. Как и советские историки, Милюков утверждал, что от армии зависел «успех или неуспех переворота». После установления двоевластия ведется борьба за создание новой формы государственного устройства (республика или конституционная монархия при регентстве Михаила Александровича)¹¹. Отречение последнего по инициативе Временного правительства Милюков открыто признавал как «первую

капитуляцию русской революции»¹².

По мнению А.И. Деникина, смысл Февраля как «военного бунта» заключался в крушении русской государственности¹³. Движущей политической силой его была русская армия. С.П. Мельгунов, как и Деникин, отмечает, что революция «оказалась неожиданной для всех»¹⁴. Ее основная предпосылка – нестабильная экономическая ситуация, проблемы с транспортом и продовольствием. Копившаяся десятилетиями ненависть к правительству как к источнику народных бедствий наконец вылилась в неуправляемый социальный бунт.

В отличие от Мельгунова, Деникин подчеркивает: «Революция ничем не напоминала “дворцовый переворот”, готовившийся в недрах либеральной оппозиции. Все началось неожиданно»¹⁵. Стихийная революция породила двоевластие: ИСРиСД имел влияние на армию¹⁶. К февральскому движению присоединилась не только революционная демократия, но и служилый элемент. Остальные сословия, в том числе и дворянское, видели эту революцию национальной¹⁷.

Представители радикального направления (М.В. Вишняк, П.Я. Рысс, Г.И. Кваша, Е. Сталинский) утверждали, что в феврале 1917 г. произошла революция. Ликвидация абсолютизма и, как следствие этого, разрушение монархии как политической системы были связаны с тем, что верховная власть не хотела приспособиться к социально-экономическим и политическим факторам развития России. Самодержавие уже не «соответствовало духу времени»¹⁸.

Как отмечал Е. Сталинский, несмотря на оппозиционность царизму, либеральная буржуазия и часть либеральной интеллигенции отнюдь не призывали к радикальным переменам. Они «мечтали об “эволюции царизма” в сторону западных либерально-конституционных монархий»¹⁹. Весь ее радикализм – реакция на «существовавший сверх срока царизм». Сталинский связывает этот фактор со своеобразием развития России²⁰. Именно разрушительная сила революции отличала Россию от Запада.

Рассматривая движущие политические силы Февраля, Вишняк отрицал, что его подготовили революционеры своими зажи-

гательными лозунгами. Всеми виной – представители правящей элиты. Политика русского самодержавия привела Россию к Февральской революции: «В этом была правда, высшее жизненное оправдание партии революции»²¹.

Историки консервативно-охранительного направления акцентировали внимание на падении самодержавия. Как и историки радикального направления, монархисты считали, что именно армия сыграла решающую роль. Готовящийся «дворцовый переворот» трансформировался в стихийный солдатский бунт. Н.Е. Марков подчеркивал, что основная причина – в деятельности либеральной оппозиции²². Т.В. Локоть в первую очередь указывает на борьбу либеральной и радикальной интеллигенции с самодержавием. Итог вполне закономерен. Как политическая сила, враждебная монархической идее, либеральная оппозиция способствовала падению царизма и поддержала революцию. «Политические лозунги, которыми руководствовалась буржуазия и часть интеллигенции, имеют радикальный характер. Свергнув царя, буржуазия создает другое самодержавие диктатуру финансовых групп»²³.

Монархисты, как и умеренные радикалы, указывают на роль военных²⁴. Эта солдатская масса, по мнению Ольденбурга, была абсолютно неуправляемой. Попытки думской комиссии призвать солдат к повиновению офицерам не удалась²⁵. Но такая реакция не помешала думским лидерам возглавить «февральский переворот».

Многие авторы предполагают, что готовился переворот, который должны были возглавить лидеры ПБ и генералитет Ставки. По мнению Маркова, этот переворот был бы по образцу младотурок. Но «именно правящий слой России, развращенный “этикой нигилизма” и утративший при этом здоровое чутье государственного самосохранения, способствовал разрушению Российского государства»²⁶.

Проанализировав концепции советских и эмигрантских историков 1920–30-х гг., мы пришли к выводу, что в 1920-е гг. советские историки трактовали февральские события как политический переворот и сделали акцент на активном участии в нем либе-

ральной буржуазии. Историки 1930-х гг. пишут уже о национальной революции, а пролетариату отводят ведущую роль. Благодаря участию пролетариата, солдатских и крестьянских масс, в Февральской революции и произошло свержение самодержавия и установление двоевластия.

Концепции историков-эмигрантов во многом схожи. Либералы и монархисты предполагают, что изначально готовился переворот. Но внезапная забастовка, а затем восстание солдат опередили лидеров думской оппозиции. Попытки последних ввести движение в «законное русло» позволили отождествлять Февраль с «политическим переворотом». Радикальные историки утверждали, что в феврале произошел солдатский бунт. Как и советские историки 1930-х гг., они считали, что солдатские массы определили направление движения. В 1917 г., с точки зрения радикальных эмигрантских и советских историков 1930-х гг., пролетарские и солдатские массы совершили революцию.

Итак, большинство историков считали Февраль 1917 г. вооруженным восстанием, переросшим в общенациональную революцию. Данный вывод расходится с трактовками характера февральских событий как «революции» или «переворота» и является новым методологическим понятием, появившимся в историографии вследствие переосмысления ранних оценок Февральской революции историками различных политических течений.

Примечания

¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 51. С. 436–437.

² Арский Р. Пути русской революции. 28 февраля 1917 – 28 февраля 1918. Пг., 1918; Безработный И., Мануильский Д.З. Две революции. Пг.,

1918; Новицкий К.П. (Петровин К.) Год революции. Февраль 1917 – февраль 1918. М., 1918; Васильевский И.М. Николай I. Пг.; М., 1923; Покровский М.Н. Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. М., 1924; Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Л., 1926. Т. 12; Шелавин К.И. Рабочий класс и ВКП(б) в февральской революции. Л., 1927; Шляпников А.Г. Семнадцатый год. М.; Пг., 1923–1931 Т. 4; Бреслав Б.А. Три дня февраля 1917 г. М., 1934; Фокин Е. Февральская буржуазно-демократическая революция. М., 1937.

³ Там же. С. 20.

⁴ Эрдэ Д. Февраль как пролог Октября. Харьков. 1931. С. 72.

⁵ Кин А. Война и февральская революция. М., 1924. С. 51.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Пионтковский С. Февральские дни 1917 г. Л., 1925. С. 46.

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Миллюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. София, 1921. Вып. 1. С. 56.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Там же. С. 46.

¹² Там же. С. 54.

¹³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Брюссель, 1921. Т. 1. Вып. 1. С. 6.

¹⁴ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 218.

¹⁵ Там же. С. 221.

¹⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. С. 43.

¹⁷ Там же. С. 46–47.

¹⁸ Вишняк М.В. Два пути: февраль и октябрь. Париж, 1931. С. 11.

¹⁹ Сталинский Е. Пути революции. Прага, 1925. С. 34.

²⁰ Там же. С. 27.

²¹ Вишняк М.В. Два пути: февраль и октябрь. С. 48, 49.

²² Марков Н.Е. Войны темных сил. Кн. 1. Париж, 1928. С. 140.

²³ Там же. С. 10.

²⁴ Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. СПб., 1991. С. 628.

²⁵ Там же. С. 634.

²⁶ Марков Н.Е. Войны темных сил. С. 172.

Т.А. Пархоменко

Полюса русской истории: советская и зарубежная Россия в 1917—1940 гг.

Октябрьская революция привела к расколу России на две неравные части: советскую и зарубежную, внутреннюю и внешнюю, которые выражали альтернативные пути исторического развития: социалистический, отстаивавший узкие интересы классово-вой борьбы, и общемировой, строившийся на синтезе русских национальных приоритетов с гуманистическими ценностями европейского прогресса. Революционное отрицание диктатурой пролетариата всех идейно-чуждых ей слоев населения, всей барско-господской культуры и ее носителей, привело к изгнанию из страны многочисленных представителей отечественной политической, военной, интеллектуальной элиты, в одночасье ставших «бывшими людьми», которые в лучшем случае причислялись к «попутчикам революции», а в худшем – к «врагам народа».

Начало истории многомиллионного русского зарубежья связано с указом советского правительства от 15 декабря 1921 г., по которому беженцы из России, не вернувшиеся на родину к 1 июня 1922 г., ставились вне закона – лишались гражданства и в случае несанкционированного возвращения домой подлежали расстрелу. Одновременно было принято решение о высылке из страны неугодных большевикам российских интеллектуалов. Как говорил Л.Д. Троцкий, «кто идет **против** нас, тот не попутчик, тот враг, того мы при случае вышлагаем за границу, ибо благо революции для нас вышший закон»¹. Ему вторил В.В. Маяковский, заявлявший: «они будут делать то, что мы заставим, или мы их вышвырнем»². В результате осенью 1922 г. на пароходах было отправлено

в Европу свыше ста представителей творческого сообщества России. Это называлось «превентивным милосердием», суть которого заключалась в том, что не согласных с коммунистическим режимом деятелей русской истории и культуры вместо многочисленных арестов отправляли за рубеж, отделенный от СССР железным занавесом. Так, князь С.Е. Трубецкой вспоминал: «Перед тем, как выпустить меня из тюрьмы ГПУ, мне дали подписать бумагу, где мне объявлялось, что я высылаюсь из пределов СССР – без обозначения срока высылки – и что, если я вернусь в Советский Союз, я подлежу расстрелу...»³. Л.Д. Троцкий – автор подобного «превентивного милосердия» – и представить себе не мог, что уже в 1929 г. высылке подвергнется он сам, более того, советское руководство не станет ждать того момента, когда он захочет вернуться на родину и пересечет границу СССР, чтобы расправиться с ним, а убьет его прямо в эмиграции в 1940 г. в Мексике в его собственном доме.

Конечно, эмигрантское существование не являлось для русских чем-то новым, и до 1917 г. многим из них приходилось подолгу жить за границей: В.И. Ленину, Г.В. Плеханову, П.Н. Милюкову, М. Горькому и другим. Однако никогда при этом царская Россия не грозила всем им в случае возвращения расстрелом, речь могла идти (при нарушении закона, главным образом, цензурного) только об аресте, заключении в тюрьму или ссылке. Совершенно иная ситуация сложилась после Октябрьской революции, которая, собственно, и привела к созданию зарубежной России, включавшей в себя как беженцев в прямом смысле этого слова, т.е. людей, бежавших от классово-войны Гражданской войны, так и эмигрантов, являвшихся идейными противниками советской власти. Для них СССР «перестал

Татьяна Александровна Пархоменко – кандидат исторических наук, заведующая сектором истории культуры русского зарубежья Российского института культурологии, Москва.

быть той Россией, которую они любили, и превратился в страну III Интернационала, по духу чуждую и ненавистную» им⁴. В 1924 г. издатель Н.О. Гришковский, осевший в Америке, говорил «советскому» И.Э. Грабарю, звавшему его вернуться на родину: «Мы отвыкли, там все нам чужое, мы “интернациональны” по-своему», на что Грабарь заметил: «Эмигранты – вообще народ особенный, хотя сами они этого вовсе не замечают. Но, впрочем, и мы для них вероятно тоже особенный народ»⁵.

Была в русском зарубежье и еще одна группа так называемых «эмигрантов без эмиграции», которые жили в Финляндии, Прибалтике, Бессарабии, т.е. в тех регионах Российской империи, что после 1917 г. откололись от России, превратившись либо в самостоятельные государства (Финляндия, Латвия, Литва, Эстония), либо в провинции других стран (Бессарабия, аннексированная в 1918 г. Румынским королевством). Оказавшись в эмиграции помимо своей воли, многие русские граждане, однако, не захотели переселяться в Советскую Россию, хотя, например, И.Е. Репина просили об этом неоднократно. Более того, когда Латвия и Литва по договорам с советской Россией «о реэвакуации беженцев» 1920–1921 гг. предоставили своим уроженцам право вернуться на родину, этим не замедлили воспользоваться многие жители Советской России.

Основным аргументом в пользу эмиграции являлась репрессивная политика «диктатуры пролетариата», что очень ярко отразилось, например, в воспоминаниях Ю. Бесонова «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков», изданных в Париже в 1928 г. Так, только после ареста чекистами в феврале 1919 г. А.А. Блока, Р.В. Иванова-Разумника, А.М. Ремизова, ими было подано прошение о выезде за границу. Однако с разрешением большевики тянули более двух лет и, например, А.А. Блок уехать так и не успел, умер 7 августа 1921 г., в день, когда «более удачливый» А.М. Ремизов с женой навсегда покидал Россию. Марк Шагал писал в связи с этим в 1922 г.: «Уеду куда угодно... – и скажу, разрывая на себе одежду: ...мне плохо здесь. Единственное мое желание: работать, писать картины. Меня не понимают, я здесь чужой. ... Мы ведь в полном смысле слова висим в воздухе, всем нам не хватает опоры. Последние пять лет жгут мою душу»⁶. Иначе говоря, профессиональный фактор, наличие условий для работы, практически полностью от-

существовавших в первые советские годы, также играл большую роль при решении об эмиграции. Вещи С.В. Рахманинова были выброшены из окна, а сам он объявлен «давным-давно устаревшим, чья музыка есть не что иное, как жалкое подражательство и выражение реакционных настроений»⁷. Приехав в США, он, однако, уже в 1919 г. смог продать свой «Прелюд до-диез минор» за один миллион долларов, а публика стала платить по 40 тыс. долларов за его концерт. Безработица на фоне общей советской разрухи заставила уехать также И.И. Сикорского, великого русского авиаконструктора, создавшего знаменитые самолеты «Илья Муромец» и «Русский витязь». «От академических развалин нашей родины» бежал Вячеслав Иванов и т.д.⁸

Исход из Советской России осуществлялся различными путями: бежали от большевиков с Белой армией, нелегально под покровом ночи переплывались по морскому заливу в Финляндию, отправлялись на лечение в Европу и Америку и оставались там навсегда, уезжали в командировки и обратно не возвращались и т.д. Последнее приняло такие масштабы, что нарком просвещения А.В. Луначарский вынужден был направить 12 мая 1921 г. в ЦК РКП (б) письмо, предлагавшее «установить для всех желающих выехать за границу ... очередь» и «отпускать их по 3 или по 5 с заявлением, что вновь отпускаться будут только лица после возвращения ранее уехавших. Таким образом, – подводил итог Луначарский, – мы установим естественную круговую поруку»⁹. В дополнение к этому большевиками начал вводиться «железный занавес»: в 1925 г. создается Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, ставшее фильтром советских международных контактов, в 1927 г. выходит декрет о сокращении заграничных командировок, а спустя два года командиремым за рубежом не разрешается изменять по своему усмотрению установленный для них маршрут, в 1928 г. ликвидируется комитет по устройству выставок иностранной техники, в 1931 г. всем гражданам СССР запрещается заключать торговые договоры с иностранцами, не имеющими на то специального разрешения, а в ноябре 1935 г. ликвидируется Торгсин, занимавшийся торговлей с иностранцами, и т.д. Завершающим аккордом стало рассмотрение связи советских людей с зарубежьем в качестве одного из основных пунктов обвинения в контрреволюционной деятельности по 58 статье Уголовного кодекса СССР.

Одновременно развернулась активная работа большевиков внутри русской эмиграции, породившая так называемое «сменовеховство», о котором варшавская газета «За свободу» писала: «Наладить государственно-хозяйственный аппарат большевики не в состоянии, а в лице эмиграции из России ушло большинство общественно ценнейших сил, подлинных организаторов и инициаторов», «вот почему они не жалеют ни энергии, ни денег на пропаганду сменовеховских идей как вернейшего средства к моральному разложению эмиграции»¹⁰. Цель была одна – вернуть на родину хотя бы часть нужных Советской России людей. Некоторые из них приехали, однако лишь немногие из «возвращенцев» смогли удачно вписаться в советскую действительность, прожить долгую, творчески активную жизнь – С.С. Прокофьев, А.Н. Толстой. Остальных ждала скорая кончина либо на свободе (1934 г. – А. Белый, 1936 г. – М. Горький, 1938 г. – А. Куприн, 1941 г. – С. Скиталец, А. Каменский, М. Цветаева), либо в заключении (А. Бобрищев-Пушкин, В. Гущик, Д. Святополк-Мирский, С. Эфрон, Н. Устрялов и другие). Только на родине ко многим из них пришло горькое осознание того, что они «тосковали по России, а не по СССР, по русским степям, а не по большевистской чеке, по русским песням, а не по Интернационалу», однако, исправить что-либо было уже невозможно¹¹. Как писал А. Белый в неоконченной историко-философской эпопее «Москва», появилось чувство «развоплотившейся» истории, лишившее жизнь всякого смысла. Вообще же количество возвращавшихся на родину было несопоставимым с общей численностью русского зарубежья, и, например, из более чем 800 литераторов, находившихся в эмиграции в 1917–1940 гг., в СССР вернулся только 31 чел.¹²

Советская элита, пустившая в ход презрительное слово «эмигрантщина», воспринимала Зарубежную Россию очень болезненно. «Мы считаем бегство из России в такую минуту, когда культурные люди ей больше всего нужны, – преступлением», – говорил И.Э. Грабарь¹³. С.А. Есенин называл русских изгнанников «контрреволюционной дрянью»¹⁴, А.А. Ахматова написала стихи «Не с теми я, кто бросил землю», наконец, историк литературы Д.А. Горбов в своей книге «У нас и за рубежом», вышедшей в 1928 г., увидел в эмиграции лишь «мертвую красоту и живучее безобразие»¹⁵. Неудивительно поэтому, что СНК СССР в 1927 г. охарактеризовал, например,

Ф.И. Шаляпина как «ограниченно-мещанскую и эгоистическую натуру», «окончательно скатившуюся в лагерь махровой реакции» и навсегда запретил ему въезд в СССР,¹⁶ а в 1929 г. вообще принял закон о невозвращенцах, по которому тех, кто не вернулся в СССР, объявили изменниками родины. 9 июня 1934 г. вышел новый закон, согласно которому всякий бежавший за границу советский гражданин приговаривался к расстрелу, а тот, кто знал о нем, подвергался тюремному заключению, что привело к массовым трагедиям, особенно в период «расширения братской семьи народов СССР» за счет присоединения западных территорий Украины, Белоруссии и Прибалтийских стран, сопровождавшейся активной депортацией в СССР русских эмигрантов. Так был ввезен в Союз известный евразиец П.Н. Савицкий, сразу же отправленный на восемь лет в мордовские лагеря, после чего незамедлительно вернулся «к себе» в Чехословакию, где и умер в 1968 г. Правда, приезд на родину не для всех был столь трагичным, в частности, для профессора Р.Ю. Виппера, начавшего работать в Институте истории Академии наук СССР и издавать труды, восхвалявшие Ивана Грозного как великого государственного деятеля, что органично вписалось в советскую кампанию по «сталинизации» образов русских правителей, и за что в 1943 г. он стал советским академиком.

Две России – внутренняя и зарубежная – представляли собой две стороны, два полюса русской жизни, как говорил Ф.А. Степун. Победа большевиков в Гражданской войне не привела их к примирению, а лишь вывела из сферы военного столкновения в область идеологической борьбы. «Смысл эмиграции лежит не в ней самой, – писал глава Национального союза русской молодежи В.Д. Поремский, – а в ее борьбе за Россию и за ее будущее», при этом «главное оружие в борьбе – это идея и слово»¹⁷, чему в зарубежье посвящены такие органы печати как «Двуглавый орел», «Грядущая Россия», «Русская мысль», «Возрождение» и др. В 1939 г. в журнале «Новая Россия» и газете «Последние новости» появились наделавшие много шума заявления советского посла в Болгарии Ф.Ф. Раскольников «Как меня сделали «врагом народа» и «Открытое письмо Сталину». Пламенный революционер, неожиданно объявленный советским судом вне закона, что грозило ему по прибытии в Москву высшей мерой на-

казания, только на чужбине понял, насколько ошибочной была его позиция «на многое закрывать глаза»: «Я слишком долго молчал, – писал он Сталину, – а ... вы культивировали политику без этики, власть без честности, социализм без любви к человеку»¹⁸. П.Н. Милюков и А.Ф. Керенский, опубликовавшие этот «крик души» красного комиссара Раскольникова, надеялись, что они станут своеобразным предостережением тем, кто хотел вернуться на родину и пытался найти компромисс между Азией и Европой (Сувчинский, Трубецкой), царем и советами (Казем-Бек, Штейгер), вообще Зарубежной Россией и СССР.

Очень ярко раздвоенность русской истории и культуры проявилась при выдвижении на Нобелевскую премию. Как писал норвежскому ученому О. Брокку академик М.И. Ростовцев, «за границей собралось ... три светила первой величины. Я имею в виду Бунина, Мережковского и Куприна... В связи с этим у французских литераторов возникла мысль, нельзя ли было бы названным трем беллетристам дать очередную Нобелевскую премию. Они обратились к шведскому посланнику в Париже, но тот нашел, что можно было бы дать... Горькому, а тот бы поделился с остальными. Вы знаете, каково отношение к Горькому среди честных русских людей. Не смыть позора славословия Ленина и че-ка запоздалой критикой из-за рубежа. ... К тому же премия Горькому была бы открытым признанием торжества большевизма. Лучше уж тогда дать премию «мира» – Ленину... Но дать премию Бунину, Куприну и Мережковскому за их литературные достижения, насквозь пропитанные идеей мира, было бы и справедливо, и целесообразно»¹⁹. В 1933 г. премию получил И.А. Бунин.

Все это говорит о том, насколько близко соприкасались друг с другом Зарубежная и Советская Россия, являясь по сути своей двумя параллельными мирами общего русского пространства: и там и там отмечали пушкинские юбилеи, в СССР действовали музеи Л.Н. Толстого, эмиграция основала фонд Л.Н. Толстого, на Западе авиастроение развивал И.И. Сикорский, в Советской России – А.М. Черемухин, и т.д. Разделяло эти два мира лишь одно – отношение к человеку, к его правам и свободам, в том числе и к праву быть самим собой: Черемухин работал за колючей проволокой в «шарашке» ЦКБ НКВД, тогда как Сикорский

был совершенно независим; в воркутинских лагерях оборвалась жизнь профессора Л.П. Карсавина, в то время как его сестра – всемирно известная балерина Т.П. Карсавина – прожила в эмиграции долгую, творчески насыщенную жизнь и умерла в Лондоне в возрасте 93 лет.

В общем, бинарность, раздвоение отечественной истории XX в. привели, с одной стороны, к созданию уникальной советской цивилизации, а с другой стороны, к образованию такого феномена как русское зарубежье, которые выражали разнонаправленные стратегии, базировавшиеся на различных смыслообразующих концептах или приоритетах: классово-коммунистического государства в СССР и свободной личности в эмиграции.

Примечания

¹ Троцкий Л. Литература и революция. М., 1924. С. 148.

² Маяковский В.В. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1959. С. 391.

³ Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 320–321.

⁴ Арцыбашев М.П. Записки писателя. Дьявол. Современники о М.П. Арцыбашеве. М., 2006. С. 361.

⁵ Грабарь И. Письма 1917–1941. М., 1977. С. 122.

⁶ Шагал М. Моя жизнь. М., 1994. С. 171–172.

⁷ Культура. 1993. № 12. С. 5.

⁸ Бонгард-Левин Г.М. Из «Русской мысли». СПб., 2002. С. 127.

⁹ История советской политической цензуры. М., 1997. С. 17.

¹⁰ Арцыбашев М.П. Записки писателя. Дьявол. Современники о М.П. Арцыбашеве. М., 2006. С. 229–230.

¹¹ Там же. С. 355.

¹² Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940. Материалы к биографиям. СПб., 1993.

¹³ Грабарь И. Письма 1917–1941. М., 1977. С. 49.

¹⁴ Есенин С.А. Собр. соч. в трех томах. Т.3. М., 1970. С. 173–174, 354.

¹⁵ Горбов Д. У нас и за рубежом. М., 1928. С. 213.

¹⁶ Большая советская энциклопедия. М., 1934. Т. 61. С. 801–802.

¹⁷ Поремский В.Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции. Избранные статьи. 1934–1997. М., 1998. С. 163, 240.

¹⁸ Раскольников Ф.Ф. Открытое письмо Сталину // Гребельский З.В. Федор Раскольников. М., 1988. С. 175, 182.

¹⁹ Бонгард-Левин Г.М. Из «Русской мысли». СПб., 2002. С. 199–200.

Л.Б. Санжиева

Роль телеграфных информационных агентств в осуществлении международного информационного обмена в 1930-е г.

В условиях формирования информационного общества исследование проблем развития межгосударственных коммуникаций, осуществления международного информационного обмена (МИО) в историческом аспекте имеет актуальное значение. В этом плане изучение роли телеграфных информационных агентств в распространении текущей международной информации в 1930-е гг., которые явились значимым этапом в развитии информационного обмена, представляет несомненный научный интерес. В этот период научно-технические достижения в сфере радио и средств связи обеспечивали оперативный сбор информации в разных регионах земного шара, ее обработку и распространение телеграфными агентствами. МИО осуществлялся на фоне неблагоприятного развития международной обстановки, что обусловило его специфические особенности. В российской историографии эта проблема является малоизученной, хотя сообщения телеграфных агентств используются в работах отечественных и зарубежных исследователей.

МИО формировался благодаря деятельности нескольких крупных информационных источников. Основными его генераторами были английские, американские, французские и германские телеграфные агентства, пресса и радио этих стран. В 1930-е гг. в мире насчитывалось более 40 государственных, кооперативных, коммерческих телеграфных агентств, качественные характеристики которых были неоднозначны¹. Они подразделялись на мировые, региональные и национальные агентства. Общим для них был сбор информации, предназначенной для печати и ра-

дио, посредством собственной корреспондентской сети. Информация, поступающая от телеграфных агентств, имела ряд особенностей, присущих только этому виду информации. Важным элементом телеграфных сообщений была краткость. Они носили стандартный характер, делающий их пригодными для любого издания, были не слишком детализированы в описании событий, фиксировали внимание на моментах и явлениях, представляющий всеобщий интерес². Эти качества расширяли рамки информационного взаимодействия, облегчая восприятие и стирая социальные и культурно-этнические различия в массовом потреблении информации.

Обострение геополитических противоречий, столкновение экономических, финансовых, торговых, идеологических и иных интересов между ведущими мировыми державами непосредственно сказывалось на повышении значимости информационно-пропагандистского влияния на зарубежную аудиторию и усилении конкуренции в сфере информирования на мировом и локальном уровнях. Лидирующие позиции в мировых СМИ занимали английское агентство Рейтер, американские Юнайтед пресс (ЮП) и Ассошиэтед пресс (АП)³. На договорной основе они осуществляли передачу своей информации в печать и радиовещание стран Европы, Америки, Азии, Африки и Латинской Америки. К примеру, ЮП в 1935 г. передавало информацию в 42 страны мира, а АП распространяло материалы среди 1300 американских и иностранных газет⁴. Приоритет этих агентств держался на мощных средствах связи. Техническая оснащенность подкреплялась огромным штатом квалифицированных журналистов, аккредитованных во всех крупных мировых центрах, способных оперативно получать интересую-

Людмила Буянтуевна Санжиева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМБиТ СО РАН, г. Улан-Удэ.

щую информацию и освещать в виде сенсаций все важнейшие политические и международные события. Эти условия позволяли Рейтер, ЮП и АП быть лидерами информационного обмена и ежечасно выпускать с конвейера «свежие» новости. Кроме того, ведущие телеграфные агентства стали расширять формы подачи информации и тематический диапазон сообщений. Они охватывали различные стороны общественно-политической, научной и культурной жизни. Так, АП уже с 1920-х гг. стало распространять репортажи, статьи, обзоры, очерки, иллюстративный материал. Печать и радио повсеместно тиражировали полученные сведения, оказывая огромное влияние на международное общественное мнение. Материалы указанных агентств, наряду с прессой и радио, абонировали государственные учреждения и деловые круги разных стран, внимательно наблюдающие за развитием событий в мире.

Огромную роль в распространении международной информации, ее направленности и содержании играл Европейский концерн официальных телеграфных агентств (ЕКТА), возглавляемый Англией. В 1930 г. концерн охватывал своей информацией международную прессу на 50–55 процентов⁶. В его составе были агентства Рейтер, Гавас, Вольфше телеграфен-бюро, ТАСС, Ассошиэйтед Пресс (США) и 10 других национальных агентств. Будучи монополистом на европейском рынке информации, концерн диктовал свои условия, невыгодные для большинства входящих в него агентств, предоставляя преимущество английским и французским СМИ. Это вызывало недовольство у США, чьи агентства целенаправленно расширяли свое проникновение в сферу информационного влияния Англии и Франции.

Современные телеграфные агентства имелись и в других государствах, однако они занимались сбором и распространением новостей в своих регионах и внутри страны. Основными источниками международной информации для них были Рейтер, ЮП и АП. Среди телеграфных агентств выделялись: французское Гавас, бюро Вольфа в Германии, американское Интернейшенэл Ньюс Сервис (ИНС), итальянское Стефани, Тиднинген телеграмен (ТТ) и Скандинавское телеграфное агентство (СТБ) в Швеции, японские Домэй Цусин и Нипондемпо, агентства Гоминь

и Сентрал ньюс в Китае, Анатолийское телеграфное агентство в Турции, ТАСС и многие другие, принимавшие участие в обмене информацией и снабжении новостями населения своих стран и близлежащих регионов. Так, Гавас имело большое влияние на европейский регион и колониальные владения Франции, Латинскую Америку, Стефани воздействовало на район Средиземноморья и Ближнего Востока, Тиднинген телеграмен и СТБ распространяли информацию на всю Скандинавию. Помимо этого в отдельных странах крупные газетные тресты имели свои собственные информационные агентства как, например, Ульштайн Пресс и Телеграфен Унион в Германии, информация которых тиражировалась внутри страны в куда больших размерах, чем сообщения бюро Вольфа⁷.

Некоторые агентства специализировались в сборе и распространении новостей в более узких областях: экономике, культуре, туризме, спорте. Американское агентство «Федерейтор Пресс» распространяло свою информацию по почте среди 100 профсоюзных газет и журналов, входящих в Американскую Федерацию Труда⁸. Английские агентства Пресс Ассошиэйшн (ПА) и Эксчейндж телеграф обеспечивали британскую и зарубежную прессу английской внутриполитической, культурной и спортивной информацией, статьями и иллюстрациями⁹.

Увеличение объемов внешнеполитической информации, ее растущая значимость обусловили создание новых информационных органов в разных регионах земного шара. В эти годы были основаны 8 государственных телеграфных агентств в Австралийском Союзе, Афганистане, Бразилии, Индонезии, Испании, Китае, Нидерландах, ЮАР. Организация новых информационных агентств отражала возрастающий спрос региональной общественности на международные политические новости. Аудитория потребителей информации, распространяющейся по каналам МИО, выросла на многие миллионы человек.

В условиях обострения геополитических и идеологических противоречий усиливался пропагандистский аспект внешнеполитического информирования. Это обусловило синхронную реорганизацию государственных служб информации в разных странах, создание новых информационных структур, рост

штата сотрудников информационных органов, увеличение субсидий на зарубежную пропаганду, строительство новых и реконструкцию уже имеющихся радиостанций, внедрение более действенных приемов и методов информирования. Так, в Британской радиовещательной корпорации (Би-Би-Си), распространяющей информацию Рейтер, ПА и Эксчейндж телеграф, с расширением зоны английского зарубежного вещания возникли новые отделы, ответственные за региональные выпуски новостей. Эффективным методом иновещания стало также привлечение на Би-Би-Си этнических дикторов, представителей отдаленных регионов, на которые велась трансляция. В 1939 г. в ней была создана служба прослушивания и радиоперехватов, позволяющая собирать информацию о радиопропаганде в других странах¹¹.

1930-е гг. характеризуются появлением во многих странах новых государственных информационных структур. В нацистской Германии было учреждено Имперское министерство народного просвещения и пропаганды. При японском кабинете министров было создано Информационное управление, которое по своим задачам и организационной структуре мало чем отличалось от геббельсовского Министерства пропаганды¹². В Великобритании перед началом Второй мировой войны было организовано министерство информации. В СССР было создано Управление пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б), а в 1940 г. намечалось создание нового информационного органа¹⁴.

Для расширения своей информационно-пропагандистской экспансии Германия и Япония создавали новые агентства. Так, в Германии 1 января 1934 г. Вольфше Телеграфенбюро было присоединено к гугенбергскому информационному агентству Телеграфен Унион. Новое агентство получило название Дойче Нахрихтен Бюро (ДНБ) – Германское информационное бюро и стало главным нацистским рупором. Кроме того, в рейхе были основаны агентства «Ост экспресс» и «Трансоцеан» для снабжения гитлеровской информацией азиатско-тихоокеанского региона и Латинской Америки¹⁵. Япония создавала учреждения связи в Маньчжурии для распространения пропаганды на Дальнем Востоке и Китае. Так, в 1933 г.

в Маньчжоу-Го под наблюдением японских властей была создана Маньчжурская телеграфно-телефонная компания (ММТ). К 1940 г. ее передачи прослушивали 88 876 человек¹⁶. Созданные агентства, действующие с использованием приемов и технологий манипулирования общественным мнением, оказывали огромное воздействие на мировое сообщество. Наряду с гитлеровской прессой, они обусловили определенный приоритет Германии в процессах международного информирования и распространения нацистской пропаганды и информационно-пропагандистское преимущество Японии в азиатско-тихоокеанском регионе.

Центральным информационным органом, который осуществлял международный обмен информацией в СССР, являлось Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС). Оно было учреждено на основе Российского телеграфного агентства при СНК СССР 10 июля 1925 г.¹⁷ Агентство производило сбор политической, экономической и другой текущей информации в СССР и других странах. Оно было создано как монопольный аппарат советской информации и обеспечивало информационную поддержку внешнеполитических акций Советского правительства на международной арене. В условиях социально-политического противостояния СССР с капиталистическими государствами его главной задачей являлось распространение альтернативных буржуазной прессе советских сообщений, ознакомление международной аудитории с достижениями СССР в социальном, хозяйственном и культурном строительстве, информирование общественности о позиции советского правительства по актуальным международным вопросам. Информация агентства была авторской, под всеми его сообщениями обязательно ставилась подпись – ТАСС. Во главе агентства стоял ответственный руководитель, который назначался правительством Союза ССР и на основе единоначалия осуществлял все руководство деятельностью советского информационного агентства. Ответственными руководителями ТАСС были в 1921–1937 гг. Я.Г. Долецкий, в 1939–1943 гг. Я.С. Хавинсон.

Следует отметить, что ТАСС в этот период не могло конкурировать с ведущими информационными агентствами в силу внеш-

неполитической изоляции СССР на международной арене и условий участия в Европейском концерне телеграфных агентств. В получении и распространении информации оно во многом зависело от ЕКТА. Кроме того, зарубежные страны, опасаясь «коммунистической угрозы», не были заинтересованы в организации корреспондентских пунктов ТАСС, которые считались, как и все другие советские представительства, источниками распространения большевистской пропаганды. По этим, а также другим обстоятельствам, небольшая корреспондентская сеть ТАСС была не в состоянии обеспечить сбор и распространение информации по всему миру.

Вместе с тем, геополитическое положение Советского Союза как самой крупной державы мира, обусловившее важность советской политики, успехи в социалистическом строительстве на фоне охватившего мир экономического кризиса, превращали Москву в объект пристального наблюдения мирового сообщества. Эти факторы определили значимость участия СССР в международном информационном обмене как актора, так и объекта, повышали роль ТАСС в информационном взаимодействии с другими странами. Иностраные телеграфные агентства и влиятельная пресса были заинтересованы, учитывая запросы зарубежной аудитории, в оперативном отражении событий в СССР.

Советский Союз с его огромной территорией и соответствующим ей информационным пространством привлекал особое внимание западных СМИ как крупный потребитель информации. Вследствие вышеуказанных факторов ТАСС и информационные органы других стран имели обоюдную заинтересованность в обмене важнейшими международными и текущими новостями. ТАСС имело договорные отношения с мировыми, региональными и национальными телеграфными агентствами о взаимном обмене информацией. Такие договорные отношения связывали ТАСС с агентствами Рейтер, Эсчейндж Телеграф (Великобритания), Ассошиэтед пресс, Юнайтед пресс, Интернейшенел Ньюс Сервис (США), Гавас (Франция), Бюро Вольфа, а затем Дейчес Нахрихтен Бюро (Германия), Домей Цусин (Япония) и другими региональными и национальными телеграфными агентствами. При этом пред-

почтение оказывалось англо-американским СМИ. Число агентств, с которыми ТАСС обменивалось информацией, росло, что соответственно влияло на расширение сферы распространения советской внешнеполитической информации. Так, например, в феврале 1934 г. в Берне было подписано соглашение об обмене информацией между дирекцией Швейцарского телеграфного агентства и представителем ТАСС¹⁸.

Таким образом, в предвоенный период телеграфные агентства занимали преобладающее положение в осуществлении международного информационного обмена. Их сообщения, распространяемые по каналам радио и влиятельной прессы, знакомили мировую аудиторию с развитием важнейших внешнеполитических событий, влияли на формирование общественного мнения.

Примечания

¹ Подсчитано автором по справочнику: Зарубежная печать. Краткий справочник. Газеты. Журналы. Информационные агентства / Под ред. С.А. Лосева. М., 1986.

² Пальгунов Н.Г. Основы информации в газете. М., 1967. С. 18.

³ Пальгунов Н.Г. 30 лет (воспоминания журналиста и дипломата). М., 1964. С. 268.

⁴ Правда. 1935. 7 июля.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 83. Д. 5. Л. 4.

⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 5. Л. 5.

⁸ ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 38с. Д. 1024. Л. 36.

⁹ Позин В. Краткий справочник иностранной печати. М., 1946. С. 98.

¹¹ Артемов В.Л. Би-Би-Си: История, аппарат, методы радиопропаганды. Минск, 1984. С. 16.

¹² Панкина О.Г. Буржуазная печать Японии // Зарубежная печать. М., 1964. С. 247.

¹⁴ Проект положения о Всесоюзном Комитете по делам информации при СНК Союза ССР // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 57. Л. 22.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 57. Л. 15.

¹⁶ Кузнецов С.И. Радиовещание в идеологической кампании японских властей в Маньчжурии (1931–1945 гг.) // Мир центральной Азии. Материалы междунаро. науч. конф. В 3 т. Улан-Удэ, 2002. Том 2. Часть 1. История. Социология. С. 101.

¹⁷ О партийно-советской печати, радиовещании и телевидении. Сборник документов и материалов. М., 1972. С. 134–135.

¹⁸ Известия. 1934. 18 февраля.

А.Г. Еременко

От цивилизационно-культурологического подхода к методологии «диалога культур»

Кардинальные изменения, произошедшие в конце XX в. на постсоветском социокультурном пространстве, значительно изменили ситуацию в гуманитарных науках в бывших союзных республиках. Общая гуманизация процессов образовательной и исследовательской деятельности потребовала нового переосмысления пути и места стран СНГ, их регионов (региональный аспект) в мировом сообществе цивилизаций. Это обусловило появление новых научных парадигм, подходов к изучению национальных социокультурных пространств. Отказ от единственной марксистской идеологии, претендовавшей на роль мировой религии, поставил цели и задачи переосмысления периодизации и культурно-исторического развития независимых государств как составных частей мировой цивилизации в целом. Этим, на наш взгляд, и было продиктовано появление новой науки (системы знаний) «культурологии», одной из важнейших задач которой на современном этапе «является пристальное и непредвзятое изучение складывания многонациональных государств»¹.

Исследования культуры имеют глубокие философские традиции и привлекают внимание представителей других наук, прежде всего – археологии, этнографии, психологии, истории, филологии, социологии, культурологии. Однако только в XX в. появляются попытки реализации все более осознаваемой потребности и возможности специального межпредметного исследова-

¹ Андрей Григорьевич Еременко – кандидат культурологии, доцент кафедры истории и музееведения Краснодарского государственного университета культуры и искусств.

ния культуры. Попытки обнаружить за этим номинальным единством, определяемым понятием «культура», реальное, адекватно выразить его научными средствами – одна из главных задач цивилизационно-культурологического подхода.

Культурология была призвана восполнить тот пробел, который последние десятилетия характеризовал общественную науку и систему образования. Еще не так давно в своих социальных штудиях исследователи крайне редко выходили в широкий мир культуры. Общественное размышление замыкалось узким горизонтом политики и идеологии. Обществоведы игнорировали тот факт, что любое обнаружение социальной динамики начинается именно как сдвиг внутри культуры, как результат новых ценностных ориентаций, как итог разносторонних социокультурных закономерностей. Человек, который не знаком с культурологией, живет в пространстве одной культуры. Он ничего не знает о других культурных «космосах». Новая наука знакомит людей с духовным богатством и разнообразием разных культур, всего человечества. Попытка провести мысль «в разнообразии едины» – становится второй глобальной задачей новой методологии в исследованиях полиэтничных и поликонфессиональных регионов.

Культурология – это система знаний (наука) о сущности, закономерностях существования и развития, человеческом значении и способах постижения культуры. Для постижения своего предмета культурология нуждается в понимании, то есть обретении целостной интуитивно-смысловой причастности субъекта к постигаемому предмету. Первичное понимание

предшествует объяснению, направляя его и в то же время углубляясь и корректируясь этим объяснением. Высшим ее достижением является полнота понимания, опирающаяся на полноту объяснения, что позволяет проникать в жизненный мир иных культур и глубже постигать свою собственную.

Оформление ее как специфической сферы гуманитарного знания принято относить к Новому времени, связывая с философскими концепциями истории Дж. Вико, И.Г. Гердера и Г.В.Ф. Гегеля. Основополагающее влияние на становление и развитие культурологии оказали В. Дильтей, Г. Риккерт, Э. Кассирер и О. Шпенглер, с которым связана одна из самых ярких концепций и взлет общественного интереса к новой науке.

Основные идеи и концепции ее в XX в. связаны с именами З. Фрейда, К.Г. Юнга, Н.А. Бердяева, Э. Фромма, М. Вебера, А. Тойнби, К. Ясперса и других. В отечественной науке культурология представлена работами Н.Я. Данилевского, Н.А. Бердяева, А.Ф. Лосева, а также Д.С. Лихачева, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Э.Ю. Соловьева, Л.М. Баткина, Л.С. Васильева, А.Я. Гуревича, Г.С. Померанца и ряда других исследователей.

Культурология изучает не только культуру в целом, но и различные, часто весьма специфические, сферы культурной жизни, взаимодействуя (вплоть до взаимопроникновения) с антропологией, этнографией, историей, археологией, лингвистикой, социологией и т.д., и в то же время сохраняя собственное лицо и решая свои исследовательские задачи.

Специфика культурологии усматривается обычно в ее интегративном характере, в центрированности на бытии и деятельности человека и общества как целостных феноменов. Она претендует на обобщение усилий философии, истории, языкознания, археологии, этнографии, религиоведения, истории науки и других дисциплин, изучающих различные аспекты бытия человека и общества, на создание для них общей теоретической базы, на определение наиболее общих закономерностей формирования, развития и функционирования культуры.

Одним из первых цивилизационный подход к древним сообществам Евразийских степей применил в своих работах А.И. Мартынов, посвятив их осмыслению «скифо-сибирского единства», весьма яркого явления для эпохи раннежелезного века². Он предложил интерпретировать этот феномен как особую цивилизацию кочевников. По его мнению, у скифов, саков, древнего населения Алтая и носителей тагарской культуры уже существовали государство. Однако поначалу практически никто из видных скифологов не поддержал эту смелую идею, хотя она и вызвала в науке резонанс (обсуждение на II семинаре «Античная цивилизация и варварский мир» в 1988 г.; на специальном совещании в Отделе скифо-сарматской археологии ИА АН СССР в 1990г.). На них специалисты почти единодушно высказали достаточно обоснованное мнение, что совокупность своеобразных кочевнических культур Степной Евразии I тыс. до н.э. невозможно расценивать как цивилизацию³. Рядом исследователей также были выражены весьма резонные сомнения в существовании даже «скифской цивилизации»⁴.

Попытка цивилизационно-культурологического методологического решения мною была предпринята в кандидатской диссертации, в которой была введена в научный оборот дефиниция «цивилизационная модель культурно-исторического развития региона»⁵.

В ряде своих работ я постарался выделить не только типологические и особенные черты развития Таманской цивилизационной модели культурно-исторического развития региона, но и предложить своеобразную периодизацию ее эволюционной динамики.

Причем в основу ее выведения были положены материалы археологических экспедиций учтены экспедиции с середины 50-х гг. XX в. (Б.А. Рыбакова) и раскопки последних лет, анализ письменных источников, а также данные петрографических исследований и аэрофотосъемки⁶. Акцент был сделан не только на циклической повторяемости взаимовлияний различных типов цивилизаций в евразийском социокультурном пространстве региона, но и на поликонфес-

сиональной эволюции региона. Все это обусловило особенный полифоничный, синкретический и циклический характер эволюционного развития цивилизационных процессов на Таманском полуострове.

Цивилизационно-культурологический подход имеет свои преимущества и недостатки. Там, где история заходит в тупик, не имея источников (т.н. «белые пятна»), культурология (теория и история культуры) имеют возможности методологии реконструкции (воссоздания). Вместе с тем, в науке нет четкого определений понятий «цивилизация», «культура» и «культурология», а существует около 500 подходов к их толкованию. Методологически он пересекается с социально-антропологическим подходом, ювенальной историей, «историей повседневности».

Другой методологический подход был предложен Комитетом Министров Совета Европы (СЕ), который за последние годы принял две большие рекомендации, касающиеся преподавания истории⁷. Суть их можно свести к следующему:

- преподавание истории должно быть свободно от политических и идеологических влияний;

- учитывая тот факт, что политики имеют свой особый взгляд на историю, историческое образование не должно становиться инструментом политических манипуляций;

- история представляет собой один из нескольких возможных путей получения информации о национальной принадлежности, не следует забывать при этом, что история в то же время открывает возможности к познанию прошлого других народов и культур.

Вместе с тем, Совет Министров СЕ ввел в оборот понятие «диалог культур», отражающий «разнообразие» как основополагающий фактор, а также метод преподавания и разъяснения сути этого понятия, который помог бы понять разнообразие не как фактор угрозы, а как путь к взаимодействию и взаимообогащению. Последняя рекомендация СМ СЕ резюмирует: важность знания истинной сути термина «разнообразие»; понимание ценности фактора разнообразия; необходимость умения уважать различия; развитие навы-

ков, способствующих расширению межкультурного диалога; развитие умения выстраивать отношения на основе взаимоуважения и толерантности.

Ряд исследователей, говоря о полиэтничном и поликонфессиональном облике наших стран, предлагает искать ответы на дальнейшее мирное их сосуществование «...в многоцветье культур региона, в опыте сожительства русских, адыгов, кабардинцев, балкар и десятков других народов Юга России...»⁸.

Таким образом, общеевропейскими ценностями в области изучения культурного наследия становится не поиск правых и виноватых, а попытка увидеть единство в разнообразии, взаимовлиянии, взаимообогащении и синкретизации тех культурно-исторических процессов, которые происходили на европейской части континента (включая евразийское постсоветское пространство). Исследования культурных традиций, включающих историю, археологию, этнографию, лингвистику, культурологию и т.д., должно основываться на учете разнообразия полиэтничности, поликонфессиональности этих регионов, а также взаимоуважения и толерантности.

На Кавказе тяготение к культурному единству превозмогало историческое многоязычие. Все народы Кавказа, не только соседствующие друг с другом, но и наиболее отдаленные, связаны между собой сложными, прихотливыми нитями языковых и культурных связей.

Наиболее объективную реконструкцию раннесредневековой истории Северного Кавказа, опирающуюся на региональный, а не на территориальный или национальный принципы, представляют собой исследования А.В. Гадло.

Создание последнего учебника по истории Северного Кавказа заняло 12 лет и далось его авторам очень нелегко. С новой инициативой выступает Совет Европы, предлагая вернуться к созданию нового учебника, основанного на методологии «диалога культур».

Участие в ряде совещаний, организованных Советом Европы (Дагомысе, Москве, Астрахани), подтолкнуло меня к тому,

чтобы высказать несколько важных моментов.

Координаторы (включая А. Кругова), приступая к отбору материалов, совершают методологическую ошибку, так как не решен главный вопрос – «на какую методологическую основу следует нанизывать те или иные факты». Как показывает практика «Черноморской инициативы по истории», «диалог культур» – это скорее группа принципов, положенных в основу, которая, к сожалению, вряд ли сможет заменить методологию.

Опыт создания региональных учебных пособий и учебников диктует несколько иную логику происходящего, хотя, возможно, в большинстве своем они не соблюдают рекомендации «диалога культур». Необходимо изначально создать серию региональных очерков по истории и культуре, основанных на цивилизационно-культурологическом подходе. Они должны отражать идею «единства в многообразии», соблюдать принципы «диалога культур», сохранять толерантность в изложении. Когда произойдет выверенный отбор содержания и устранение недостатков данных пособий, реально создать свод истории Северного Кавказа на основе уже апробированных очерков. В идеале изначально данный труд должен носить также очерковый характер, не претендуя на всеобъемлющий диапазон.

Создание же учебника по истории Северного Кавказа за два года и без четкой методологии – задача иллюзорная и нереальная. Или же полученный скороспелый «продукт» станет профанацией и выхолащиванием истории.

Примечания

¹ *Еременко А.Г.* Культурологические парадигмы. Цивилизационная модель культурно-исторического развития // Историческая мысль Кубани на пороге третьего тысячелетия. Краснодар, 2000. С. 52–55.

² *Мартынов А.И.* Степи Евразии в истории человечества // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч.1; Он же. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

³ *Зданович Г.Б.* Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Материалы к пленуму ИИМК 28.11.1991.СПб., 1991.

⁴ *Зуев В.Ю.* К вопросу о скифской цивилизации: исследования, поиски, находки. Челябинск, 1995.

⁵ *Еременко А.Г.* Тамань в евразийском социокультурном пространстве: проблемы формирования цивилизационной модели исторического развития региона. Рук. канд. дисс. Краснодар, 2000.

⁶ *Паромов Я.М.* Обследования археологических памятников Таманского полуострова в 1981–1983 гг. // КСИА. 1986. № 188. С. 69–71; Он же. Археологическая карта Таманского полуострова. (Депон. Рукопись ИНИОН РАН №47103). М., 1992.

⁷ Рекомендация № R(98)5 Комитета Министров о мероприятиях СЕ в области культурной политики // Материалы Парламентской Ассамблеи СЕ. Страсбург, 1996; Рекомендации Комитета Министров Государствам – членам по вопросу преподавания истории в Европе XXI в. // Комитет Министров СЕ от 31 октября 2001 г.

⁸ *Кудрина Т.А., Горлова И.И.* Информатизация общества и культура региона // Региональные факторы развития культуры. Краснодар, 1998. С. 320.

В.В. Базарова

Из опыта реформирования монгольской письменности в начале XX в.

Монгольская письменность, имевшая многовековую историю, в начале XX в. стала предметом пристального внимания в Российской империи в качестве объекта социально-культурного эксперимента. Модернизация письменных культур, унификация письма стали рассматриваться в качестве инструмента будущего мирового преобразования. В поисках путей обновления этнических судеб монгольских народов письменность расценивалась едва ли не как одно из самых универсальных средств преодоления их отсталости. Ввиду того, что европейское образование, по стечению обстоятельств, получили только представители бурят-монголов, на их долю выпал поиск путей реформирования монгольской письменности. Несмотря на то, что в исторической литературе сложилось мнение о том, что модернизация письменности на основе латиницы была проведена в 1920-1930-е гг., этот замысел возник гораздо раньше.

Бурятская интеллигенция, отражавшая настроения радикальной и наиболее образованной части этноса в начале XX в., стала предпринимать активные действия для спасения национальной культуры бурят. Движение за спасение этой культуры и возрождение ее на более высокой ступени возглавила небольшая группа представителей духовенства, лидерство в которой принадлежит Агвану Доржиеву, видному политическому, общественному и религиозному деятелю. Члены его группы понимали необходимость приобщения бурят к мировой культуре и ци-

Валентина Владимировна Базарова – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБИИТ) СО РАН, г. Улан-Удэ.

вильзации как их возврат в лоно монгольской культуры. Среди множества проблем особое место занимал вопрос о судьбе языкознания и функционирования языка в структуре современных отношений.

Именно в период назревания перелома в исторических судьбах Российской империи впервые была поставлена цель и совершен значительный шаг вперед в деле реформирования монгольского алфавита. В дискуссии по изменению монгольского письма принимали активное участие А. Доржиев, Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, Б. Барадин, Н. Амагаев, Б. Рабданов, М. Богданов и другие. Реформаторы в процессе работы распались на две группировки, разошедшиеся в своей принципиальной установке. Одну из них возглавили Ц. Жамцарано и А. Доржиев, называвшие себя сторонниками движения за национальное возрождение бурят-монгольского народа, которое преобразовалось в союз бурятских учителей и деятелей по народному образованию под названием «Знамя бурятского народа» (Буряад зоной туг), в союз учащихся бурят и в «общество просвещения бурят». Они выступали за сохранение существующего монгольского письма, но в то же время предлагали подвергнуть его реформированию путем введения новых буквенных знаков или частичного изменения существующих букв¹. Созданный ими алфавит, отображающий все монгольские наречия, в том числе и бурятское, был назван монголо-бурятским. Знаков в нем было меньше, каждая буква изображала определенный звук, при этом передавались все звуки, имевшие место в наречиях монгольского языка. Новый монголо-бурятский алфавит мало чем отличался от старого, что позволяло легче осуществить

переход на него. Впоследствии он получил наименование Агвановского алфавита по имени одного из активных участников этой группы.

С критикой нового монголо-бурятского алфавита выступил на страницах журнала «Сибирские вопросы» М.Н. Богданов², по мнению которого, изучение этого алфавита иркутскими бурятами затруднялось, прежде всего, из-за трудности воспроизведения «невиданных для них форм букв», диакритических знаков, а также из-за отсутствия в букваре каких-либо указаний относительно произношения, чтения и письма. Как подчеркивал Богданов, вряд ли бурятская национальность и ее самосознание пострадали бы от того, если бы буряты стали писать не сверху вниз, а слева направо, и не знаками монгольского алфавита, а более доступными для иркутских бурят латинскими буквами³. Он был убежден в том, что научиться монгольскому языку, а через него познакомиться с монгольской литературой, гораздо сложнее, да к тому же в Иркутской губернии «найти учителя русского языка в тысячу раз легче, чем учителя монгольского языка»⁴. Единственно правильным и приемлемым выходом в сложившейся ситуации Богданов считал обращение к опыту создания алфавита общеевропейского типа как более доступному в обучении и более экономичному.

Статья Богданова не могла остаться незамеченной. На высказанные замечания по поводу нового монголо-бурятского алфавита ответил Ж. Жамцарано⁵, один из его активных сторонников, который подчеркнул, что Агвановский алфавит – это логический результат исторического развития монгольской письменности. У Жамцарано и его сподвижников вызвало удивление то, что Богданов, не зная монгольских наречий, истории монгольской письменности, наконец, не зная письма и литературы, решился разбирать монгольский алфавит. С этим они связывали его одностороннее и однобокое отношение к возможности национального возрождения бурят, которое отчасти основывалось на искажении исторических фактов. У Жамцарано вызвало недоумение высказывание Богданова о том, что монгольская литература «не ушла дальше мифов и преданий», а монгольская письменность с ее мно-

говековой историей и монгольский язык, на который были переведены многотомные трактаты по буддийско-индийской философии и на котором были написаны научные работы, достаточно беден. Отсутствие учителей монгольского языка в Иркутской губернии объяснялось равнодушным отношением официальной власти к разрешению этой проблемы: монголо-бурятскую грамоту ни в одном учебном заведении здесь не преподавали. Двери Иркутской учительской семинарии были закрыты для инородцев-буддистов или шаманистов, монгольские книги из Забайкалья подвергались строгой цензуре и в большинстве своем запрещались для ввоза в Россию. Жамцарано и его сторонников возмутило также высказывание Богданова о том, что бурятский народ якобы проспал свое время. С этим трудно было согласиться, ведь бурятские просветители издали не одну сотню книг на монгольском и тибетском языках, и эта литература способствовала просвещению нескольких поколений их соплеменников.

Вместе тем, Жамцарано объяснял пессимистические настроения Богданова его глубокой верой во всемогущество капитализации и пролетаризации общества и ошибочным пониманием сущности человеческого прогресса, который представлялся ему как всеобщая нивелировка. Смысл истинного прогресса Жамцарано видел в «раскрепощении малых народностей, в полном сотрудничестве с ними, во взаимном уважении и содействии разных народностей и личностей»⁶. Это была открытая дискуссия, которая еще более отдала два противоположных течения, тем более что они не находили общих точек зрения и на развитие религиозно-го движения бурят.

Наряду с реформой алфавита, А. Доржиевым была предпринята попытка создания законов правописания на основе разговорного языка, которую позднее признали половинчатой, поскольку сохранялся вертикальный характер письма, а знаки алфавита представляли собой слегка видоизмененные знаки монгольского алфавита. Но именно этот шаг оказался первым на извилистой дороге длительного периода опытов, дискуссий, модернизаций, надежд и разочарований в языковом строительстве и политике

на обширном пространстве Восточной Сибири.

Спустя некоторое время большинство сторонников Агвановского алфавита все же пришли к единому мнению, что необходимо продолжить усилия по его усовершенствованию и по реформированию старомонгольской письменности в целом. К этой сложной работе приступили Н. Амагаев, один из видных представителей бурятской интеллигенции, педагог-просветитель и Аламджи-Мэргэн (Э.-Д. Ринчино), в то время еще студент Санкт-Петербургского университета.

Занимаясь алфавитом, они исходили из того, что бурятский язык, имевший корневые связи с монгольским, должен основываться на старомонгольской графической основе, что способствовало бы, по их мнению, обогащению знаний, цементировало бы территорию данного языкового пространства. Работа над алфавитом потребовала много усилий и времени. В результате Ринчино вместе с Амагаевым, проделав тщательную работу по упрощению написания отдельных букв, по уточнению грамматических форм и правил, создали более упрощенный и удобный вариант Агвановского алфавита. В 1910 г. они издали небольшую книгу под названием «Новый монголо-бурятский алфавит»⁷.

Тексты в новом монголо-бурятском алфавите были составлены авторами из образцов народного фольклора: сказок, песен, сказаний, в качестве примеров были помещены стихотворные произведения представителей современной бурятской интеллигенции, которые являлись «первыми ласточками нарождающейся новой монголо-бурятской литературы»⁸.

Представители же другой группы во главе с Б. Барадиным, известным бурят-монгольским ученым, настаивали на принципиальном разрыве всякой графической связи с монгольским алфавитом и введении взамен его латинского алфавита, применительно к существующим живым наречиям монголов.

К основным недостаткам монгольского алфавита Б. Барадин относил в основном его технические недостатки: сложность типографского набора, ограниченную сферу употребления и использования и т.д.⁹ Главным же

преимуществом латинского алфавита, по его мнению, являлось то, что он отвечал почти всем требованиям современной науки: горизонтальным расположением букв, что устраняло препятствие в изложении научных данных; его буквы применялись в математических и химических формулах, медицинских терминах. В этом латинизированном алфавите были доведены до минимума подстрочные и надстрочные знаки; отдельные буквы были легко различимы и доступны для написания и запоминания, что ускорило обучение грамоте. Он отличался также экономичностью в наборе, количестве труда, времени и занимаемого места, облегчал процесс замены старого отжившего литературного языка новым, построенным на основе живых наречий, а также упрощал проблему реформы орфографии. Б. Барадин и его сторонники были уверены в том, что после смены алфавита бурятский язык в новой своей форме и содержании станет «языком культурно-квалифицированным и сильным, представляющим интерес и для других народов»¹⁰.

В 1910 г. вышла брошюра Б. Барадина «Отрывки из бурятской народной литературы», в которой автор использовал некоторые произведения устного народного творчества бурят в латинской транскрипции и привел подробное объяснение нового алфавита на латинской основе. Однако короткое предисловие и объяснение к алфавиту не затрагивали спорных вопросов бурят-монгольской письменности, и в них лишь в нескольких словах говорилось о попытке построения новой письменности для передачи живых звуков бурятского языка латинским шрифтом. Такой алфавит был рассчитан исключительно на передачу говора только бурятских наречий.

Сторонники этой реформы уверяли, что латинизация бурят-монгольской письменности не представит больших трудностей, поскольку литературная традиция бурят-монголов якобы, по сравнению с традициями больших культурных народов, была не так велика, грамотность на старомонгольском языке среди населения ничтожна, литература на нем немногочисленна, школьное обучение этому языку и реализация его в организациях и учреждениях находилось в начальной стадии.

Попытку приспособить латинский алфавит к передачам звуков монгольского языка Э.-Д. Ринчино считал непонятным, неожиданным «западническим поветрием». По этому вопросу у него имелось иное мнение: «если будет выдвинут латинский алфавит, найдутся и сторонники русского алфавита, который имеет за собою большое историческое и практическое обоснование, чем латинский»¹¹. Как показало время, его слова оказались пророческими¹².

Латинский алфавит, имея большие графические и технические преимущества по сравнению с Агвановским, все же не получил распространения ни в западной, ни в восточной частях Бурят-Монголии, поскольку идея латинизации, выдвинутая Б.Б. Барадиным, встретила решительный отпор со стороны оппонентов. Логике научного новаторства была противопоставлена логика политического подхода. Сторонники «агвановской» группы стояли на позициях усиления связи с Монголией. Принятие же нового латинизированного бурят-монгольского алфавита означало для них отрыв от Монголии и от всего монгольского мира, что, в свою очередь, могло помешать им распространять среди бурят «все то, что должно будить, возвышать и заставлять стремиться к лучшему». Противостояние привело, в конце концов, к дискредитации нового алфавита, вплоть до негативных оценок со стороны правительственных кругов Российской империи.

Начавшаяся дискуссия оказалась только первой попыткой в выборе разных политических и научно-гуманитарных подходов к решению поставленной проблемы. Ее историческое значение заключалось в том, что удалось определить предварительный спектр предстоящих дискуссий и политической борьбы, что привело к усилению активности в процессе осуществления языкового строительства. Развернувшаяся дискуссия и последовавшая затем идейная борьба могли быть проверены только опытом и практикой. Необходимо отметить, что проявился важнейший аспект этого противостояния: апелляция

Агвана Доржиева к общемонгольской составляющей культурно-исторических преобразований была воспринята как предостережение от забегания вперед на пути общественных новаций. Несомненно, эта тема, которая подспудно постоянно всплывала, была неприятна слуху представителей официальных государственных органов. В условиях политической борьбы сторонники А. Доржиева излишне категорично утверждали, что без Монголии, в рамках одной Бурятии, латинизация не могла быть вовремя осуществлена. Она принесла бы больше вреда, чем пользы, так как и без того слабая культурная связь с Монголией оказалась бы прерванной. Такие опасения в среде бурятской интеллигенции имели устойчивые позиции, поскольку правящие круги Российской империи не утруждали себя прогнозированием складывающейся ситуации в национальном вопросе и не выдвигали продуманную концепцию полиэтнического развития и устройства региона.

Примечания

¹ Жамцарано Ж. Народническое движение бурят и его критика // Сибирские вопросы. 1907. № 21. С. 17.

² Богданов М.Н. Бурятское возрождение // Сибирские вопросы. 1907. № 3. С. 38–49.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 49.

⁶ Жамцарано Ж. Бурятское народническое движение и его критика // Сибирские вопросы. 1907. № 21–25.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Амагаев Н. и Аламжи Мэргэн. Новый монголо-бурятский алфавит. СПб., 1910.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Барадин Б. Латинизация монгольской письменности // Национальный архив Республики Бурятия. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–4.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² Там же. Л. 34.

¹³ Жабеева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, 2001. С. 48.

М.А. Буздыгар

Педагогика Л.Н. Толстого в контексте идейного становления С.Н. Дурылина

Знакомство С.Н. Дурылина (1886–1954 гг.) с педагогическими взглядами Л.Н. Толстого относится к 1905 г. Именно тогда идеи свободного воспитания, воплощенные в жизнь в Ясной Поляне, привлекли молодого, бросившего гимназию Дурылина в издательство «Посредник». В 1907 г. издательство начало выпуск журнала «Свободное воспитание» – по словам Сергея Николаевича, этот журнал «вошел в историю русской педагогики как единственный орган, ратовавший за реформу педагогики, воспитания на основе свободы, то есть признания творческой личности ребенка»¹. За годы работы в журнале (1907–1913) Дурылин написал более семи десятков статей, посвященных разъяснению, распространению и развитию этих новых педагогических принципов. Наряду с этим интересно отметить следующий факт: за все семь лет работы в «Свободном воспитании» на страницах журнала собственно к Толстому-основателю Дурылин обращался всего четыре раза, причем два из них – это небольшие заметки, в которых автор отмечает, что в современном обществе педагогические идеи Льва Николаевича не только перестают быть утопией, но и к ним появляется возрастающий интерес². Да и личный визит, несмотря на потенциальную возможность, Дурылин нанес Толстому только в 1909 г., – и то не по личной инициативе, а в рамках своей деятельности в «Посреднике».

Причины такой «холодности» можно проследить по статьям Дурылина. В первой упомянутой из них Сергей Николаевич обобщает взгляды Толстого времен яснополянской школы и его современные взгляды на педагогику. Главная черта всей педагогики Л.Н. Толстого, по словам Дурылина, – это преклонение перед божественностью человека. Поэтому в основу любого воспитания и образования, по мнению Толстого, должно быть положено «религиозное понимание жизни». Далее Дурылин выделяет две «драгоценные черты Толстого-учителя». Первая – это уверенность учителя в том, что он знает только то, что он ничего не знает. Уверенность в том, что любой учитель, соприкасаясь с тайнами человеческой души, может совершить множество ошибок. Уверенность в том, что учитель является «вечным тупым учени-

ком» своих учеников. И вторая черта – «крепкое» доверие к детской свободе. При этом Толстой вычеркивает любые формы наказания из воспитательных средств, потому что «наказание всегда ложь и мерзость пред Богом, ибо только Богу ведома душа человека». По мнению Толстого, «учитель всегда стремится выбрать более удобный для себя метод преподавания, и чем более он его находит, тем более неудобно это ученикам»³. Из этого Дурылин делает ключевой вывод о том, что педагога Л.Н. Толстой в 30 лет и Л.Н. Толстой в 1900-х гг. схожи, потому что и у того, и у другого присутствуют вышеприведенные принципы и черты⁴.

И в последней упомянутой статье Дурылин обращается к разбору книги болгарского профессора П.М. Нойкова «Педагогика Л.Н. Толстого», посвященной педагогической деятельности Льва Николаевича⁵. Таким образом, Дурылин писал о Толстом очень немного, а в своих двух статьях, относящихся к рубежу 1910–1911 гг., он лишь отталкивался от яснополянской педагогической практики, со всем соглашаясь. Ничего нет о Толстом в начале XX в. и в «Свободном воспитании». Такое положение вещей может свидетельствовать только о том, что взгляды Дурылина на педагогику, ее роль и место в жизни ребенка и т.п. очень скоро разошлись со взглядами самого Толстого. Критиковать же Льва Николаевича на страницах созданного им журнала, полемизировать, спорить с его точкой зрения было абсурдом.

Совершенно другой взгляд Дурылина на педагогику Льва Николаевича можно увидеть в статье, не имеющей отношения к толстовскому журналу. Такой альтернативной статьей можно считать рукопись Дурылина «Л.Н. Толстой и свободное воспитание»⁷, относящуюся приблизительно к этим же годам. В ней автор пишет: «Оглядываясь в "Исповеди" на свою прошедшую жизнь и на ее дела, Толстой резко осудил свою педагогическую деятельность, свою работу в качестве педагога-мыслителя и народного учителя». И более того, переворот заставил признать Толстого свою предыдущую педагогическую деятельность «прихотью и развращением детей»⁸. Далее Дурылин обращает внимание читателя на то, с какой резкостью Толстой некогда обрушивался на само понятие «воспитание», видя

Михаил Андреевич Буздыгар – ПСТГУ, Москва.

в нем нечто насильственное. А теперь же он сам предписывает новый закон, который должен, по новому убеждению Толстого, лечь в основу всего воспитания – это «религиозное понимание жизни!» То есть теперь преподавание нравственного учения выступает основой воспитания, и без этой нравственной компоненты образование становится вредным и ненужным⁹.

Теперь Толстой «совершенно отрицает педагогику как особую область человеческого мышления, творчества и действия», а вопросы воспитания, по мнению Толстого, абсолютно сливаются с вопросами моральными и религиозными, и Лев Николаевич много времени уделяет обучению детей в духе христианства. Но проблема, на которую указывает Дурылин, заключается в том, что обучение-то ведется в духе христианства, как его понимает сам Толстой! «Основу современных взглядов Толстого на воспитание, пользуясь его же словами, можно выразить так, – продолжает критику Дурылин, – воспитательная гипнотизация, воспитательное внушение детям религиозного учения Христа в том виде, как его принял Толстой, – это все, что нужно детям, что должно заложить в современную школу... а остальное же – образование, знание, наука, искусство или несущественно, или ненужно, или вредно»¹⁰.

Вердикт же Дурылина заключается в том, что «нравственная гипнотизация», ныне проповедуемая Толстым, уже не имеет ничего общего со свободным воспитанием, а полностью относится к «нравственно-деспотизму», против которого так гениально выступал Л.Н. Толстой в 1860-х гг.

Такое двойственное и критическое отношение к Толстому присутствует и в неопубликованном рассказе Дурылина «Бегун», посвященном жизненному пути Л.Н. Толстого: «Кажется, Толстой только и делал в жизни то, что убежал. Бросил университет – ушел в деревню, из деревни – в Москву. Уехал на Кавказ, на войну, от войны уходит в литературу, от литературы новый уход – в Яснополянскую школу; из школы – опять в литературу, в женитьбу, в семью, в хозяйство, опять в педагогику и, наконец, в религию»¹¹. Это постоянное бегство, по мнению Дурылина, сопровождалось и постоянными отречениями, начало которым положило отречение Толстого от «Войны и мира».

Дурылин осуждает Толстого и в том, что тот, переняв у народа термин «баловство», теперь определяет им творчество Пушкина, Вагнера, Гете, Шекспира, а вот «тексты к лубочным картинам крестьянина Семенова», по мнению Толстого, являются редким и нужным искусством. Поэтому Дурылин «баловство» видит как раз в таких поступках Толстого. И ужас ситуации заключается в том, что за Толстым идут люди, не понимающие этого и верящие Толстому на слово, – сокрушается Дурылин. «Невинные толстовцы поверили, что написанное в толстых книгах “В чем моя вера?”, “Царство Божье” и т.д. и есть ни что иное, как учение Льва Толстого». В конечном же счете, Толстой, по мнению Дурылина, убегает от самого себя, отказывается от всего этого, убе-

гает от своего «баловства» к чужому. Толстой начинает прятаться в чужих мыслях. Толстой «не подписывает своих мыслей, переделывает и не подписывает чужие, и иногда сам не может определить, где свое, где чужое»¹². Толстой теряет индивидуальность: «так ушел от «своего», что и у других уже не замечает «своего». На эту мысль Дурылина наводит вышедший трехтомник писем Толстого. «Если зачеркнуть имена адресатов... то нельзя узнать, кому написано письмо: все одинаково, всем одинаково. Да и письма ли? Письма всегда индивидуальны...»¹³.

В заключении рассказа Дурылин в отношении Л.Н. Толстого приводит в пример образ сада, в котором растет и цветет множество разных цветов. И эти пахнущие цветки олицетворяют собой конкретных творческих людей. Если попадаешь в такой сад, то ты не можешь слышать аромат одних цветов и не слышать аромата других. А Лев Николаевич все время пытался делать именно это. В этом видится абсурдность.

Подобные настроения и мысли в отношении Льва Николаевича появились у Дурылина еще в 1908 г. Подтверждение этому мы находим в его письме к своему другу Всеволоду Разевику¹⁴. Письмо написано Дурылиным под впечатлением от полученного им, в свою очередь, письма от Н.Н. Гусева – биографа Льва Николаевича, в котором Гусев, отвечая на вопрос Дурылина о том, читал ли Лев Николаевич какую-нибудь современную литературу, написал, что «Лев Николаевич никогда не помнит названий книг, да и редкие книги читает полностью (только те, которые привлекают его своей серьезностью), а о несерьезных книгах судит по 1-2 страницам...»¹⁵. Этот факт, судя по стилю письма, произвел на Сергея Николаевича очень сильное впечатление, которым он и делится с Разевигом. Среди общего сокрушения о невозможности такого подхода к литературе присутствует и следующее: «Ни строки я не напишу об этом человеке до тех пор, пока не буду в состоянии, пользуясь документиками вроде гусевского письма сказать то, что думаю, что знаю о великом старце»¹⁶. Очевидно, что этой цитатой можно отчасти объяснить немногословность Дурылина в отношении Льва Николаевича.

В этом же письме находится и некоторый личный приговор Толстому, вынесенный Дурылиным: «Юбилей Толстого – гнусное лицемерие... Праздновать юбилей Толстого – автора “Анны Карениной” мы не можем: он умер и ему нет годовщины; праздновать юбилей Толстого – моралиста, критика и etc. – мы не должны, т.к. не можем приветствовать человека – врага свободной мысли, жизни, искусства, науки, культуры... А в августе мы поманем радостно, светло и искренно истинного наследника Пушкина – мыслителя, поэта Тургенева, который не “исповедовался”, не писал о добрых делах и вреде собственности, сидя в теплом уюте Ясной Поляны, но был великий, светлый, всемирный художник, творец культуры и радости мысли и страдания...»¹⁷. Эту же мысль Дурылин окончательно сформулировал в уже упомянутой

рукописи «Л.Н. Толстой и свободное воспитание», где прямо указывает на существование теперь уже двух совершенно разных Толстых: графа Л.Н. Толстого 60-х гг. и Льва Николаевича 1890–1900-х гг., и призывает любить и дорожить только первым Толстым 1860-х гг. – создателем Яснополянской школы.

Отношение Дурылина к Толстому можно считать явным признаком начавшегося мировоззренческого поиска. Дурылин проявляется как здравомыслящий, критичный человек, обладающий своей точкой зрения. Он охватывает очень многое, но взвешивает это все и оставляет только то, что правильно и действительно нужно. Дурылин, увидев схожесть яснополянской деятельности Толстого со своими взглядами на педагогику, обращается к ним и приходит работать в «Свободное воспитание». Но вскоре он замечает уход современного ему Толстого от взглядов 1860-х гг. Это никоим образом не останавливает педагогической деятельности Дурылина. Он продолжает самостоятельно работать в «Свободном воспитании», раскрывая уже свою точку зрения и опираясь на педагогику Толстого лишь времен Яснополянской школы.

Глубокий интерес к Л.Н. Толстому С.Н. Дурылин сохранил впоследствии на протяжении всей своей жизни. Даже не разделяя его взглядов, он всегда относился к ним с подчеркнутым пиететом, – так же, как и к его личности¹⁸. В одном из писем к Н.Н. Гусеву, приуроченном к 100-летию юбилею Толстого, Дурылин написал: «Я никогда, с детства, не был равнодушен к Льву Николаевичу. Я любил или не любил его, шел за ним (по крайней мере, пытался идти) или шел от него, хранил в душе моей семя, брошенное его мыслью, или давал его на вывезенье враждебным ему ветрам, – но равнодушен и холоден не был к нему никогда...»¹⁹ Для Дурылина Толстой, безусловно, одаренный человек, «не был современником своей современности», содержал в себе нечто противоречивое, что не входит в привычные общественные каноны. Эта противоречивость и была, вероятно, причиной такого двойственно-го отношения к нему: причиной постоянного притяжения Дурылина к Толстому и в то же время отталкивания

от него. Противоречивость личности Толстого была для Дурылина как нерешенный мировоззренческий вопрос, требующий постоянного внимания и не дающий душевного спокойствия.

Примечания

¹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 216. Л. 27–28; См. также: Дурылин С.Н. Школа – жизнь // Свободное воспитание. 1907–1908. № 12. С. 117; Дурылин С.Н. Что такое школьная дисциплина в школе существующей и той школе, какая должна быть? // Свободное воспитание. 1912–1913. Продолжение: № 12. С. 73–74; Дурылин С.Н. Н.И. Пирогов и будущее воспитания и образования // Свободное воспитание. 1910–1911. № 4. С. 7; Дурылин С.Н. Выставка одной экспериментальной школы // Свободное воспитание. 1909–1910. № 11. С. 1–8.

² Дурылин С.Н. Яснополянская школа // Свободное воспитание. 1907–1908. № 1. С. 84–86.

³ Дурылин С.Н. Л.Н. Толстой как школьный учитель // Свободное воспитание. 1910–1911. № 6. С. 17–25.

⁴ Там же. С. 35–36.

⁵ Дурылин С.Н. Педагогика Л.Н. Толстого в оценке болгарского профессора // Свободное воспитание. 1910–1911. № 6. С. 63–78.

⁶ Там же. С. 69–70.

⁷ Дурылин С.Н. Л.Н. Толстой и свободное воспитание // Свободное воспитание. ВЛАДИ. Педагогический альманах. М., 1993. Вып. 4. С. 1–4.

⁸ Там же. С. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Д. 373. Л. 36–39.

¹⁵ Там же. Л. 37.

¹⁶ Там же. Л. 38.

¹⁷ Там же. Л. 39.

¹⁸ Это особенно чувствуется в тех записках, которые он вел для самого себя. См.: Дурылин С.Н. В своем углу. М., 2006.

¹⁹ Там же. С. 661.

Е.В. Панкратова

Государственная политика в сфере народного образования в 30-е гг. XX в.

Развитие системы народного образования было признано советской властью одним из наиболее приоритетных направлений. Результатом государственной политики, проводимой в сфере народного образования, стало появление в стране широкой сети учебных заведений.

В 1928 г. отмечалось, что «культурное состояние Средневолжской области «находится на низком уровне», а «по грамотности мы находимся на последнем месте»¹. На IV пленуме Средневолжского обкома ВКП(б) в апреле 1929 г. особо подчеркивалась «необходимость принятия целой системы решительных мер... по расширению сети школ, курсов, техникумов, вузов...»². Уже в годы первой пятилетки в Средневолжском крае количество учебных заведений выросло до 17 вузов и втузов, в которых обучалось 7 тыс. студентов, насчитывалось 142 техникума с 43 тыс. учащихся³. Только на территории Пензенской области, образованной в 1939 г., число общеобразовательных школ всех видов увеличилось с 1635 (на учебный 1914/15 г.) до 1856 к концу рассматриваемого периода (1940/41 учебный г.), а численность учащихся возросла с 128,8 тыс. до 301,1 тыс. человек⁴. К 1940 г. в Пензе было два высших учебных заведения. Число средних специальных учебных заведений увеличилось с 3 в 1914/15 г. до 24 в 1940/41 г., а число учащихся возросло соответственно с 0,6 тыс. человек до 7,9 тыс.⁵ В Куйбышевской области к 1940 году насчитывалось 9 вузов и 83 техникума, а число студентов достигло 32 тысяч⁶.

Развитию системы народного образования уделялось повышенное внимание, так как всеобщая, пусть и элементарная, грамотность должна была обеспечить охват максимально широких слоев населения процессом идеологизации, обеспечивала доступ к информации, основным носителем которой являлась печатная продукция.

Советская система народного образования была безальтернативна. Благодаря этому стало возмож-

Елена Владиславовна Панкратова – старший преподаватель Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.

ным формирование единообразия мировосприятия, отсутствие критического мышления и инакомыслия, навязывание определенных моделей поведения. С 1930-х гг. развернулась настоящая борьба с «аполитичностью в школе».

В 1930-е гг. была осуществлена частичная подмена образования политическим воспитанием. В советской школе «исключительно важное значение приобретает выдержанное коммунистическое воспитание»⁷. Именно политико-воспитательная работа среди учащейся молодежи «должна сыграть громадную роль для укрепления и развития кадров, которые будут строить бесклассовое социалистическое общество»⁸.

Если по каким-либо причинам политическому воспитанию в образовательном процессе не уделялось, по мнению властей, должного внимания, это рассматривалось как грубейший просчет, допущенный в работе. Считалось, что любой срыв «в воспитательной работе дает козырь в руки нашего классового врага, который хорошо его использует»⁹. В черед недостатков, выявленных в работе Пензенского художественного техникума в 1934 г., в первую очередь отмечалось, что там «не обеспечивают подготовку политически грамотных и воспитанных специалистов», что «выпускные испытания показали полную неподготовленность студентов, особенно по вопросу текущей политики»¹⁰.

Нельзя не отметить тот факт, что в среде учащейся молодежи отношение к «политизации учебного процесса» было далеко неоднозначным. Не все были готовы согласиться с такой расстановкой приоритетов. Однако жалобы учащихся на излишнюю политизацию учебного процесса вызывали негативную реакцию со стороны властей. «Аполитичным культурничеством», «увлечением академизмом» было признано заявление студентов: «Нам нужно быть специалистами, что нам обществознание»¹¹.

Во многом благодаря воспитательной работе, проводимой в образовательных учреждениях, у подрастающего поколения формировалось восприятие окружающего мира через призму бинарных оппозиций. А. Аджубей вспоминал: «Для мальчи-

шек и девочек того времени мир делился только на «белых» и «красных». Нам и в голову не приходило раздумывать, на чьей быть стороне. В этом красном мире жили и совершали подвиги полярные исследователи, челюскинцы, попанинцы»¹². Воспитание подрастающего поколения происходило в духе нетерпимости и бескомпромиссности. Эти качества оценивались исключительно с положительной стороны. Общее собрание Политпросветшколы в 1938 г., рассмотрев вопрос о низком уровне дисциплины, принимает резолюцию, в которой говорится о необходимости «воспитывать среди студентов большевистской нетерпимости к этому злу»¹³.

По мнению А.В. Луначарского, воспитательная работа должна вестись прежде всего «путем эмоционального воспитания, т.е. воздействия на человеческие чувства, возбуждения в том, кого вы воспитываете, чувства негодования, радости, дружбы, ненависти и печали – всей громадной гаммы различных страстей, различных движений нашей эмоциональной натуры»¹⁴. Очень интересен взгляд на воспитание М. Горького. «В нашей стране воспитывать – значит революционизировать», – писал он¹⁵. Преподавание в школе должно было быть «поставлено таким образом, чтобы каждый урок был коммунистически направлен и пронизан воспитательными моментами»¹⁶. Предложенная схема годового учебно-производственного плана работы школы на 1933/1934 учебный год включала в себя пункт, в котором говорилось о том, что он обязательно «должен быть глубоко пропитан борьбой за чистоту марксистско-ленинского воспитания, борьбой с проявлениями чуждо-классовых настроений, вылазок классового врага, его агентуры...»¹⁷.

В 1930-е гг. в школе много внимания уделялось воспитанию «в детях умения разбираться в вопросах классовой борьбы»¹⁸. На основе показа «героической борьбы в прошлом и настоящем рабочего класса с угнетателями» следовало «воспитывать интернациональное чувство и любовь к угнетенным всех национальностей»¹⁹. В пионерских отрядах с этой целью проводились беседы на следующие темы: «Наши друзья за границей и их работа», «Помощь заграничным товарищам-пионерам», «Положение детей в капиталистических странах и СССР»²⁰. Эти беседы должны были воспитывать интернационализм, знакомить с классовой борьбой за рубежом и непременно показывать преимущества советского строя.

Школа формировала и навыки борьбы с врагом. В рамках проведения 20–27 мая 1928 г. 8-й международной детской недели для бесед в отрядах рекомендовался целый ряд тем, одна из которых называлась «Наши враги и борьба с ними»²¹. Школьный урок обществоведения по теме «Пионеры и школьники честны и правдивы; они берегут социалистическую собственность» должен был иметь пример-

но такое содержание: «Классовые враги – кулаки, вредители проникают на фабрики и заводы, на железные дороги, в колхозы и совхозы, кооперативы и всячески стараются там вредить и расхищать социалистическую собственность. Школьник должен разоблачать врагов Советов (дать картинки из борьбы детей с классовым врагом). Разоблачать врагов на фабриках, в колхозах, на транспорте и т.д. (Павлик Морозов и др.)»²². На уроке следовало уделить внимание и тому, что «среди рабочих и колхозников есть еще люди, помогающие классовому врагу: прогульщики, лодыри, воры. Надо бороться с ними (дать картинки из охраны детьми колхозного урожая и т.п.)»²³. Учебник по истории СССР для III–IV классов за 1937 г. содержал предупреждение о том, что «шпионы пробираются на заводы и фабрики, в большие города и села. Надо тщательно следить за всеми подозрительными людьми, чтобы выследить фашистских агентов»²⁴.

По любому предмету, изучаемому в различных учебных заведениях, учебные планы включали темы, содержание которых знакоило с классовой борьбой, с возможной враждебной деятельностью. Так, дисциплина «Русский язык», согласно учебно-производственному плану Пензенской совпаршкола на 1934/1935 учебный год, включала тему, посвященную происхождению, роли и значению языка, в рамках которой следовало рассмотреть вопрос о языке как «орудии классовой борьбы»²⁵.

Центральной задачей должно было стать «усиление борьбы против всяких попыток привить детям советской школы элементы антипартийной идеологии»²⁶. Таким образом, школа становится еще одной «ареной классовой борьбы».

В 1930-х гг. часто звучали заявления о том, что «в школах сплошь и рядом не обеспечивается воспитание в духе марксизма, что, несомненно, объясняется наличием среди педагогов некоторых слоев, чуждых нам по своей идеологии и по своим традициям»²⁷. В докладной записке в губком ВЛКСМ сообщалось, что в школе № 6 г. Самары работает «обществовед Николаев – монархист. Он имеет в коллективе группу себе подобных. Представители этой группы заявляют, что молодежь пойдет за ними, а не за коммунистами. Это заявление при особо недоброкачественном составе данной школы имеет под собой реальную почву»²⁸.

Недопустимым явлением считался отход от установленной программы, любое проявление инакомыслия. В первую очередь это относилось к общественным дисциплинам. Здесь от преподавателей требовалось особо строго следование программам. В Кооперативном техникуме в 1933 г. «в процессе преподавания истории ВКП(б)» выявили следующие огрехи: «Грубые отклонения от программы и протаскивание троцкистской контрабанды. Преподаватель истории ВКП(б) упорно обходит вопро-

сы борьбы большевизма с меньшевиками, троцкистами и контрабандистами контрреволюционного троцкизма, старается смазать сущность большевизма, дать историю партии в извращенном виде, подменить ленинизм троцкизмом»²⁹. В Лесотехническом техникуме были зафиксированы «нарушения», допущенные заместителем директора, секретарем ячейки ВКП(б) Буториным, который преподавал в техникуме обществоведение. Он объяснял студентам, что «отмирание государства у нас начинается с момента захвата власти пролетариатом, а не с момента ликвидации классов»³⁰.

Одной из важнейших задач в сфере народного образования на протяжении всего предвоенного десятилетия оставалась борьба с неграмотностью. Вместе с тем по Среднему Поволжью отмечалось, что значительную часть мест в школах занимали переростки, количество неграмотных детей уменьшалось крайне медленно³¹. Постоянно ставились задачи «добиться стопроцентного охвата обучением неграмотных и полного охвата всех детей школьного возраста и подростков»³². Помимо образовательных учреждений, «все предприятия, колхозы и совхозы края должны немедленно включиться в ликбезпоход, стать в передовые колонны борцов за всеобщую»³³. Тем не менее, приблизиться к желаемому результату удалось лишь к концу 1930-х гг.

Образовательные учреждения должны были стать барьером, ограждающим подрастающее поколение от нежелательного влияния. Школе, прежде всего, следовало противостоять «вредному домашнему влиянию». Она должна была не допустить распространения среди учащихся предрассудков и классово-чуждых настроений, носителями которых могли быть родители. На конференции учителей г. Пензы и района, состоявшейся 22 августа 1934 г., один из выступающих обращал особое внимание на то, что «в противовес школьному воспитанию бывают вредные домашние влияния, когда всплывают старые предрассудки и ведет агитацию классовый враг». Школа призвана, таким образом, вести «борьбу с вредным влиянием среды», что само по себе являлось одним из направлений борьбы за построение социалистического бесклассового общества.³⁴ Любой срыв «в воспитательной работе дает козырь в руки нашего классового врага, который хорошо его использует», – говорилось в докладе, посвященном работе классного руководителя и прозвучавшего на конференции просвещенцев г. Пензы и района, которая состоялась 24 августа 1935 г.³⁵

Итак, в развитии системы народного образования в Среднем Поволжье в 1930-е гг. удалось до-

стичь несомненных успехов, создав широкую сеть учебных заведений. Однако приоритетным направлением была не собственно образовательная деятельность, а политико-воспитательная работа. Предельно идеологизированные учебные программы и содержание учебных дисциплин, несомненно, способствовали формированию особой модели поведения, для которой было характерно проявление нетерпимости, бескомпромиссности, максимализма и морального абсолютизма.

Примечания

- ¹ Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 54. Оп. 1. Д. 25. Л. 30.
- ² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2504. Л. 30.
- ³ Коммунист. 1932. № 1–2. С. 19–22.
- ⁴ Пензенская область в цифрах и фактах. Куйбышев, 1977. С.124.
- ⁵ Там же. С.124–125.
- ⁶ СОГАСПИ. Ф. 656. Д. 78. Л. 42.
- ⁷ КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 357.
- ⁸ Большевик. 1935. № 12. С. 57.
- ⁹ ГАПО. Ф. р-429. Оп. 1. Д. 203. Л.8.
- ¹⁰ ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 394. Л. 15.
- ¹¹ ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 384. Л. 9.
- ¹² *Аджубей А.* Те десять лет. М., 1989. С.194–195.
- ¹³ ГАПО. Ф. р-1381. Оп. 1. Д. 175. Л. 6.
- ¹⁴ *Луначарский А.В.* Искусство и молодежь. М., 1929. С. 128.
- ¹⁵ *Горький М.* Собр. соч. в 30 т. Т. 27. С. 97.
- ¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 7. Д. 57. Л. 33.
- ¹⁷ ГАПО. Ф. р-429. Оп.1. Д. 187. Л. 46об.
- ¹⁸ ГАПО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.
- ¹⁹ ГАПО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.
- ²⁰ СОГАСПИ. Ф. 9388. Оп. 12. Д. 73. Л. 28.
- ²¹ СОГАСПИ. Ф. 9388. Оп. 12. Д. 73. Л. 29.
- ²² ГАПО. Ф. р-429. Д. 187. Л. 54.
- ²³ ГАПО. Ф. р-429. Д. 187. Л. 55.
- ²⁴ *Кудрявцев В.Н., Трусов А.Н.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 93.
- ²⁵ ГАПО. Ф. р-420. Д. 129. Л. 37.
- ²⁶ КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 357.
- ²⁷ ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 25. Л. 77.
- ²⁸ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2582. Л. 59.
- ²⁹ ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 384. Л. 10–11.
- ³⁰ ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 474. Л. 75.
- ³¹ СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 2. Д. 15. Л. 17.
- ³² Волжская коммуна. 1931. 21 января.
- ³³ Там же.
- ³⁴ ГАПО. Ф. р-429. Оп. 1. Д. 187. Л. 8.
- ³⁵ ГАПО. Ф. р-429. Оп. 1. Д. 203. Л. 8.

Д.Н. Чангалиди

Формирование устойчивого интереса к пограничной службе у школьников во внеклассной работе по истории

В процессе изучения истории учитель может воздействовать на ценностные установки школьников. Но для этого надо так организовать обучение, чтобы учащиеся не просто познакомились с фактами, событиями, процессами и деятельностью людей, но и умели оценивать их с точки зрения своих стремлений, потребностей, интересов.

Важнейшим направлением нравственно-патриотической работы является воспитание чести и достоинства на примере русских офицеров, хорошо знавших цену чести и долгу и потому верно служивших Родине¹.

Воспитание на воинских традициях представляет собой специфические формы отношений в виде порядка, правил и норм поведения, духовных ценностей, нравственных установок и обычаев, связанных с выполнением учебно-боевых задач, организацией военной и других видов государственной службы и быта. Важнейшими воинскими традициями, оказывающими наибольшее воспитательное воздействие, являются:

- верность военной присяге, боевому знамени;
- служение интересам народа, самоотверженность и самопожертвование, героизм и мужество;
- воинская доблесть, умение стойко переносить трудности военной службы.

Воспитание на воинских традициях предполагает:

- активное использование историческо-

¹ Дмитрий Николаевич Чангалиди – зам. нач. отделения по воспитательной работе воинской части 2043, г. Кяхта, Республика Бурятия, соискатель кафедры педагогики БГУ.

го материала о героическом пути, боевых традициях полков и дивизий;

- участие ветеранов войны, участников боевых действий в вооруженных конфликтах в мероприятиях военно-патриотического воспитания и др.

Например, школьникам должно быть интересно, почему такие разные люди, характеры, судьбы, объединенные одним именем «декабристы», оставили глубокий след в истории и культуре нашей страны. Их жизнь, полная возвышенных стремлений и трагических ошибок, должна быть известна современным молодым людям, начинающим всерьез задумываться о своей судьбе². Знакомясь с жизнью настоящих офицеров, людей сильных духом, живших достойно, учащиеся обсуждают вопросы, связанные с пониманием истинной дружбы, умением отвечать за свои поступки.

В качестве учебного материала для обсуждения можно подготовить пресс-релиз «Кодекс чести русского офицера», свод моральных и этических норм, который состоит из 20 пунктов, часть из которых приведем ниже:

- знать и любить Россию, быть благородным гражданином и патриотом, служить Отечеству верно;
- следовать девизу «Жизнь – Отечеству, честь – никому!»; оберегать и защищать достоинство офицерского звания, личную честь, честь армии и государства;
- быть благородным в поступках и намерениях; постоянно повышать свой интеллектуальный уровень, расширять культурный кругозор;
- соответствовать высокому этическому стандарту, заботиться о чистоте своей репу-

тации и всего офицерского корпуса; быть верным своему слову;

– в гражданском обществе и в военной среде соблюдать приличие и правила этикета; быть достойным; не допускать бесчестных поступков³.

Внеклассная работа по истории является, по нашему мнению, эффективным средством формирования устойчивого интереса к воинской службе. Ведь не секрет, что Вооруженные Силы страны, и в том числе пограничная служба, нуждаются в ответственной, сознательной допризывной молодежи.

Особенно это актуально в городах, где размещены войсковые части, пограничные отряды. Осознавая это, мы предложили педагогам школ г. Кяхты организовать цикл факультативных занятий «Офицеры-пограничники в истории Отечества». Приступая к разработке соответствующей программы, мы учитывали педагогические основы организации внеклассной работы по истории (Н.Е. Алендеева).

1) Внеклассная работа по истории – составная часть педагогической деятельности преподавателя истории в школе, которая позволяет расширить исторический кругозор учащихся, развивает их интерес к истории.

2) Одним из видов внеклассной работы является фронтальная внеклассная работа, охватывающая сразу большое количество учащихся. Различают формы фронтальной внеклассной работы: олимпиады, викторины, конференции, клубы, школьные краеведческие кружки, музеи, встречи с участниками исторических событий и др.

Например, занятия исторического кружка проводятся в виде тематических заседаний, встреч с интересными людьми, работы лекторской группы, викторин, выставок рисунков учащихся к памятным датам, иллюстраций к учебнику истории, выпуска работ на исторический сюжет, экскурсий⁴. Работа исторического кружка реализует многие формы внеклассной работы по истории.

3) В качестве наиболее формализованного вида фронтальной внеклассной работы мы рассматриваем внеклассные (факультативные) занятия по истории.

4) Основными признаками внеклассных занятий считаются:

– внеурочный характер учебной деятельности (в свободное от уроков время);

– учитель свободен в выборе содержания работы;

– участие школьников является добровольным;

– школьникам предоставляется возможность проявить свои интересы, потребности, желания;

– есть возможность привлечь родительскую общественность, учреждения, организации;

– доминируют коммуникативные, творческие виды деятельности;

– акцент на воспитательные и развивающие цели обучения.

5) Внеклассные занятия нужны прежде всего школьнику, поскольку удовлетворяют некоторые его важнейшие потребности: потребности в общении, самовыражении и самореализации, признании и уважении.

Также мы понимали, что организатору внеклассной работы необходимо сформировать представления старшеклассников о том, что:

– воинская служба, как и любой общественно-полезный труд, уважаем и необходим в нашем обществе;

– воинский долг – это обязанность перед обществом, семьей;

– история пограничной стражи составляет интереснейшую страницу истории.

Мы полагаем, что внеклассные занятия могут интегрироваться с уроками по истории, став их продолжением, обогащая жизненный опыт и ценностное отношение к историческому прошлому и настоящему.

Для достижения этой цели, полагаю, можно использовать методику проектной деятельности, при которой от учителя требуется не столько объяснение материала, сколько создание условий для развития исследовательских навыков учащихся, расширения их познавательного интереса. Алгоритм организации проектной деятельности прост: учитель определяет ряд тем, учащиеся осуществляют поиск информации по своей проблеме и в ходе выработки решения самостоятельно осваивают ряд вопросов учебной темы.

**Программа факультатива по истории
(для старшеклассников – будущих военнослужащих)**

ОФИЦЕРЫ-ПОГРАНИЧНИКИ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

Тематика и содержание занятий	Источники и материалы
Раздел 1. Из истории становления пограничной службы	
1. История становления офицерского корпуса пограничной охраны. Создание Отдельного корпуса пограничной стражи	«Положение об устройстве пограничной таможенной стражи» (1827 г.)
2. Формирование пограничной охраны на участке Забайкальского пограничного округа. Из истории Кяхтинского пограничного отряда	Методические материалы для проведения единого информационного дня «ЗабРУ – 70 лет на страже границы». Экспозиции Кяхтинского краеведческого музея
Раздел 2. Нравственные качества офицеров – основа успешной военной службы	
3. Нормы офицерского этикета: «Всякий офицер обязан совершенно отчетливо понять, что военная служба по существу своему не подходит для людей слабовольных, не способных сдерживаться и утративших чувство меры и достоинства»	Воинские артикулы Петра I. «Правила учтивости офицера». «Наставление господам офицерам Нарвского пехотного полка в день сражения». Устав Гарнизонной службы (1890 г.)
4. Компоненты офицерской чести: любовь к Отечеству, исполнительность и дисциплина, товарищество. Генерал Карбышев: «Господа генерал-фельдмаршалы, честь русского офицера повелевает мне заявить вам следующее. Я не могу ни при каких условиях, и ни в какой форме сотрудничать с вашим инженерным ведомством, пока Германия находится в состоянии войны с моей страной. Я не изменю России сейчас, когда она успешно борется на полях сражений. Но если бы я увидел, что Родина терпит поражение – я тем более не изменил бы ей, господа!»	К.К. Рокоссовский «Солдатский долг». В. Пикуль «Честь имею». Е.Г. Короленко «Честь мундира – нравы военной среды»
5. Нравственные качества офицера. «Офицер неотъемлемо должен сохранять всегда правила благовоспитанности благородного человека: благонравие, кротость, скромность, постоянство, благородное сохранение своего имени, твердость, терпение во всяких опасностях сохранения духа. Офицер должен обращать внимание свое на все, что достойно уважения благомыслящих людей, а отвратить себя от всего того, что может служить признаком худых склонностей человека. Офицер в поступках своих должен всегда подавать похвальный пример сотоварищам своим, от коих получит хорошее о себе мнение. Офицер должен дорожить честью своего имени, которое должно служить украшением его звания. Главное качество офицера по службе – есть знание оной»	М. Бестужев-Рюмин «Краткий памятник для полевых офицеров» (1818 г.)

Далее приведем конспект факультативного занятия по истории «На границе тучи ходят хмуро...».

Школьники должны понять, что честь – это внутреннее достоинство мужчины, верность, доблесть, благородство души, чистая

совесть. Честь офицера заключается в самоотверженном, доблестном служении во имя высших государственных интересов и общего блага страны.

Внеклассная работа по истории, направленная на формирование интереса к пограничной воинской службе, призвана помочь старшеклассникам уяснить сущность традиций пограничных войск, формирующих высокую гражданственность и нравственность, любовь к Отечеству, другие качества, необходимые для службы в пограничных войсках.

Например, можно организовать проектную поисковую работу «Погиб при исполнении». Задание участникам проекта: собрать, уточнить сведения о военнослужащих (проживавших в г. Кяхте, проходивших службу в пограничном отряде) и погибших при исполнении воинского долга.

В плане патриотического воспитания это неоценимый материал, воспитывающий мужество, любовь к отчизне и своей малой родине, формирующий чувство глубокого уважения, любви к семье, родственникам погибших.

Большое воспитательное значение имеют общественно-политические акции, такие как митинги, открытие памятников и т.д. В г. Кяхте ежегодно проходит неделя боевой славы, посвященная победе в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

В 2008 г. в рамках недели было торжественное открытие памятника К.К. Рокоссовскому возле городского Дома офицеров. На церемонии открытия выступил командир 5-ой гвардейской танковой дивизии, гвардии генерал-майор А.В. Гурулев. Он отметил, что гвардейцы чтят прославленного маршала, который служил в Кяхте с 1922 по 1924 г. в должности командира 35-го кавалерийского полка. Инициаторами строительства памятника и сбора средств были ветераны войны и личный состав 5-гвар-

дейской танковой дивизии, расположенной в г. Кяхте. В акции приняли активное участие старшеклассники школ города.

Такое событие очень важно как для воспитательной работы, так и для заполнения «белых пятен» в истории России. В частности, в биографии маршала К.К. Рокоссовского написано: «после окончания гражданской войны служил в далеких и глухих уголках Забайкалья», «Рокоссовский служил в Забайкалье, в 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригаде»⁵.

Таким образом, возможен еще один историко-патриотический⁶ проект «Маршал Рокоссовский в Кяхте: 1922–1924 гг.», который бы позволил воссоздать исторические реалии, вовлечь старшеклассников в мир ожившей истории, вызвать высокие чувства сопричастности значимым событиям минувшего времени.

Примечания

¹ Инновации в Российском образовании. Дополнительное образование и воспитание детей и молодежи. М., 2000.

² *Ефремов А.В., Евладова Е.Б., Петракова Т.И.* Комплексная программа воспитания школьников V–XI классов в системной внеурочной работе и дополнительного образования. М., 2002.

³ *Акиндинов В.* История становления и традиции офицерского корпуса русской армии // Ориентир. 2001. № 3.

⁴ Методические подходы к патриотическому воспитанию учащихся во внеклассной работе по истории / Автор-составитель Л.В. Лазутина. Под редакцией Г.З. Праздниковой. Тамбов, 2000.

⁵ *Кардашов В.И.* Рокоссовский. М., 1980. (Серия «Жизнь замечательных людей». Серия биографий. Выпуск 2 (517)). – militera.lib.ru/bio/kardashov/index.html

⁶ Историко-патриотическое воспитание в XXI веке: традиции и перспективы: Материалы конференции / Сост. Л. А. Кропачева, Г. А. Сиимонова. Киров, 2002.